

ЛЮДМИЛА ХЛЫСТОВА

«Про жизнь и про любовь...»

Рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО
ФОНДА
РОССИИ
ИЗДАТЕЛЬ
ДОНСКОЙ
РОСТОВ-НА-ДОНУ

2021 г

ББК 96(2Рос-Рус)87
Х-220

Хлыстова Л.А. — «Про жизнь и про любовь...» — Сборник рассказов — Издательство Литературного фонда России «Донской писатель»: Ростов н/Д, 2021 г. — 92 стр.

ISBN 988-5-87612-035-9

В новую, юбилейную книгу известной донской писательницы Людмилы Александровны Хлыстовой вошли семнадцать рассказов, написанные в недавние годы и ещё не опубликованные в виде книги. О чём они? Об этом читателю говорит название сборника: они о «жизни», без которой нет любви и о «любви», без которой не бывает «жизни». Пожелаем автору счастливой судьбы его книги и читательского интереса.

© Хлыстова Л.А. 2021 г.
© ООО «Издательство «Донской писатель» 2021 г.

Людмила Хлыстова

Об авторе:

Хлыстова Людмила Александровна — писатель, публицист, член Союза писателей России, главный редактор газеты «Донской писатель».

Автор множества рассказов, сказок, миниатюр. В прозе Хлыстовой бытийные сюжеты, «суровая правда жизни», но вместе с тем неординарные ситуации, неожиданные проявления характеров героев повествований делает творчество Л. Хлыстовой заметным и узнаваемым.

Окончила Таганрогский радиотехнический институт. Живёт в г. Таганроге.

Первая книга рассказов «Грёзы и реальность» вышла в 2006 году. Затем сборник рассказов «Если всё будет хорошо» (2008); сказка в стихах «Как Данил себе жену искал» (2008); сборник юмористических рассказов «Представь себе» (2010); повесть «Зовущая птица» (2010). В 2011 году к юбилею автора увидела свет мини книжка из двух рассказов на злободневную тему «История одной поездки». Сборник коротких рассказов «Микрушки» появился в 2016 году.

Людмила Хлыстова публиковалась в журнале «Дон_новый», в альманахах «Вехи Таганрога»; «Берега»; «У солнечных часов»; в «Донском литературном альманахе» и др.

В новом сборнике рассказов «Про жизнь и про любовь» автор не изменяет своей однажды выбранной теме и только вплетает новые сюжеты, подсказанные жизнью.

Предисловие

Книги бывают разные: размышления, катарсиса, памяти, Китоговые. Книга Людмилы Хлыстовой — книга обобщение. В ней отобрано наиболее ценное, что составляет многолетний творческий опыт автора. Эта книга рассказов о людях, живущих рядом, обыкновенных, ничем не выдающихся, со своей непростой судьбой: неудачников по жизни и которых удача любит, необустроенных, нетребовательных и виноватых, любящих и обладающих какой-то душевной неприкаянностью, с житейскими, семейными неурядицами и повседневной суетой, живущих для «статистики». Словом, всё о нашем русском «окаянстве». Говоря словами автора: «Жизнь скрипит по инерции».

В то же время «вариативность» персонажей в книге весьма многолика. Вот прожила свой незадачливый век «наизнанку» баба Клава, сгубившая жизнь своему приёмному сыну и расстроившая судьбу незаконной дочери мужа («Вражда»), ожесточившаяся против всех своих близких Фаина («Фаина»), пустившая «под уклон» чужую жизнь предприимчивая Вера Максимовна («Свой выбор») — все уходят из мира как-то незаметно, внезапно, не задумываясь над тем, для чего он родился и какой цели жил в этом суетном мире. Неоднозначными «реминисценциями» возникает в книге извечная бунинская тема «грамматики любви». В чем тайна женского обаяния, «секрет» притяжения и неувядаемости чувств, — об этом «ключевой» рассказ «Любить никогда не поздно». Какими-то подспудными импульсами в ряде рассказов пробивается традиционный русский вопрос «Кто виноват?» («Скрипач», «Ошибка длиною в жизнь», «Урсула»). Проблема глобализации мира возникает в книге, как «камень преткновения» к решению исконных семейных традиций. Горькой иронией завершается рассказ «Хорошо!», в котором сын уезжает в Австра-

лию, предварительно определив 90-летнюю мать, отказавшуюся от «чужбины», в дом престарелых: «Пусть будут спокойны и счастливы наши сыновья на милой чужбине. Всё у нас хорошо. А будет ещё лучше!».

Характерно, что в книге нет назидательных нравоучений, что, несомненно, снизило бы уровень художественного восприятия, — в ней отражена непосредственная жизнь, которую автор знает не «из вторых рук», а именно по-настоящему чувствует, наблюдает, проникает в самую суть её противоречивого бытия. Ведь в ней можно ощутить отчётливые отблески и самой авторской жизни. Любопытны в книге метафорические параллели, аккомпанирующие во многих случаях поступку или состоянию персонажей: одиночество подобно «черной бездне с колкими звёздами» и прислушивающемуся к «темному безмолвию бледному плоскому уху луны», крайнее напряжение нервов сравнивается с рвущимися из бутылки пузырьками на столике мчавшегося экспресса, а неудавшаяся жизнь уподобляется «намотанному на шею» «разноцветному шарфу».

Автор, несомненно, умеет довольно тонко подметить движение подспудных «нервов» души, заострить внимание на самых оголенных конфликтных моментах, поставить в конце рассказа своеобразную «паузу», когда, кажется, всё уже завершено, но не всё еще кончено. Словом, эту книгу нужно читать, размышлять над ней, давая простор своей житейской и философской мысли.

*Людмила Малюкова, доктор филологических наук,
литературный критик.*

«Люди, которые воспринимают все пустяки близко к сердцу — больше всех способны искренне любить...»

Л.Н. Толстой

Любить никогда не поздно

Любить никогда не поздно

Светлана радовалась, что она вовремя вернулась из Москвы. На следующий день в их южном городе начались невиданные раньше ледяные дожди. Улицы, дома, машины, деревья за считанные часы покрылись ледяной коркой. Пройтись в ближайший магазин — всё равно, что заказать себе визит к травматологу. Поэтому выбраться из дома Светлана и не помышляла, а сидела перед компьютером, попивала кофе «с дымком» и рассматривала на ноутбуке фотографии, которые привезла из поездки. Снимков было много. Она пробыла в Подмоскowie целую неделю, половину своего зимнего отпуска.

Остановилась у Маринки Ковровой. С ней чаще, чем с другими, перезванивались, знали, что у кого и как. Вот она, подруга, рядом со своим вторым мужем. Радостная, как солнышко после дождя.

Марина — землячка. По паспорту она Марианна. Так называли её, чтобы не обижать ни одну из бабушек — Анну и Марию. Но в институте все её звали просто Маринкой. Когда они только поступили в Московский технологический, Марина тихоней была. И надо же! Первая из всех девчонок группы нашла свою любовь, осталась в Подмоскowie, нарожала шесть девчонок и «под занавес» сыночка. Глядя на фотографию большого дома однокурсницы, на занесённый снегом дворик с молодыми ёлочками по фасаду, Светлана задумалась. Почему Маринка рассталась с первым мужем Дмитрием? Семья, карьера, бизнес — всё у них пошло хорошо. Детей вырастили, и что же? Больше их ничего не связывало? Отчего милые люди расходятся? Каждый в отдельности — душа-человек, а вот поди ж ты...

Вспомнилось, как она убеждала подругу по телефону «не делать глупости».

— Марианна, подумай, всем, что у тебя есть, ты обязана Диме. Он — отец твоих детей! Мало ли что бывает! Прости и забудь!

— Ни за что! — рыдала та в трубку.

— Ты посмотри на себя! Тебе не двадцать и даже далеко не тридцать. Кому мы нужны сейчас? Ты думаешь легко каждый день встречать ночь одной? А решать всё самой? И делать всё самой?.. То замок сломался, то кран потёк! То затор в канализации, то стекло посыпалось! Да элементарно — полку повесить...

Выходит, Светлана ошибалась, и Маринке снова повезло. В тот же год она познакомилась с Евгением. Он офицер в отставке. Надёжный человек, сразу видно, а главное, что понравилось, — весёлый. Какой-то в Маринке магнит сидит, что таких положительных мужиков к ней притягивает. Может, в имени дело?

У Светланы всё не так. Муж по молодости, по глупости погиб. С тех пор одна. Ни детей, ни внуков. Пустоту вокруг себя старалась вытеснить работой.

Работа, работа, дом. А дома в четырёх стенах одной что делать? Телевизор? Компьютер? От первого тупеешь, от второго дуреешь.

Бывшие подруги все при семьях. Аппетитную вдовушку не любят в дом приглашать. За мужей опасаются, что ли?

Света выдумывала себе хобби. Но, так сказать, в шаговой доступности, не пускаясь в трудно осуществимые проекты. То вышивкой увлеклась, то гравюрой. Одно время ударились в изобретение кулинарных изысков. Но скоро разочаровалась: не для кого стараться, только килограммы лишние нарастают.

Как всё-таки хорошо, что она решилась оторваться от дома, и приняла приглашение старинных друзей. И вот они, картинки бесшабашных встреч с бывшими однокурсниками, с приятелями по НИИ, где отрабатывали послевузовскую практику! Кто скажет,

что им уже пенсия подмигивает? Года — прочь! Все молодые, холостые, ничем не стеснённые!

Конечно, беспристрастный цифровой «фотик» отразил порыхлевшие фигуры и лица, двойные подбородки «девчонок», «паутинки» вокруг глаз и губ. У ребят — отчётливая седина и солидность в виде «пивного» брюшка. Но кого это волнует?

Надюшка, как только узнала, что Светлана приехала, прибежала первой. На снимке позирует с кокетством. А вообще — бабка-бабкой. Встретила б на улице — не узнала бы. Бросилась обниматься, затарахтела:

— Ой, Светланка, ты совсем не изменилась, красотка, как и раньше!

— Конечно, как раньше, плюс пятнадцать кэгэ, — засмеялась она в ответ.

Надежда давно с мужем развелась, но у неё двое детей и четверо внуков. По какому алгоритму мужей выбирать? Кто скажет? Бывает дурнушка, а жениха оторвала красавца. И счастливы всю жизнь! А бывает наоборот: и внешностью бог не обидел, и талантами, и умом... Да что далеко ходить?

Разве она сама думала, что прокукует всю жизнь в одиночку? И варианты были. Уже после того, как Славку схоронила. То подруги познакомят с одиноким мужичком, то начальник-вдовец замуж настойчиво зазывает. Чего ждала? Досиделась...

Лорка по Интернету мужа нашла. Итальянца. Хотела в Европу податься, а ему Россия понравилась. Обосновался в Подмоскowie, фермерством занимается. Лорка не вынесла, сбежала, опять в поиске. Умора! А с кем это она в обнимку? — Светлана увеличила фотографию. — Конечно с Семёном! На втором курсе Семён и ей нравился. Слава Господу, отвёл, не сладилось у них. Такой бабник оказался! Женился шесть или семь раз, а уж любовниц и не сосчитать! Всё хорохорится, молодится, а плешь выдаёт!

Света допила последний глоток кофе и почувствовала вдруг, что раздражается. За окном, будто из самосвала, сыпал снег.

Где-то внизу надрывно завывала буксующая машина... А там, в особняке друзей, было хорошо! Особенно когда «сообразили» общий стол и разогрелись шампанским, а кое-кто и более крепкими напитками. Все признаки возраста исчезли, растворились. У подруг снова по-молодому заблестели глаза, а парни— откуда только взялась прыть и галантность — стали приглашать дам танцевать, громко каламбурили и не скупились на комплементы. Светлана усмехнулась, улетая в мыслях в хлебосольную Маринкину гостиную. Она будто увидела себя со стороны: в новом костюме, специально для этой встречи купленном, с ошалелой от эмоций улыбкой.

В разгар вечеринки к Ковровым заявился Женин друг и компаньон Георгий. Конечно, его оставили. И место ему нашлось возле Светланы. И как-то подозрительно много было совпадений: и то, что ему в школе нравилась девочка по имени Света, и что он хорошо знал её родной город, т.к. часто ездил туда в командировки, и то, что он, как и она, увлекался живописью, и даже то, что они вместе обожали вальс. Теперь-то Светлана понимала, что всё это было неспроста: его внезапный приход и осведомлённость относительно неё...

— Хотите, угадаю, сколько лет вы не были в Москве? — спросил вдруг Георгий, увлечённо вальсируя с ней.

— Сколько?

— Пятнадцать.

— Как вы узнали? — Светлана не могла взять в толк, как это у него получилось. — Я выгляжу совсем запущенной провинциалкой?

Георгий вкусно, со вкусом расхохотался:

— Вы очаровательны!

Когда тебе за пятьдесят, такой комплимент кажется сильно преувеличенным. Светлане подумалось, что он, столичный делец, решил посмеяться над ней и обиделась.

— Простушка, в смысле? Уши развесила?

Наговорила сгоряча резкостей. Марина потом долго успокоиться не могла.

— Ну, какая ты непрактичная, Светка! Мы с Женькой целую операцию провернули, чтобы заинтересовать этого закоренелого холостяка! Ему за бизнесом своей жизнью заняться некогда, нормальную женщину привести в дом! А ты ему понравилась. Перевёз бы тебя в Москву, мы б чаще встречались!

— Что ж он так никогда и не женился, ваш несравненный Гоша?

— Почему не женился? — Маринка с досадой уставилась на подругу. — Что он импотент или отщепенец какой-нибудь? Лет десять назад жена бросила его и убежала с любовником в Англию. Дочь взрослая, у неё своя квартира в Москве.

— Нормальных не бросают.

— Сама ты ненормальная! Всех бросают! А Георгий — золото не человек!

— Ага! Пробу ставить некуда!

— Вот дура малахольная! Что ты ему наговорила, что он теперь слышать о тебе не хочет? Не могла свой характер попридержать? Жила бы, как белые леди...

— Опоздала я, дорогая, в такие игры играть. И хватит об этом!..

Света, будто спасаясь от чего-то, выскочила из кухни, где происходил разговор, но услышала, как Марина крикнула ей вслед:

— Любить никогда не поздно!

Воспоминания испортили Светлане настроение. Как всегда, начинается хорошо — заканчивается тоской. Ранний зимний вечер, словно ретушью, штриховал картинку за окном. Метель, тьма. На мгновение показалось, что она не в большом доме в южном городе, а в ледяной избушке в беспроглядной глуши. Одна-одинёшенька. Голодной волчицей подступала депрессия. Последнее время она стала назойливой.

Светлана встала, прошлась по комнатам, включила везде свет. Она всегда так делала, когда становилось не по себе от страха и одиночества. Надо задёрнуть штору на окне. Иномарка внизу оставила попытки выбраться из снежного моря и застыла безнадежно посреди двора. Снег летел реже. Людей не было видно, но в девятиэтажке напротив то там, то тут загорались окна. За каждым из них билась чья-то жизнь. Успешная или жалкая, может, и счастливая, Светлане знать не дано. Но в том, что она смотрела на эти светлые пятна в размывающей их снежной мгле, была какая-то таинственная связь, будто Светка отнимала у них частичку тепла их жилища, как жар из чужого очага.

Пришёл на ум её обратный путь из Москвы. Она ехала одна в купе полупустого вагона.

«Зимой в наши степи никто не едет», — грустно подумала тогда она. Тоже было тоскливо до слёз, за окном ни зги, а в ушах всё плескались звуки вальса, под которые кружились они с Георгием. Он не пришёл и не позвонил перед её отъездом, вроде не было той искры, той силы притяжения, что возникла между ними в тот вечер. Она перебирала в уме те немногие ласковые слова, что он успел подарить ей тогда, и то, как сердито выговаривала ей Марина. «Правда это или её фантазии? Неужели можно в таком возрасте влюбиться? Но она же, по всему видно, полюбила своего Женьку, и он...»

Легко сказать: забрал бы! А работа? А квартира?.. Хотя разве в этом дело? «Просто невозможно представить кого-то рядом, — горько осознавала Светлана. — Я разучилась мечтать о счастье. Господи! Почему именно мне выпала такая страшная доля? У людей — дети, внучата. Любимый человек рядом. Заступник. А я одна и одна. За какие грехи?..».

Женщина незаметно задремала. Когда открыла глаза, в купе, на лавке напротив сидел старик. В мозгу испуганно вскинулась мысль: «Когда он вошёл? Как я не услышала, вроде чутко сплю». Его, во всём белом, хорошо было видно в темноте. Редкие

вспышки света от фонарей, мелькающих за окном, выхватывали из черноты его строгое лицо и седину, белую-белую и лёгкую, как шапочка одуванчика.

«Наверное, в Воронеже сел», — сообразила Светлана.

— Почему вы не приляжете? — с трудом выговорила она, приподнимаясь. — Вам помочь постелить?

Старик остановил её едва заметным упрещающим жестом. Она снова легла. Стучала в висках кровь, или то был перестук колёс?

Светлана старалась не смотреть на старца, но чувствовала его взгляд. Он потеплел, не был таким суровым, как показался вначале. Даже какую-то ободряющую фразу услышала она, но вязкий внезапный сон одурманил разум, лишил воли, и накрыло плотное забытьё, будто темный платок, который она набрасывала на клетку своему попугаю Сеньке, чтоб спать не мешал.

Утром, когда косые солнечные лучи пробились сквозь зеленоватую занавеску вагонного окна, пассажирка разомкнула веки. Седого попутчика не видно. Светлана осмотрела купе. Никаких следов его пребывания. Был ли он вообще или приснился? Ощущение присутствия ночного гостя казалось так велико, что подспудный страх погнал мурашки по коже. «Это знамение! — подумала Светлана и окончательно проснулась. — Знать бы к чему? К худу или добру?»

При воспоминании знакомый холодок пробежал по спине.

Стараясь отвлечься, Света вернулась к компьютеру. Оставленный на просмотре слайдов, он извлёк из памяти фотографию, на которой Маринка со всеми своими детьми. «Вот кому скучать не приходится!» — вздохнула Светлана, закрыла фотографии и вышла в Скайп. Ковровы в сети. Как удачно! Это спасение. Она нажимает на «вызов» и ждёт, ждёт... Долго никто не подходит и вдруг радостное:

— Светланка! Привет! Здорово, что ты позвонила. Сегодня четыре года со дня нашей свадьбы! — Маринка излучала счастье.

— О! Не знала... Поздравляю!

— Не весть какая дата, но всё же... Вот и друг не забыл, пришёл поздравить.

Маринка отстранилась. На заднем плане виднелся красиво сервированный стол, Евгений и... У Светланы ухнуло сердце — Георгий! Улыбнулся, приветливо махнул рукой.

— Здравствуйте, — сбитая с толку, она не знала, что сказать. — А у нас... снежная катастрофа. Замело до крыш. Транспорт не ходит третий день.

— Придётся прислать за вами вертолёт! — это наклонился к видеокамере Григорий. Маринка тут же «слиняла», схватила со стола какие-то тарелки и вылетела из комнаты. За ней ретировался и Евгений.

— Вы до сих пор на меня сердитесь, Светлана? Обещаю, больше никогда-никогда не называть вас очаровательной! — в его глазах плясали бесенята.

— Нет уж! Называйте! И другие глупости говорите, пожалуйста! — Светка изо всех сил старалась не разреветься. — Я уже и уши развесила.

— Вы такая, каких больше нет, — серьёзно сказал Георгий. — Я обязательно спасу вас из снежного плена. Только... чуть-чуть разберусь с делами! — и он лукаво хохотнул. Совсем не обидно.

Мост над пропастью

За ночь пейзаж за окном поменялся. Часто встречающиеся небольшие деревушки Приазовья сменились тенистыми перелесками, взгорьями, изрезанными оврагами. Временами состав грохотал по устрашающему сооружению — мосту с высокими массивными фермами. Мосты казались Виктории венцом инженерной мысли. Далеко внизу бурлила какая-нибудь непригодная для купания речка с заросшими кустарником берегами. Эта внезапная пропасть с тёмным бурлящим потоком магнетически притягивала взгляд молодой женщины, заставляя тоскливо и опасно сжиматься сердце, будто испытывая нервы.

Нервы Виктории ни к чёрту не годились, особенно в последнее время. На работе обстановка — хуже, чем в коммуналке; её злила болтливость соседки по столу, бесило самодурство начальства, частые телефонные звонки доводили до отупения.

Дома не давала расслабиться чрезмерная активность трёхлетней Соньки, на которой она всё чаще срывала зло за всё на свете: за горькую жизнь, за отсутствие денег, за одиночество, за то, что Сонькин отец ушёл к другой и не даёт на дочку денег. Видно, мать как-то определила, что она на волоске от срыва, купила ей путёвку в санаторий и отправила одну; настояла, чтобы внучка осталась с ней.

На откидном столике билась в плену бутылки вода. Испуганные пузырьки воздуха свидетельствовали о нервозности её, желании выплеснуться на свободу. Виктория усмехнулась странно пришедшему на ум образу, поднялась и вышла из купе. По проходу носили горячую пряную еду из вагона-ресторана. Открылась дверь соседнего купе, и высокий парень в бриджах зазвал официанта к себе. Виктория невольно успела заметить ко-

роткую бородку, спадающие на лоб тёмные волосы и рельефные плечи молодого человека. Острый запах пищи навевал мысль, что и ей не помешал бы горячий завтрак. Через незакрытую дверь она видела, как расплатился клиент с работником ресторана, и спросила, заглянув:

— А что у вас в меню?

— Возьмите чахохбили! Рекомендую! — опередил официанта бородач. У него были весёлые глаза и идеально белые зубы. Виктории не понравилась его бесцеремонность.

— Такое не ем, — сказала она, взяла люля-кебаб и ушла к себе в купе.

С некоторых пор она «заболела» скепсисом по отношению к мужчинам. «Узурпировали право во всём повелевать, — судила она о них. — Считают себя высшим образцом человеческой породы, всё остальное — шлак. Даже юмор у них снисходительный, уничижающий».

Соус люля-кебаб был огненным, а фарш внутри оказался сыроватым.

«Надо было взять блюдо из птицы», — с досадой подумала Виктория, стараясь минералкой заглушить пожар во рту.

Вытряхнула остатки еды в пакет. Мусорный бак в конце вагона. Только вышла из купе — наткнулась на бородатого. Тот, в полосатой майке, смотрел в окно, опершись на поручни, как непреодолимый шлагбаум.

— Можно? — вынуждена была окликнуть его Вита.

— О! Пожалуйста! — Он вжался спиной в поручни. — Как люля-кебаб?

— Превосходно!

Бородатый дождался, когда Виктория будет возвращаться, и доверительно пожаловался, как уже знакомой:

— Сосед по купе оглушительно храпит. Свыкнуться невозможно...

Она усмехнулась, поведя плечом, и прошла мимо. Приятный

у него, однако, парфюм... Шумная семейка её попутчиков освободила купе рано утром, и пока никого не подсадили. Но приглашать назойливого парня не было желания. Ехать оставалось часов пять. Переживёт...

Вита мужа любила. Вышла замуж в восемнадцать, глупая, неопытная. Смотрела на Игоря, как на божество. Знала, что не одну её свёл с ума красивый Гошка. Но не смутилась этим, не побоялась. Верила, что и он любит. Смеялась над его клятвами, а у самой голова кружилась от счастья.

Через девять месяцев родилась София.

Пелёнки, памперсы, кормёжки.

Груди распёрло, соски потрескались. Свекровь попрекает, Гошка где-то с друзьями дочку обмывает... Прошло, перемололось. Гостинку купили, отдельно от его матери. Сонька подрастала. Жизнь наматывалась на шею, как разноцветный шарф: туго, тесно, но иначе нельзя, надо было крутиться, выживать. Так устраивались все. Гошка днём работал в охранном предприятии, по вечерам пел в кафешке под гитару.

Гитара... Её немалая вина в том, что в семнадцать лет Вита так бесповоротно влюбилась в Игоря. Он только вернулся из армии, стройный, спортивный, в форме — безумно красивый! Пришёл к ним в школу, где прежде учился, поговорил с учителями, «перетёр» идеи с пацанами из их десятого, подмигнул ей, глазевшей на него, как на чудо иноземное... А когда вечером на заднем дворе школы, куда они с друзьями собирались потусоваться, Виктория услышала его песни о Чечне, о солдатском братстве — всё! Ещё голос у Гошки такой, что до мурашек продирает, густой, немного хриплый, тогда она ещё не понимала, что сексуальный.

Догадывалась ли она, что Игорь ей изменяет? И в голову не приходило. Крикливая и болезненная Сонька оттягивала на себя всё внимание и время. Гошка на колготню с ребёнком смотрел как-то отстранённо, даже на руки дочку не хотел брать, мол, боится ей ненароком что-нибудь сломать.

Вита утешала себя: все молодые отцы ведут себя так. Детей растить — забота женщин, а мужья должны семью обеспечивать. И не замечала, что Игорь работает всё больше, а денег отдаёт ей всё меньше. По-прежнему смотрела на мужа влюблёнными глазами.

Как-то Виктория укачала семимесячную Сонечку и подсела к полулежащему на диване Игорю, хотела приласкаться, но тот отстранился:

— Ты, слышь, бросай кормить дитя, большая она уже! Молоком от тебя прёт.

Не в шутку сказал, недовольно.

Первый раз в жизни Вита посмотрела на мужа другими глазами. Полными ужаса. Как?! Этот маленький тёплый доверчивый комочек, её доченьку бросить на кашу? Когда она наконец-то научилась по-настоящему сосать грудь и так трогательно и ласково придерживает её крохотной ладошкой!

С того вечера семейная идиллия разладилась.

Обида оказалась непрощаемой. Да Гошке и не нужно было её прощение.

Он уже активно покорял сердце другой красавицы...

В дверь купе постучали.

— Да!.. Войдите! — Вита опустила на пол удобно поджатые под себя ноги.

Заглянул всё тот же бородатый:

— Может, в вист? — он повертел колоду карт.

— Нет, — категорично отказалась она.

— Почему? Надо же скоротать оставшиеся часы, — его улыбка обескуражила. Потому и ответила, как на духу:

— Не умею.

Казалось, на это у него не найдётся аргументов.

Но парень уже закрывал за собой выдвижную дверь.

— Я научу. Тут ничего сложного.

Глаза у него цвета листьев багульника.

— Геннадий, — рука цепкая, пальцы тёплые.

— Виктория.

Чёрт с ним, пусть учит. Авось пригодится.

— Смотри, — он легко перешёл на «ты». — В колоде 52 карты. Вообще, играют вчетвером. За неимением других партнёров используем двух «болванов».

— Вижу только одного.

Жемчужная усмешка. Оценил шутку. Свои у него зубы или керамика?

Тасуя карты, Геннадий мечтательно пропел:

— Обожаю обыгрывать молоденьких девочек.

Виктория вздёрнула нос:

— Я не девочка. И не молоденькая.

Одна бровь у него подпрыгнула вверх. В глазах искрились зелёные лукавинки.

— Ладно. Старая тётка.

Становилось весело.

Геннадий раздал карты им и воображаемым «болванам». Козырем оказался трефовый валет.

Вита быстро схватила суть игры. Генка подсказывал, если она ошибалась.

Из его трёпа удалось извлечь, что он едет в тот же санаторий, что и она, по профессии он программист и, конечно же, холост...

После Гоши у Виты был один ухажёр. Долговязый и лысоватый Стасик. Профессорский сынок. Как её угораздило?

Их томная и неопределённая любовь продолжалась до первого подозрения на беременность. Беременность потом не подтвердилась, а Стасик рассеялся, как утренние грёзы. Жидкий на расправу народ — мужики. Вот и этот... Виктория бросила короткий взгляд на Геннадия.

Требуемой масти не было, выложила козырь.

Расквохтался, как павлин, сразить остроумием старается.

— Не обязательно козырь, можно любую другую карту, — заметил Гена. — Бывает так... — он пустился в объяснения. Вита слушала вполуха. Неудавшийся завтрак напомнил о себе, тоскливо заурчало в животе.

Она достала пачку чипсов.

— Будешь? — предложила партнёру, отправляя щепотку хрустящих пластинок в рот.

— Молодо-зелено! — отозвался Генка, сгребая взятку. — Употребляешь вредную еду.

Тем не менее, запустил лапу в пакет и выудил оттуда горсть чипсов. Съел и протянул руку снова.

— Э! Старым вредно! — Вита выхватила упаковку. Геннадий перехватил её кисть, придержал. Девушка потеряла равновесие и не успела ойкнуть, как оказалась у парня на коленях. Тот, смеясь, крепко обхватил её талию.

— А ну пусти! — Виктория отбросила его руку, вскочила. — Давай, выметайся отсюда, прыткий какой!

— Больше не буду! — взмолился Генка, заслоняясь от летящих в него карт.

— Катись, катись со своими картами!

Дверь купе открылась, и проводница пригласила кого-то:

— Проходите, вот здесь есть места.

Она окинула недовольным взглядом прошмыгнувшего мимо неё парня и указала пожилой паре на нижнюю полку.

— Располагайтесь тут.

Поезд прибывал в час дня. Самая жарница!

В узком проходе с баулами и чемоданами столпились возбуждённые приезжающие. Геннадий опять оказался рядом, поглядывал на неё, искал повод заговорить и не решался. Вита умышленно не замечала его зовущего взгляда, смотрела в сторону.

Интересно, сколько Генке лет? Двадцать пять, не больше. Салага! Конечно, борода его делает старше.

Ей самой двадцать два. Хотя все говорят, что выглядит моложе. Это потому что не раскабанела после Соньки. Фигура у неё — класс! Комар носа не подточит. А лицо? Тут, на её взгляд, можно было бы кое-что подточить. Особенно нос. Красавицей себя не считала. А, в общем, — ничего! Не уродина.

За окном поплыл перрон.

По очереди выходящих пробежало волнение. Проводница призывала не торопиться.

Виктория прикидывала, как половчее вынести свои пять мест, ругая себя задним числом, «нафига» было столько набирать!

Сообразив, что счастье само идёт ему в руки, Геннадий приободрил:

— Не волнуйся! Я помогу.

У него был тощий рюкзак и дорожная сумка.

Пришлось не побрезговать. Вместе благополучно выгрузились.

— Возьмём такси? До санатория километров пять. — Генка в этих местах не первый раз.

«Дороговато, — прикинула в уме Вита. — Лучше б на маршрутке».

— Я вызываю...

Виктория вздохнула. Ехать в один санаторий. Да с таким грузом!

— Вызывай!

Регистратор в санатории оказалась Генке хорошо знакомой.

— Вот эту девушку, Натали, посели в номере, соседнем с моим, — он указал глазами на Викторию.

— Совсем не обязательно! — строго возразила та.

Густо загорелая, с длинными ровными смоляными волосами Наташа едва заметно усмехнулась. Сработала женская солидарность, а может, и какое-то другое чувство, но комната Геннадия оказалась в другом конце коридора.

В номере Вика побросала вещи и — в столовую: время обеда.

Диетсестра определяла отдыхающим место за столом. Соседями Виктории оказались молодожёны Юлий и Яна и неопределённого возраста мужчина. Вроде бы не старый, а шевелюра с заметной проседью. На парочку посмотришь — сразу видно, что недавно из загса, будто штампы на лбах светятся. Янка глаз с возлюбленного не сводит.

«Наивная курочка! — подумала Вита беззлобно. — Что ты через год закудахчешь?»

Все подруги Виктории, за исключением бывшей одноклассницы Ларки—разведёнки. Да и то, брак у Ларки держится на ржавом крючке. Непонятно, как можно так жить: больше пяти лет то бурно ссорятся, то неистово мирятся. Наверное, они так не дают своей любви превратиться в скуку. Но Вита не смогла бы так. Нельзя поносить друг друга такими словами даже сгоряча.

Из-за своих размышлений Виктория прозевала, каким именем представился четвёртый. «Седой мальчик» — нарекла она его про себя.

После компота «нарисовался» Генка.

— Геннадий, Геннадий, Геннадий! — разыграл он «клоунаду» — пожимая всем руки, в том числе и Вите. — Первый обед мог бы быть лучше, — посетовал он. — Между прочим, вода в море + 26 градусов. Может, сразу рванём на пляж?

Все отказались. Молодые ни в какой компании не нуждались. Виктория с дороги хотела прийти в себя. «Седой мальчик» элементарно не удостоил Генку ответом. Когда он встал, Геннадий тронул его за локоть:

— Приятель, на пару слов.

Идя по проходу, Виктория заметила, что Генка в чём-то горячо убеждает «седого», но тот отнекивается.

К жилому корпусу вела ухоженная, пестревшая цветами аллея. Стриженные газоны и кустарники радовали глаз, милые фонтанчики, журчание воды, сам южный воздух навевали что-то

отдалённое, из солнечного детства, может, ранние впечатления, когда был ещё жив папа, будто ценная информация, вкраплённая в генетический код.

Санаторий был небольшой, но комфортный. Виктории понравилась её комната на втором этаже с видом на море: удобная, не утяжелённая излишествами обстановка, приглушающие звуки стены, новая сантехника.

Вита подмигнула самой себе в сверкающее в ванной зеркало, и головокружительное предчувствие славного отдыха, умиротворение жизнью завладело ею. Она раскрыла чемодан, стала, напевая, развешивать в шкафу костюмы и сарафаны, с лёгкой радостью оглядывая и оправляя их, раскладывая по полкам всякую мелочь.

Душ освежил её, прибавил сил и ощущения счастья. На часах пятнадцать сорок. Теперь можно и на пляж.

Из соседнего номера вышел мужчина в шортах, шляпе от солнца и тёмных очках. Вита едва признала в нём соседа по столовой, когда он, проходя мимо, кивнул ей. На плече у него висело махровое полотенце.

— На пляж? — спросила она, желая загладить неловкость, пристраиваясь рядом. Глупо, что она не запомнила его имени. — Могу составить вам компанию.

— Спасибо, Виктория. Я предпочитаю безлюдные места.

— Как угодно...

Она отстала на несколько шагов. Глупая улыбка будто прилипла к её вытянутому лицу. Как элегантно отшил её этот «седой мальчик»!

Настроение испортилось. Поделом. Нечего цепляться к незнакомым пижонам. Раньше она таким пороком не страдала. «Да пошёл ты!.. Очень надо!»

— Виктория! Вот ты где! Я тебя обыскался! — подобно тайфуну налетел Генка. — Идём скорее! Там на пляже такой колоритный субъект. Можно сделать убойное фото! — он схватил

её за руку, и Вита, ещё в дурном расположении духа, позволила парню увлечь себя за собой.

По гальке между лежаками и шезлонгами ходил тёмный и сушёный, как инжир, в сандалиях и чалме, пожилой индус. Вокруг его жилистой шеи, свисая на тощую грудь, извивалась кольцами большая, невероятно красивая настоящая змея. Её тонкое раздвоенное жало время от времени выбрасывалось вперёд и угрожающе вибрировало. Необычную пару сопровождала ахающая и визжащая толпа любопытствующих.

Желающие в очередь фотографировались с диковинной рептилией.

— Давай вместе с ней сфоткаемся! Вот память будет! — с горящими глазами уговаривал Геннадий.

— Фотографируйся сам.

— Не бойся! У неё нет яда.

Виктория скептически смотрела на приятеля. Почувствовать на своей горячей коже холодное скользкое тело змеи — может и вызовет всплеск адреналина, но удовольствие сомнительное.

Генка, увитый змеёй, снялся в одиночестве, и долго ещё возбуждение не оставляло его.

— Это непередаваемо! Такой шанс упустила! Потом будешь жалеть.

— Нет. Нисколько! — Вита беззаботно рассмеялась, потому что случайно увидела: чуть в стороне от них, валяющихся на лежаках, брёл по кромке набегающей воды «Седой мальчик». Босой, он шёл, размахивая своими кроссовками, связанными шнурками. Виктория удивилась, что мужчина слегка хромал. Раньше она этого не заметила. «Седой мальчик» был задумчив и вряд ли обратил на них внимание. Видно там, откуда он шёл, не нашлось уединённых мест.

Геннадий отследил взгляд девушки и неприязненно сказал:

— Странный тип.

— Кто? — Вита сделала вид, что не поняла о ком речь.

— Да так... один.

Виктория засмеялась, легко поднялась и направилась к воде.

Генка залюбовался её изящной спиной, крепкими, припорошенными песком икрами, узкими белыми ступнями, но особенно спиной: редко встретишь у женщин такой безупречно красивый стан.

«Она, наверное, балерина», — ошалело подумал он, даже не пытаясь, вопреки инстинкту, «рвануть» следом, только неотрывно наблюдал, как Вита пошла по пенной волне, сделала шаг-другой и поплыла — так же легко и грациозно, как ходила.

Виктория, действительно, в школьные годы занималась балетом, плаванием, бегом, вообще спортом. Спорт — её страсть. Даже после родов она бегала на тренировки, стараясь скорее восстановить форму.

Вита наверняка знала, что Генка следит за её «заплывом», ей хотелось поскорее миновать зону «густокупающихся», спортивный азарт овладел ею, будоражил, гнал вперёд. Вот буйки остались далеко позади. Вода заметно холоднее. Слева и справа, вдалеке, кое-где отчаянные пловцы-одиночки. С непривычки устала: давненько не приходилось плавать на такие расстояния. Вита перевернулась на спину, раскинула руки, замерла, прикрыв глаза.

«Отдохну—поверну назад», — подумала она расслабленно.

Море спокойное, качает, как в колыбели.

Вспомнилась Сонька, её тёплые ручки, когда она, желая отвлечь мать от телевизора, брала этими ручками лицо Виктории и разворачивала его к себе, чтобы та видела её, а не тётечку на экране. Вита улыбнулась, под ресницами защекотали слёзы.

«Соньке с мамой хорошо...»

С берега долетал слабый гул и гомон курортников.

«Две недели такой благодати!»

Она забыла про баламутного Генку, про странного «Седого мальчика» и будто растворилась в бесконечном примыкании моря и неба.

Шум на берегу стал сильнее, тревожнее. Виктория нехотя разомкнула веки и вдруг увидела, что все люди на пляже стоят и смотрят, и машут в её сторону. И, кажется, что-то скандируют. Странно... Наверное, они испугались за неё, всё-таки она заплывла слишком далеко.

И тут она разобрала:

— Дель-фи-ны!.. Дель-фи-ны!

Резко оглянувшись, Виктория впрямь увидела совсем близко, в каких-нибудь десяти метрах, отливающие тёмным бархатом в косых лучах солнца огромные плавники. Необъятные, как подводные лодки, дельфины шли курсом... на неё. Она не успела разглядеть сколько их.

Оторопь сменилась диким ужасом. Где-то в подсознании мелькнула мысль, что дельфины миролюбивы, но кто знает, что на уме у этих диких животных?

«Только не поддаваться панике!» — как заклинание прошептала Вита и погребла, что было силы к берегу.

Пляж неистовствовал. Она увидела, что несколько смельчаков плывут ей навстречу. Силы, удесятерённые страхом, как ни странно, быстро убывали. К счастью, берег всё же приближался. Девушка не смела оглянуться, и только воображение рисовало жуткую картину погони.

Когда рука её коснулась буйка, Вита нашла в себе силы посмотреть назад. Вокруг простиралась невозмутимая гладь моря, и лишь у горизонта взмывали по дуге могучие морские красавцы.

К ней одновременно подплыли два парня. Немало встревоженные, но не в силах скрыть восхищения, они предложили помощь.

— Теперь я, считай, на берегу, — нервно посмеиваясь, отказалась Виктория.

— Это было нечто! — покрутил головой один из «спасателей».

— Я думал, они вас проглотят! — качаясь на волнах вместе с буйком, признался он.

— Скорее всего, они решили, что вы тонете, и поспешили

на выручку, — предположил второй, постарше. — Доберётесь вплавь? Или вон мчится лодка спасателей. Как всегда «вовремя».

— Доберусь! — Вита оттолкнулась от опоры и поплыла. Осознание, что опасность позади и близость джентльменов вернула ей присутствие духа.

За ужином Янка, не скрывая восторга, сказала:

— Вита, ты — звезда сезона! Расскажи, что ты чувствовала наедине с этими гигантами? Виктор, вы слышали, что сегодня произошло с нашей соседкой на пляже?! Об этом весь санаторий только и говорит!

— Редкое безрассудство, — отозвался мужчина, не поднимая головы, орудуя ножом и вилок.

Так вот как зовут «Седого мальчика»! Они, оказывается, тёзки!

Виктория со скрытой насмешкой смотрела на его тонкие ухоженные руки.

— Почему безрассудство? — горячо возразила Янка. — Она просто купалась. Откуда ей было знать, что дельфины начнут её преследовать?

— Знать надо, где купаться, — Виктор намеренно не смотрел в сторону героини происшествия. — Там судоходная зона. Она подвергала риску не только себя.

— Вы — просто скучный человек! — кипятилась Янка. — Вы, наверное, каждый шаг сверяете!

— Сверяю... С некоторых пор.

— Всё же надо быть осмотрительней, — вставил молодой супруг, с укором глядя на свою горячую подругу. — Виктор прав. А вдруг это были бы акулы?

— Какие акулы, Юлик! Их тут никогда не водилось! Вита! Ты не слушай их! Стоило немного рискнуть, чтобы весь пляж встретил тебя овациями! Нет, правда. У тебя потрясающее са-

мообладание! Это надо было видеть! У меня с собой — какая удача! — оказался бинокль. Ты обернулась на них и спокойно поплыла к берегу! Неужели ты не испугалась?

— Я боялась опоздать к ужину, а то можно было бы поболтать с ними немного! — смеясь, проговорила Виктория. — Так нужно отвечать по закону жанра?

— Именно так, Викуся! — как чёртик из дешёвого сувенира вынырнул Генка. — Я чуть не умер от переживаний, но ты была неподражаема!

Виктор допил чай, аккуратно задвинул стул, на котором сидел, под стол и, смотря почему-то в глаза Виктории, попрощался:

— До завтра!

Удалялся он размеренной неспешной походкой, которая сводила почти на нет его хромоту. Викторию всё больше интриговал этот мужчина. Шутить расхотелось. Генка схватил стул Виктора и плюхнулся на него.

— В кинозале американская комедия. Пойдём?

Вопрос прозвучал просительно безнадежно.

— Нет. Устала.

Бредя в корпус по уже знакомой аллее, Виктория вдыхала запах цветущего табака и думала, как хорошо, что удалось отбиться от назойливого предложения Генки проводить её до палаты. Всё-таки его хвастливая болтовня утомляет. При весьма небогатом опыте общения с мужчинами Виктории всё же доводилось встречаться с «охотниками», подобными ему. Для них милы и притягательны все женщины без исключения. Оказывать знаки внимания хорошеньким — их потребность. И язык у них для этого очень ловко подвешен. И, перефразируя классика, лёгкость секса необыкновенная. Всегда, везде и в любом положении. Один такой ей сказал однажды: наше дело пытаться, а ваше — соглашаться или нет. И многие соглашаются. Вита уверена, что отдалившись от неё на пяток шагов, Генка уже утешился с другой подружкой, более сговорчивой.

По аллее гуляли отдыхающие парами и группками, переговаривались, многие успели перезнакомиться. В ретуши сумерек, в призрачности молочного цвета загоревшихся фонарей чудилось что-то от декораций, силуэты праздно дефилирующих, хор южных цикад усиливали это ощущение.

Вдоль площадки у корпуса на лавочках, как на скамейке запасных, сидели старушки-молодушки и обсуждали всех, попавших в их поле зрения. Вита быстро прошла мимо них и поднялась к себе в номер.

После вечерней прохлады санаторных аллей в комнате показалось душно.

Не включая свет, Виктория прошла к балконной двери, собираясь распахнуть её, отдернула занавеску и вдруг замерла. На балконе напротив соседнего номера курил мужчина. Конец его сигареты то вспыхивал, как маленькая звёздочка, то затухал, едва заметный в темноте. Виктория отметила ещё днём, что балкон тянется вдоль всего корпуса и является как бы общим для всех жильцов этажа, у кого окна с видом на море. Но была не готова, что выйдя неглиже глубокой ночью или ранним утром на балкон, чтобы насладиться морским бризом, может столкнуться там с чужим мужчиной.

В первый момент девушка не сообразила, что этот «чужой мужчина», мечтательно взирающий на далёкие огни проплывающего теплохода, — Виктор. Именно он проживал в соседнем номере. А когда поняла — горячая волна окатила её с макушки до щиколоток. Первым неосознанным желанием было отпрянуть вглубь комнаты и не выказывать своего присутствия. Человек явно ищет уединения, очевидно, что его раздражает весёлая трескотня молодожёнов Янки и Юлика, беспардонность Генки. Что касается до неё, то, похоже, она его просто выводит из себя. Как это он «заклеймил» её за ужином? «Безрассудной душой», что ли? Злость на всех мужчин вскипела снова. Да кто ему дал право?! И почему она должна сидеть взаперти, как мышь, из-за того, что этот сноб Виктор так по-хозяйски расположился на балконе?

Виктория резко потянула на себя дверь. Оказавшись так решительно на пороге, дальше она не знала, что делать.

— Великолепное море! — сказал Виктор, не оборачиваясь, будто всё это время чувствовал её присутствие.

Виктория сделала шаг вперёд и ухватилась за перила, как за единственное спасение.

— Красиво, — отозвалась она через паузу.

Говорить было не о чем.

«Зачем я сюда выперлась? — кляла себя Вита. — Открыла бы дверь и всё».

Виктор затушил сигарету и вдруг спросил:

— Виктория, вы замужем? У вас есть близкие люди?

Она не обязана отвечать. Какое ему дело? Но взгляд, направленный на неё, уверенный и спокойный, давал понять, что не праздного любопытства ради задан вопрос.

— У меня дочка и мама.

— Дочка и мама, — будто эхо повторил Виктор. И потом тихо, но с неожиданной болью продолжал: — Если бы сегодня там, в море, с вами, Виктория, что-то случилось... Что-то непоправимое? Понимаете? Как им, здорово было бы? Хорошо? Не подумали спросить себя?

Вопрос Виту застал врасплох. Заплывая так привычно далеко, она не думала ни о чём непоправимом. Но ведь не случилось ничего страшного! А он опять... Вот зануда!

— Это риторический вопрос! Можете не отвечать, — не давая разрастись негодованию девушки, остановил её Виктор. — Дар рождения ничего не стоит. Поэтому так легкомысленно мы относимся к жизни, к риску, да вообще ко многим вопросам...

Он замолчал, может, хотел, чтобы Виктория вдумалась в его слова, получше осмыслила их. Но та тоскливо смотрела вниз, где прогуливались свежеиспечённые парочки, прислушивалась к звукам джаза с танцплощадки.

— У меня тоже есть родные: два сына и дочка.

Виктория удивлённо повернулась к парню, оживилась:

— Трое? О! Ваша жена — героиня!

— Да... Героиня... Она погибла, спасая меня.

Вита осеклась. Она уже хотела «поприкалываться» по поводу многодетности папаши.

— Простите...

— Не стоит... Вам это было неизвестно.

Виктория напрягла воображение, чтобы представить, как можно погибнуть, спасая другого. Заслонить от пули? Вывести из пожара, а самой не успеть?

Молчание затянулось. Она не решалась спросить, как произошло несчастье. Виктор же пребывал под гнётом тягостных воспоминаний. Он почувствовал, что Викторию потрясла его откровенность, и подумал, что необходимо пояснение, им обоим это необходимо. То, чего он старался не ворошить в памяти, никому посторонним не рассказывать, так удушливо подкатило к горлу, что если не заговорить, можно задохнуться.

— Это случилось так неожиданно, так нелепо, — тихо, с отчаянием начал он.

Сопереживание девушки, которое искренне светилось в её взгляде, придало ему силы духа.

— Мы с женой возвращались с дачи на велосипедах. Нам нравилось ездить на свой загородный участок на велосипедах, а не на машине. Да и недалеко. Километров двенадцать всего...

Виктор остановился, ясно представив тот тихий осенний вечер, легкие фиолетовые сумерки, предшествующие ночи, сквозняковое шуршание шин обгоняющих машин. Дружно, с подъёмом потрудившись на даче, они с Аллой несколько расслабленно крутили педали: на том участке дорога имела лёгкий уклон. На душе благостное удовлетворение от хорошо проделанной в саду работы, в мышцах приятная усталость.

— Я услышал сзади нарастающий шум тяжёлой машины и оглянулся. Прямо на нас мчался, болтаясь во все стороны, грузовик с прицепом.

— Осторожно! — успел крикнуть жене, притискивая её к бордюру. Она и сама почувствовала опасность и отпрянула в сторону. Но грузовик крылом всё-таки зацепил мой велосипед, меня потащило по дороге.

Виктор судорожно вздохнул, и рука его непроизвольно вцепилась в жёсткую шевелюру, до боли сжав волосы. Что-то подобное короткому стону или всхлипу вырвалось у него из груди, но он быстро овладел собой и продолжал:

— Я услышал жуткий крик Аллы, он до сих пор стоит у меня в ушах, теряя сознание от боли, почувствовал её невероятно сильные руки, отгаскивающие меня с дороги, и уже не увидел, как её саму сбивает следующая за грузовиком Тойота...

Вита ошеломлённо молчала. Ей хотелось сделать для этого несчастного человека что-нибудь успокаивающее, погладить по руке, но он будто забыл о её существовании, пристально смотрел вдаль, в черноту моря, и она не решилась прервать его горестную отрешённость.

— Если бы она не бросилась спасать меня... Она бы... жила, — Виктор будто опомнился и лихорадочными глазами посмотрел на Викторию. — Так было бы правильно. Она больше нужна детям, особенно Вареньке. Ей всего два годика.

— Она вас любила.

— Да. Это ценишь, когда ничего исправить нельзя. Такой женщины, как она, просто не существует.

Виктория давно поняла и суровость Виктора, и стремление его к уединению, простила ему назидательный тон. Чтобы увести собеседника от самобичующих мыслей, она спросила:

— А сколько же вашим сыновьям?

— Они погодки: двенадцать и одиннадцать.

— И вы... один растите троих детей?

— Мне помогает моя сестра. Она гораздо старше меня, одинокая и, не знаю, можно ли это считать счастливой случайностью, у неё много свободного времени. Без сестры мне не справиться. По-

сле аварии я два месяца провёл в больнице, пока меня не сложили, как киборга. — Виктор усмехнулся. — Кроме того, по работе мне иногда приходится отлучаться на день-два из города.

Интересоваться родом его работы Вита посчитала излишним любопытством. И так он рассказал о себе довольно много, не спросив при этом ничего о ней. Совершенно ясно, что она его не интересуется. Просто хотел предостеречь, что от глупой случайности можно в момент лишиться жизни.

Она почувствовала, что усталость, сродни тоске и безысходности, снова навалилась на неё, и попрощалась с Виктором.

— Дома в это время я уже сплю, — с виноватой улыбкой призналась она.

— А я спущусь к морю. Сейчас мне всё равно не уснуть.

За завтраком Яна объявила, что у неё день рождения.

— Приглашаю вас вечером в кафе, отметим моё 20-летие. Мы вчера всё разведали. Фирменное блюдо у них — просто класс!

Виктория удивлённо смотрела на неё, будто впервые увидела. Сегодня она была особенно свежа и миловидна. Обычно собранным в хвост волосам ради праздника дарована свобода, и они вольготно рассыпались по Янкиным уже подрумяненным солнцем плечам. Небольшой вздёрнутый нос и пухлые губы придавали ей вид дошкольницы, в лучшем случае ученицы начальных классов. Это не мешало ей изображать «истину в последней инстанции».

— Вы, Виктор, может, на меня обиделись? Я вам вчера наболтала с три короба... Не обращайтесь внимания! Мама говорит, что у меня слова бегут впереди мысли.

— Не помню, чтоб я обижался.

— Вот и хорошо! Я так хочу, чтоб мой маленький юбилей запомнился! Мы вас двоих приглашаем.

Вита взглянула на Виктора. Он медлил в замешательстве. После вчерашнего разговора она понимала, как ему не по душе это приглашение.

— Я стар для вашей компании. — Ничего лучшего для отговора он не придумал. — Позовите лучше Гену.

— Нет-нет. Мы хотим вас! И вовсе вы не старый!

— Только не Гену, — вполголоса пробормотала Вита.

Рано утром после пробежки она увидела заспанного Генку, выползающего из номера администратора Наташи. Он Викторию не заметил и поплёлся, как зомби, в туалет. «Бурная, видно, выдалась ночь!» — подумалось ей не без ехидства.

— В самом деле! — присоединился Юлий. — Уютное тихое кафе. Я сам не выношу музыки, от которой лопаются перепонки. Приятно проведём время.

Виктор посмотрел на Виту. Она улыбнулась ему одними глазами.

— Ну, хорошо! — сдался он. — Раз я «вовсе не старый», тогда прямо сейчас переходим на «ты». А то я чувствую себя каким-то замшелым пнём среди вас!

«Может ты и пень, но совсем не замшелый», — хотелось сказать Виктории, но она только засмеялась вместе со всеми.

В кафе, как и обещал Юлий, лилась тихая танцевальная мелодия. Она возбуждала Виту больше, чем вино. Но Виктор не танцевал. Зато молодые друзья почти не сидели за столом. Яна раскраснелась от шампанского, веселилась, пыталась подпевать певице, добросовестно тянувшей исполнительскую «лямку», тормозила своего полноватого флегматичного мужа. Не желая им портить настроение, «сотрапезники» при них изображали бесшабашную радость, шутили, придумывали игривые тосты, но стоило парочке убежать на очередной блюз, как Виктор замолкал, угрюмо провожал глазами прибывающих посетителей ресторана и, наверное, ни один раз пожалел, что пришёл сюда.

— Давай выпьем на желание! — Виктория чувствовала, что в голове и так шумит от сладкого вина, но хотелось действия, хотелось вывести неконтактного Виктора из состояния хандры.

— Это как? — не понял тот.

— Каждый задумывает самое необыкновенное желание, безумное! — Она посмотрела на него с вызовом. — И выпивает бокал до дна.

— И что потом?

— Потом... Посмотрим, что будет!

— Вот-вот! «Бойтесь желаний: они иногда сбываются».

— Трусишь? — Вита, прищурившись, насмешливо склонила голову. В глазах мужчины она заметила, наконец, искорку любопытства. Слегка опьянённая, беззастенчиво разглядывая его вблизи (раньше не было такого удобного момента) она с удивлением поняла, чем привлекает её этот странный «седой мальчик». Лицо его не суровое и замкнутое, как ей всё время казалось, а сдержанное, умное, исполненное такого мужественного достоинства и силы, что стало ясно, почему санаторные вертихвостки робеют перед ним, как перед учителем.

Виктор не выдержал её взгляда и, усмехнувшись, стал наливать вино в бокалы.

— Только о желании никому нельзя говорить! — спохватилась Вита.

— Детская игра...

— Самое безумное! — она подняла бокал с горящими от сумасбродства глазами. Ей безудержно захотелось увлечь Виктора, влюбить в себя до беспамятства. Потом она не могла вспомнить, с чего ей пришло это в голову, но в тот миг она именно так и загадала: влюбить до беспамятства!

Кураж передался и Виктору, он пил вино медленно, глядя в её возбуждённое, невероятно похорошевшее лицо.

— До дна, до дна! — воскликнула Виктория, ставя на скатерть свой опорожнённый бокал.

Он и не собирался останавливаться, хмель запретного желания уже замутил ему голову.

— Молодец, молодец! — Вика засмеялась и захлопала в ла-

доши, как девчонка. — Сдаётся мне, что мы загадали одно и то же, — лукаво предположила она.

— Нет-нет! Такой бред не придёт тебе в голову! — запротестовал он и смутился. — Не съесть ли нам рыбного заливного? Я давно на него поглядываю.

— Давай! Хотя я рыбу терпеть не могу! — они засмеялись так, что вернувшиеся Яна и Юлий остолбенели от удивления.

— Над чем это вы так хохочете? Я тоже хочу поржать, — заявила Янка, усаживаясь.

Виктор и Виктория переглянулись. Веселье уже захватило их. Так сносит крышку с баллона заигравшего компота.

— Вспомнили анекдот, — невинно соврал старший за столом.

— И я хочу анекдот! — потребовала именинница.

Виктор покопался в памяти и рассказал давно слышанный от кого-то анекдот про старого еврея.

Непринуждённость за столом возрастала. Виктории, впервые за этот неприкаянный год, было по-настоящему хорошо. Так приятно и комфортно, даже не верилось, что это надолго, всё равно, казалось, какая-то гадость произойдёт. Так и случилось.

Молодые убежали танцевать под зажигательную музыку фокстрота.

С Виктора спал панцирь неприступности. Он улыбался ей, пытался ухаживать. Его шёпотом сказанный комплимент оглушил, окрылил Виту, она положила ладонь на его руку, сразу ощутив ответное жаркое пожатие.

В этот момент дверь кафе распахнулась, и появился Генка. На каждом локте у него «висело» по девчонке.

— О! Кого я вижу! — заорал он, заметив Викторю, и стряхнул с себя обеих.

— Витя! Пригласи меня на танец, — быстро сказала Вита и встала первой.

«Кавалеру» ничего не оставалось делать, как взять девушку

под локоть и вывести в круг, где двигались под музыку молодые люди.

Генка, взвесив «шансы», решил, что они не в его пользу, подобрал своих спутниц и «порулил» к столу, откуда его звали приятели.

— Я думал, это твой парень, — тихо сказал Виктор, стараясь не тянуть больную ногу.

— Что ты! Мы в поезде познакомились.

— Он просил уступить ему место за столом в столовой.

— Правильно, что отказался! Меня от него тошнит!

В благодарность за откровенность, Виктор теснее прижал к себе хрупкую фигурку:

— Нам нет до него никакого дела, — шепнул он в самое ухо Виктории и больше не отстранялся до конца танца.

Янка что-то заприметила нового в отношениях своих старших друзей и, когда Виктор после кафе предложил прогуляться по набережной, она стремительно прореагировала, отесняя согласно мычащего мужа:

— Нет-нет! Мы — баиньки, — она подхватила под руку туго соображающего, немного перебравшего Юлика и потащила его к спальному корпусу. — До завтра! Весело оттянулись!

Виктория напряжённо ждала: сейчас скажет, раз так, то им тоже пора по палатам. Поэтому, когда услышала:

— Пойдём! — растерялась:

— Куда?

— На пирс...

Они сидели рядом на большом валуне. В темноте слышались тяжкие вздохи моря, чувствовалось его влажное дыхание. От причала несколько минут назад отшвартовалось небольшое судно и отдалялось светлым пятном в густую тьму большой воды.

Виктория наблюдала за игрой сигнальных огней. Прохлада позднего вечера притушила кураж, с каким они вышли из кафе. Дальше одной-двух фраз разговор не вязался.

Попросив разрешения, Виктор закурил. Виктория взяла у него сигарету, тоже затянулась.

— Расскажи о себе.

Просьба привела её в замешательство. Что она могла ему рассказать? Как жила-не жила с мужем? О нелюбимой работе? Как Сонька каждое утро ревёт, не желая идти в садик?

Её молчание Виктор расшифровал по-своему:

— Если не хочешь говорить — не надо, — непонятная горечь послышалась Виктории в его голосе.

— Да, нет. Не то, что не хочу, а просто не о чем. Всё банально. После школы — замуж невтерпёж. Не успела попривыкнуть — родилась дочка. Через год развелись. И пошла обычная в таких случаях карусель: дом — ребёнок — работа. В техникум вот ещё вернулась после декрета.

Постепенно Виктория разговорилась, наболтала, чего и не надо было. К чему, например, Виктору знать о докучливом начальнике, который при каждом удобном случае старается зажать в укромном углу, или о том, как чуть не сошла с ума от страха, когда с Сонькой зимой приключилась скарлатина.

Воспоминания снова растревожили её до нервной дрожи, и она почти не заметила, как оказалась крепко прижатой к нему, губами касаясь его шеи. Внезапно стало так хорошо, будто обрела себя в уготованном ей Богом месте. Так надёжно, спокойно ей никогда не было, разве что в раннем детстве, когда был жив папа.

— Теперь всё будет хорошо, — услышала Вита горячий шёпот и слегка повернула голову, чтобы он сразу нашёл её губы.

Город, в котором жил Виктор, был за сотни километров от посёлка Виктории. Для него не существовало сомнений, что она должна переехать к нему.

— Но я не могу оставить маму, — хмурясь, твердила Вита. — У неё, кроме нас, — никого.

Теперь, когда мать стареет, поистратила здоровье, у неё, единственной дочери, нет морального права бросить её одну.

— Мы и её возьмём к нам, — убеждал Виктор. — Они найдут общий язык с моей сестрой Надеждой и вместе помогут нам поднимать детей.

Тут же устыдившись своего меркантильного интереса, он вскочил и заходил по Витиной комнате, в которой происходил разговор.

— Ну нет! Что я говорю! Мы сами вытянем детей. Я достаточно зарабатываю, чтобы моя семья ни в чём не нуждалась. Хочешь, мы купим ей квартиру в моём городе?

Виктория медленно покачала головой. Мама никогда не уедет. Она не бросит могилу отца. Таких однолюбок на свете она больше не встречала. Вите было семь лет, когда папа внезапно умер, а мама слегла. Да, ей было всего семь лет, но каким-то своим детским чутьём она осознала, догадалась, что мама «расхотела» жить. У неё не было сил ходить, говорить, есть, думать. Она часами лежала и смотрела пустыми зрачками в одну точку.

И тогда маленькая Вита стала для мамы мамой...

— Переезжай ты к нам!

— Ну, это глупо!

Она и сама знала, что глупо. В их захолустье для Виктора нет работы. В родном городе у него большой особняк, спортивная школа для мальчишек, дача на берегу пруда.

А у них? Двушка у мамы и у неё гостинка?

Виктор остановился у кресла, в котором она сидела, по привычке подобрав под себя ноги, опустил перед ней на корточки, заглянул в глаза.

— Ты хочешь быть со мной? — спросил с замиранием сердца и одновременно с жёсткой ноткой в голосе, не умея понять её странного упрямства.

— Да! — глаза её отчаянно блеснули в незаметно подкрававшихся сумерках.

— Поедешь ко мне жить?

Виктория крепко сжала ресницы. Ну как объяснить ему, чтобы понял?! Она еле заметно качнула головой — «нет».

Виктор резко, оттолкнувшись руками от кресла, встал, и она с ужасом увидела, что он уходит.

«Насовсем!» — пронеслось в мозгу, но руки-ноги не двигались, будто их сковало льдом...

До конца срока путёвки оставалось два дня. Всю неделю с того вечера, когда неожиданная вечеринка в честь Янкиного дня рождения открыла их друг для друга, Виктория и Виктор почти не расставались. Так неодолимо затянуло их в водоворот безумия и страсти, что они оба поверили, что это судьба и другого не дано. До сегодняшнего дня всё было понятно, и даже не обсуждалась возможность разлуки.

То, за что он так безапелляционно презрел её вначале, обвинив в рисовке, в бездушии к родным, обернулось обратной стороной.

Виктория оказалась перед выбором: любовь или её семья? И ответ был прост и понятен. Её маленькая, неполная, ущербная, в каком-то смысле, но, как оказалось, такая сцементированная семья ей дороже. Если Виктор не может этого понять, значит, он не будет дорожить и их семьёй, их отношениями. Раз он смог уйти сейчас, значит и потом уйдёт, бросит её, если последнее слово не будет за ним.

В комнате стало совсем темно. Так мерзко на душе у Виктории давно уже не было. Не раздеваясь, она легла в постель. Почему с ней так всё время случается: стоит ей только кому-нибудь поверить, влюбиться, просто привязаться, как этот человек тут же сделает ей больно, предаст, обманет...

Неужели, она так плохо разбирается в людях?

Что в Викторе есть такого, что она почти сразу признала его своим, почувствовала себя с ним защищённой? Даже не смутила разница в четырнадцать лет. Даже трое его детей... Хотя нет. О детях она думала много, тревожно. Егор и Юрка уже приблизились к самому болезненному возрасту, когда ни один мальчишка

не пожелает делить отца с чужой тётёй, и хватит ли у неё сил и опыта, чтобы стать для них родной? Пока она так думала, никакой уверенности не было. Виктор рассказывал о детях постоянно, тосковал по ним, это было видно по его глазам: как загорались они при воспоминании о Вареньке, как светились гордостью, когда заходил разговор о сыновьях. И с такими подробностями описывал он их проделки, с таким юмором и добродушием, что Виктории стало казаться, что все они выросли на её глазах. Она ясно представляла себе и светленькую, как солнышко, Вареньку, и серьёзного, основательного увальня Егора, и хитрющего черноглазого проказника Юрку. Со стороны Виктора это, наверное, была какая-то мудрая, особая политика: ему, видимо, жизненно важно, чтобы Виктория полюбила их уже сейчас. И она очень быстро согрела в себе это чувство, а когда ощутила его в сердце — больше не думала, что она им «чужая тётя», и возраст её совсем ни при чём, и опыт... Только любовь.

Любовь? А, может, это наивность и глупость? Просто всё она себе придумала. Виктору нужна хозяйка в дом, нянька его детям, просто женщина. Почему раньше не приходила ей эта мысль в голову? Поверила... Как там в песне? Поверила, поверила и больше ничего...

Она не заметила, как задремала с этими горькими мыслями, и вскинулась от резкого шума и возгласа:

— Заходи, кто хочешь, бери, что хочешь! — это свалился откуда-то Генка. — Ты что, спишь? Дверь нараспашку...

«Виктор не закрыл, небось, подумал, что побегу следом», — догадалась Виктория, с неудовольствием поднимаясь. Генка похозяйски включил свет, отчего сами закрылись глаза, и сделалось вдруг всё безразлично, будто сама смерть пришла за ней, а она и не против.

Каким-то звериным чутьём Генка «просканировал» ситуацию.

Он посидел несколько минут молча, пока она не открыла привыкшие к свету глаза, склонился над ней, пытаясь поймать её взгляд, слегка сжал тёплыми ладонями её плечи и вполголоса сказал:

— Я сейчас...

Генка вышел бесшумно, будто его и не было.

Виктория подумала, что надо встать и запереть двери, но не было сил.

Он вернулся быстро с плоской фляжкой в руке и плиткой шоколада.

— Я, собственно, попрощаться. Завтра уезжаю, — сказал Генка, как бы возобновляя прерванный разговор. — До конца заезда ещё два дня, но обстоятельства вынуждают. — Он с ловкостью фокусника извлёк откуда-то стаканчики и налил до половины в каждый янтарный напиток. — Это коньяк. Приличного качества. Давай. Одним глотком.

Вита вяло подумала, что коньяк она, вообще-то, не пьёт. Но это не имело уже никакого значения. Всё равно... И тут же задохнулась, закашлялась и, слёзы, будто только того и ждали, брызнули из глаз. Но Генка уже протягивал ей добрую половину шоколадной плитки.

Отдышавшись, она посмотрела на парня и засмеялась.

— Чёрт! — по жилам текла огненная лава. Почти сразу поплыло в глазах: лампа на потолке, круглое зеркало на противоположной стене, бородатое, растянутое в улыбке лицо, лицо Генки...

— Всё в порядке? — шевелились его полные губы, а лоб собирался в удивлённые складки. Все звуки просачивались сквозь пробки в ушах, и смысл слов существовал как-то отдельно от её сознания.

— Нормально, — будто бы ответила Вита и махнула рукой, но та плавно поднялась и опустилась, словно лебединое крыло.

Она тихонько засмеялась, попыталась встать, но передумала.

Генка совал ей шоколад:

— Закусывай!

«Дурак ты, Генка, и ничего не понимаешь!» — хотела произнести Вита длинную фразу, но запуталась в самом начале и сказала то, что требовал весь её организм: «Спать!» — Она свернулась калачиком и потёрлась щекой о подушку, как она делала всегда, уминаясь.

Генка опустил с кресла на палас у кровати, отбросил с её лица прядь волос и осторожно поцеловал в щёку. Она не шевельнулась, крепкий сон отмежевал её от всех и вся. С минуту он любовался её безмятежным юным лицом, потом на цыпочках вышел, закрыл номер на замок, а ключ подсунул под дверь.

Виктор злой, раздосадованный вернулся в свой номер. Он чувствовал себя обманутым, одураченным. Наверное, никогда не думала она о нём серьёзно. На что он надеялся? Вита молода, красива, самодостаточна. Зачем он ей, старый калека с кучей детей! Ведь знал, что ни одной бабе верить нельзя. Нет теперь нормальных. Только с виду ангел, а внутри — чернота.

Виктор бросился ничком на кровать, зatih.

Хотя ангелом она с самого начала не была. Строптивая, высокомерна. Только когда узнала о его беде, смягчилась, как будто глазами подобрела. Притворилась? Разве ж поймёшь? А зачем? Какой ей резон? Поиграть вздумала? «Давай желанье загадаем!» Он вспомнил, как потянуло его в тот вечер в прибрежном кафе к ней, к её молодому ладному телу... Загадал, старый дурак. Втюхался, как салага! А думал — после Аллы — никого!

Виктор нащупал пульт, включил телевизор. Шёл какой-то боевик. Звук выключен. Молотят друг друга — ничего не понять.

Алла — идеал жены. Если бы всё вернуть. Он почувствовал, что мелко дрожат пальцы и закладывает уши. Только приступа не хватало! Нервно щёлкая зажигалкой, Виктор с трудом закурил, вышел на балкон.

В комнате Виты ярко горел свет. Вдруг он услышал какой-то странный, шаловливый её смех. Слегка выглянув из-за простенка,

Виктор посмотрел в соседний номер и сразу отпрянул. В доли секунды он увидел Виту на кровати, перед ней Геннадия. Они выпивали.

Вот! Вот её сущность! Не успел уйти — уже другой у её ног! Виктор затягивался и затягивался крепким дымом, голову мутили шальные мысли. Пойти и врезать ему, хлыщу этому! Дать так, чтоб забыл дорогу!..

Внезапно свет в соседней комнате погас.

Быстро они поладили! Слепой осёл! С самого начала она вертела хвостом на два фронта. Виктор вернулся в свой номер, в ванную, долго мочил голову под холодной водой, чтобы унять накотившую головную боль. Потом вышел из корпуса и пошёл к морю.

К завтраку Виктор опоздал. Вита сидела, будто в коротких шортах на стекловате. Она уже тысячу раз простила Виктору его горячность, корила себя, что так бескомпромиссно отказала ему. Ведь можно было что-то пообещать, поговорить с мамой, как-то уладить. Теперь Вита почти уверена, что мама сама заставит её ехать, «устраивать свою жизнь».

Виктор пришёл, когда Вита маленькими глоточками пила чай, нарочно тянула время. Выглядел он усталым, хмурым. Поздоровался со всеми без улыбки. Янка бросила недоумённый взгляд на Виту и встала из-за стола.

—Юлик! Хватит уплетать пончики. Ты уже сам, как пончик, — тянула она несообразительного муженька.

Личина суровости, как маской, скрывала все чувства Виктора, как в первые дни знакомства. Он ел, не поднимая глаз.

— Может, поговорим? — не выдержала Вита.

— О чём?

— О... нас.

— Что говорить? И так всё ясно, — он, наконец, поднял на неё глаза. На мгновение в них обозначилась какая-то беззащит-

ность, почти детская обида, и тут же сменилась отстранённой холодностью.

Виктория опешила от слов, ещё больше от взгляда. Она хотела было пуститься в объяснения, смягчить своё вчерашнее решение, но будто с разбега налетела на стену.

Между тем Виктор не заметил её порыва, похоже, он сам и воздвиг эту стену. Не доев свою порцию, он отставил тарелку, сделал два больших глотка чая и встал.

— Всего доброго! — Он по привычке задвинул свой стул под стол, учтиво кивнул ей и медленно пошёл прочь своей, сводящей Виту с ума, прихрамывающей походкой. Она осталась сидеть, как после пощёчины.

Второй раз он уходит от неё, не оглядываясь.

Но она не побежит вслед, пусть не надеется. Даже если сердце разорвётся на сто кусков. Ещё ни за кем она не бегала!

Вита смутно помнила вчерашний вечер. Помнила, как по-настоящему плохо было ей после ухода Виктора, не добившегося её согласия на переезд.

Потом откуда-то появился Генка, выпили за его отъезд — и всё. Когда он ушёл, кто закрыл дверь — провал. Хотя что-то ещё... Генка был какой-то другой. Не приставал, не дурачился. Да, глаза... У него были нормальные, участливые глаза. Даже встревоженные. Но... кажется, он ни о чём не спрашивал. А она не рассказывала... Точно не рассказывала?

Тут уверенность оставляла Викторию. А может она не устояла перед искушением «поплакаться в жилетку»? И Генка её утешал?

Ничего не осталось в памяти. Нет, но то, что между ними ничего не случилось интимного — это без сомнения. Теперь уже ничего не узнаешь: Генка рано утром уехал. Вита ещё спала.

В палату из столовой идти не хотелось. Процедуры у неё все закончились, не надо бежать в лечебные кабинеты, занимать очередь на циркулярный душ или электросон. Да и не хотелось

никого видеть: ни с завистливыми глазами разведёнок, ни языкастых тёток, шушукавшихся за их с Виктором спинами. Сегодня Вита доставила бы им удовольствие, впервые за столько дней появившись с ним врозь.

И она пошла на пирс. День выдался пасмурным. У причала стоял белый, какой-то картиночный теплоход. Он только что пришёл, из него выгружались довольные после удачной прогулки «мореплаватели». Тут же через мегафон молодая женщина зазывала новую партию отдыхающих «совершить небольшой познавательный круиз».

Почему бы и нет? Может прогулка по морю развеет тоскливое настроение?

Вита купила билет и по шаткому мостику поднялась на палубу украшенного флажками теплохода. Отсюда смотреть на берег было странно и грустно: крутые ярусы лестниц, волнорезы, пляж в отдалении, на возвышении упрятанные в зелени лечебные корпуса санатория, резные беседки — всё вызывало в ней беспричинное волнение, будто она прощалась с этим благословенным уголком навсегда. Может потому, что исподволь пришло понимание, что безвозвратно разрушилась жгучая, почти первобытная сила, непреодолимо притягивающая друг к другу двух одиноких людей — их с Виктором.

Хотелось не думать о нём. Вита с преувеличенным вниманием стала осматривать внутреннее устройство прогулочного теплохода, застеклённые каюты, большую открытую палубу с ровными рядами скамеек, устроенную на возвышении капитанскую рубку, так это, кажется, называется.

Но мысли своевольно возвращались к человеку, которого она успела за такой короткий срок полюбить, впустить в душу. Ей казалось, что и у него к ней такие же чувства, что если выпала такая редкая удача — найти свою половинку, то уж нельзя выпустить её из рук. Что ему стоит просто позвонить, просто узнать, где она? Почему он так резко ответил ей в столовой? Она не чувствует перед ним никакой вины.

Вспомнилась дочка. Вита уже изрядно соскучилась по ней, под утро Сонька даже ей приснилась. Щемящее, болезненное чувство разлилось в груди: не заболела бы. Во сне она заплетала дочке косички, целовала ей тёплые ладошки. Занятая мыслями о детях Виктора, озабоченная будущей с ними встречей, желанием им понравиться с первого взгляда, Вита мало думала о Соньке, признает ли она в незнакомом мужчине друга, защитника, да и сам Виктор сможет ли разбудить в малышке чувство доверия и симпатии к себе.

Вита вдруг подумала, что об этом нет уже смысла беспокоиться: не случилось, не признает, не разбудит... И всё напрасно. Надежды. Мечты.

Завтра их пути, как ни банально звучит, разойдутся навсегда. Снова холодная постель, нелюбимая работа, постылое существование.

Задумавшись, Вита не заметила, как теплоходик оторвался от берега и уже уверенно и деловито устремился в открытое море.

Путешественников на борту было немного, видно, погода не способствовала туристическому настроению. Хмуро, сплошной серой ватой висели тучи, и кропили лицо не то брызги от вспененных волн, не то мелкие капли с неба. Виктория зябко передёрнула плечами и спряталась от сырости в просторной застеклённой каюте. Там она заметила знакомые по санаторию лица — приятелей Генки (у него все ходили в приятелях). Они кивнули ей издали, но в компанию не позвали. Ребята и девчонки были по парам, пели под гитару и пили баночное пиво.

Вита отвернулась к окну, там тоже неприятно, хмурая морская гладь, не за что глазу зацепиться.

«Зачем я забила на эту посудину? — запоздало пожалела Виктория. — В санатории, может быть, ещё раз увидела бы Виктора. Не по-мужски просто так уехать, не сказав ни слова».

Она как-то упустила из вида, что будет ещё обед и ужин, и в столовой уж она точно увидит Виктора. Мысль, что больше они не поговорят, так разбередила Виктории душу, что она уже

не могла ни о чём думать, как о завершении этой двухчасовой морской прогулки.

На верхней палубе экскурсовод рассказывал группе отдыхающих о местных достопримечательностях. Через открытые окна доносился её усиленный мегафоном голос, но Вита не запомнила ни одной фразы.

Наконец добровольное пленение закончилось.

Прогулка не принесла ни радости, ни успокоения. Скорее напротив, Виктория сошла на берег измученная своими думами, разбитая морально. Даже солнце, пробившееся из-за туч, не заставило её легче вздохнуть. Нескончаемая лестница наверх, к корпусам, звонко откликалась на быстрые шаги Виты. Порывисто дыша всей грудью, она вышла к аллеям. К счастью, отдыхающих не было видно, наверное, добирают последние благодатные лучи на пляже.

На вахте попросила свой ключ. Приветливая дежурная подала его с биркой от номера и остановила её:

— Подождите, вам письмо.

Девушка, действительно, протянула ей запечатанный конверт без адреса, без подписи. Только в уголке стоял номер её комнаты.

У Виктории оборвалось сердце. Не чуя ног, она взлетела на второй этаж, дрожащими руками открыла дверь и, бросившись в кресло, теряя рассудок от дурного предчувствия, раскрыла конверт.

Так она и думала, это было прощальное письмо от Виктора.

«Дорогая, милая, Виктория! Я не могу больше оставаться вблизи тебя. Уезжаю. Запрещал себе искать встречи с тобой, но душа противилась запретам. К радости или печали, тебя не оказалось в номере, что избавило нас от мук прощания. Не жалею, что я оказался не тем, кто тебе нужен. Забудь. Виктор».

Октябрь выдался мягкий, спокойный, какой-то блаженный. До самого ноября деревья стояли бодро-зелёными, клумбы пестрели

астрами, георгинами, петуньей. Даже дождик, если припускал, казался несерьёзным, случайным и быстро прекращался, оставив после себя смеющиеся лужи.

После санатория Виктория стала другой. Даже подруги говорили, что её как подменили, будто в исправительном лагере побывала. Молчаливая стала, а в глазах не то безразличие, не то блёклость.

О Викторе думала часто. Записку его затвердила наизусть. Жало обиды все эти дни отравляло жизнь. Почему он уехал, не спросив последнего слова, не посмотрев в глаза. Сам всё решил. И за себя, и за неё. «Не жалею, что я оказался не тем, кто тебе нужен».

Виктория медленно пересекала сквер, за которым виднелся детский садик Соньки. Если б не дочка — хоть вой!

«Да откуда тебе знать, кто мне нужен! Как раз вот такой упёртый мне и нужен! Чтоб было на кого опереться. Чтоб любил взыскательно, с уверенностью на отдачу, а не так, серединка на половинку. Ведь разбередила я тебе душу! Так смотри во все глаза! Разве не видно, как я по тебе сгораю, как готова уже на всё!..»

Увидев приближающуюся Виту, дочка побежала навстречу, споткнулась о корень дерева, шлёпнулась.

Виктория подхватила малышку на руки, прижала к себе:

— Не плачь, сейчас поцелую и всё заживёт!

Подбежала воспитательница:

— Сонечка, солнышко, ну как же так... Вы знаете, она вас так любит! Все дети играют, а она всё вас выглядывает, чтоб не пропустить. А умница — такаямышлёная! Какая хорошая у вас девочка!

Приятно слышать такие слова, да ещё почти каждый день.

Вита и сама после приезда стала смотреть на дочку по-новому. Или потому, что она уехала, оставив Соньку на две недели с бабушкой, или почувствовала малышка своим крохотным сердечком в матери какие-то перемены, опасные для неё, только

часто дома дочка вдруг бросала игру, подходила к ней и, молча, крепко прижималась, будто боялась потерять. Виктория нежно обнимала её в ответ и крепилась, чтобы еле сдерживаемые слёзы не испугали малышку.

... В тот день на работе не заладилось с самого утра. Новый зам вызвал Викторию в кабинет и устроил «разгон» за горящие сроки. Сроки эти несколько раз отодвигали, работа задерживалась на предыдущем производственном этапе, а «шишки» опять достались ей.

В самую кульминацию «запарки» её на проходную вызвонил бывший муж.

Вита выскочила на ступеньки у входа в здание, кутаясь в широкий кашемировый шарф (на улице разгулялся ветер).

Гошка нагло улыбался, вроде рад был её видеть.

— Только говори быстрее, что надо, а то у меня аврал...

— Меня Зойка выгнала, — с ходу «бухнул» Игорь. — Я к тебе пока переберусь. Там же есть мой угол!

— Какой угол? — разозлилась Вита. — Прогулял ты свой угол!..

— По закону... — начал было Гоша, но Виктория уже не слышала, земля поплыла под ногами: к корпусу, прямо на неё шёл... Виктор. Она не могла ошибиться: тот же лёгкий наклон в правую сторону, так же слегка припадает на больную ногу.

Ей как-то удалось смести со своего пути Гошку, и она птицей слетела со ступенек:

— Витя! Как ты... здесь?

— Позвонил. Приехал. Еле нашёл... Что с мобильником?

— У меня новый. Старый... искупала в молоке... Виктор! Что происходит?! — Вита чуть-чуть ослабила кольцо его рук.

— Я приехал к тебе. Разверну в вашем «божьем» уголке свой бизнес. Я всё просчитал. Дети пока с Надей. Я люблю тебя.

Только теперь Виктория вспомнила о Гоше и оглянулась. Вслед она увидела широкую спину, когда-то повергавшую её в трепет, и понуро склонённую голову.

Ошибка длиною в жизнь

Руки дрожали, и Лидии Васильевне никак не удавалось вынуть листок из конверта. Это письмо она ждала очень долго, почти всю жизнь.

...В ту далёкую весеннюю ночь сорок четвёртого перед отправкой Володьки на фронт они бродили до утра по затемнённым улицам Залесска и отчаянно целовались. Уже не было слов для клятв и признаний в любви, только жгучая безысходная тоска от близкой и неизбежной разлуки. Ему было всего восемнадцать, ей — шестнадцать...

Наконец, листок поддался её непослушным пальцам, и Лидия Васильевна извлекла из конверта свёрнутое вдвое письмо.

«Надо бы выпить сердечное, — тревожной ноткой кольнуло в подсознании, но другая, более важная мысль нетерпеливо завладела её вниманием: очки, где очки?»

...Вскоре после Победы Володька, цел и невредим, приехал в Залесск, приехал всего на одни сутки в отпуск. Командование оставляло его на неопределённый срок служить на оккупированной немецкой территории. Володька примчался за ней.

— Лида, поедем, — в который раз принимался умолять он. — Утром распишемся и рванём. Решайся, милая!..

Белугой ревела, ногти до крови обкусала, а не смогла, не отчаялась... Не поехала. Смелости не хватило, или здравый смысл не пустил, только упёрлась Лидия не хуже, чем соседская своенравная и тупая коза Зойка.

Расставание с Володькой вышло отчуждённым, натянутым. Обещал писать, однако... не было писем.

...Лидия Васильевна нашла-таки очки, но сидела, не двигаясь, придавленная воспоминаниями. Почему так боязно развернуть листок и прочесть? Наверное, подсудимый с меньшим трепетом ждёт свой приговор...

Нельзя сказать, что жизнь у неё не сложилась. Окончила

институт, стала преподавать историю в школе, вышла замуж за хорошего человека, сына родила.

Но не выходила из головы первая шальная любовь, не забывался вихрастый бесшабашный Володька. В родной город он не вернулся, следы его затерялись.

Лидия Васильевна писала во все инстанции, искала Владимира.

Уж и сын вырос, и пенсия подошла, и мужа схоронила, и внучка-щебетушка в школу ходить стала, а о Владимире не было никаких сведений.

И вдруг удача!

Сегодня пришло заказное письмо. Вот оно, перед ней. Лидия Васильевна сделала над собой усилие и раскрыла листок. Это была всего лишь короткая справка, но какая!

«На Ваш запрос сообщаем: Воронков Владимир Михайлович 1926 года рождения проживает в г. Таганроге Ростовской области по адресу...»

«Жив! Боже мой! Какой-то Таганрог...»

Лихорадочное волнение, охватившее Лидию Васильевну, было так велико, что привело к гипертоническому кризу. Мучительные шесть дней, последовавшие за вызовом неотложки, она почти не вставала с постели.

Небывалая ранее слабость разбила её тело. Она вдруг с ошеломляющей ясностью осознала, как износился, как разладился её организм. Жизнь прошла. Самое острое чувство, которое владело теперь Лидией Васильевной, было убийственное одиночество.

Нет, конечно, сын и невестка навещали, ухаживали за ней, регулярно приходила медсестра делать уколы, но в душе была зияющая пустота, и мысли, одна горше другой, роились в её седой голове.

Владимир жив. Она нашла его. Живёт себе где-то на краю земли... Почему же ни разу он не вспомнил о ней, не написал, не приехал? Любил ли он вообще? А она?.. На что надеялась?

Как могло случиться, что самое главное в её жизни, то, ради чего она появилась на свет, не состоялось? Как могла она упустить, не удержать свою единственную любовь, смысл всей жизни?..

Сумерки незаметно прокрались в комнату, поглощая потихоньку её небогатое убранство.

В открытую форточку внезапно влетел стриж и заметался, обезумев, по замкнутому пространству. Очнувшись от полудрёмы, Лидия Васильевна в смятении наблюдала за ним.

«Вот так и моя душа, — неожиданно подумала она, — мечется, не находя покоя, утратив все ориентиры».

Она с трудом поднялась, преодолевая головокружение, сделала несколько шагов к окну и, собрав последние силы, распахнула раму.

Птица почувствовала свежий приток воздуха, рванулась к окну и с ликующим криком выпорхнула на волю.

«Лети! — грустно прошептала Лидия Васильевна. — Скоро и я обрету простор»...

Урсула

Быль

Новость ошеломила. К нам из Англии едет гостя. Вернее, даже не к нам, а к отцу.

— Старая любовь объявилась, — пряча свою растерянность под иронией, сказала мама.

— Какая ещё любовь? — не поверила я. Отцу семьдесят четыре года.

— Подружка военных лет. Я сама о ней ничего не знаю. Спрашивай у отца.

Её звали Урсула. Немка.

Когда в тысяча девятьсот сорок пятом году военная часть, в которой служил отец, с боями вошла в Берлин, ему было двадцать шесть. Ей — шестнадцать.

Победителей, советских офицеров, расквартировали в домах немецких жителей. Отцу понравилась небольшая опрятная комнатка, в которую его поселили. Но сухая, как жердь, хмурая фрау Хельга сначала не вызывала симпатии. Совсем другое дело — юное голубоглазое и светловолосое создание, её дочка Урсула. С любопытством она поглядывала на молодого русского капитана.

К тому времени отец уже сносно изъяснялся на немецком. Мало-помалу завязалось знакомство.

Семейство, с которым парня свела армейская доля, в конце войны бедствовало, буквально голодало.

Как мог молодой человек, сам пройдя через невыносимые лишения и тяготы военного быта, остаться равнодушным к мучениям незащищенных женщин? Он стал делиться своим офицерским пайком с хозяйкой.

Фрау Хелга смягчилась, стала дружелюбнее относиться к постояльцу, но строго присматривала за своей бойкой дочкой.

Может, она не знала, что сдержатъ молодую страсть, да ещё в военное время, всё равно, что остановить горный поток после дождя?

Симпатия юной немки возрастала с каждым днём и, надо сказать, не была безответной. А то, что любовь такая не имела права на существование, и что с любой точки зрения, как ни глянь, она запретная, только добавляло остроты переживаниям.

Неизбежная разлука приближалась. Урсула становилась всё грустнее.

— Ты уедешь, милый Алекс, и я никогда-никогда не увижу тебя больше, — плакала девушка.

— Я вернусь за тобой. Как только это станет возможным, — утешал тот и сам не надеялся на встречу.

На прощание молодой человек подарил возлюбленной свои стихи.

Эту романтическую историю из уст отца я восприняла со странным чувством раздвоения. Удивительный романтизм её до глубины затронул сентиментальные тайники моей души, с другой стороны мне было жаль маму. Каково ей было узнать о давней пылкой любви своего избранника и о том, что чужая женщина с другого конца света через десятилетия пронесла трепетные чувства к русскому капитану, искала его повсюду, посылала и посылала запросы в непреступный Советский Союз и каждый раз получала отрицательный ответ.

Наконец, в начале девяностых, когда рухнули все препоны, через «Красный Крест» она узнала адрес своего милого Алекса.

И вот спешит на встречу. Спустя столько лет! Зачем? Чтобы посмотреть в глаза поседевшего, постаревшего некогда любимого человека, в котором уже ничего не напоминает бравого молодого офицера?

Конечно, перед тем, как пуститься ей в далёкий путь, была

Урсула

горячая переписка. Да, она знала, что Алекс женат, и у него двое взрослых детей. Что по статусу он давно пенсионер и не один раз дедушка. Да и она не та наивная девочка Урсула, которую он знал. После войны она вышла замуж и уехала в Англию. У неё есть дочь и внучка. А муж два года назад умер. И был он достойный и добрый человек.

Тогда почему хранила она целую вечность два милых сердцу четверостишья и помнила... всегда помнила их автора?

Я не могла бы поклясться, что отец, как и его далёкая подруга, сохранил в сердце глубокие чувства к ней. Он любил мою маму и за всю жизнь немало нежных стихотворных строк посвятил ей. И эту неожиданно всплывшую историю воспринял с большой долей юмора.

Но я видела, как разом помолодел он, подтянулся и принарядился.

Их встреча была потрясающей, как молодо блестели их глаза, и руки тянулись к рукам, и крепкими, искренними были объятия.

Мы все были поражены и пребывали две с половиной недели, пока гостила у нас Урсула, в возбуждённом состоянии.

Я с интересом рассматривала женщину из другого мира. Ей ни за что нельзя было дать шестьдесят четыре года. Худощавая, светловолосая, с модной стрижкой и клипсами, в брючном костюме, очень подвижная и эмоциональная, она была для меня эталоном современной леди. Бабушкой назвать — язык никак не поворачивался. Её и называли по европейскому обычаю просто Урсула.

Отец с радостью возил подругу юности по примечательным местам Таганрога, при этом не всегда вспоминал пригласить маму. Да она и сама из какой-то чисто русской скромности отнекивалась и всё старалась угодить госте, чтоб удобно ей было в отведённой комнате, чтоб еда нравилась, и нередко была переводчицей у этой интересной пары.

Урсула по-русски почти не говорила. Да и отец немецкий язык

практически забыл. А мама — сама малолетняя узница фашистов, благодаря своей цепкой памяти, помнила кое-что из немецкого.

Так, общими усилиями, и общались. Ведь если люди хотят понять друг друга, они поймут.

Урсула привезла множество подарков своему дорогому Алексу и его жене. Не забыла и детей, и внуков. Всем досталось что-то интересное, даже диковинное для нас в те годы. Таким образом она хотела отблагодарить русского человека за благородство и доброту, за то, что в трудное время помог выжить простой немецкой женщине, её маме, и ей, совсем неразумной тогда девчонке.

Когда расставались, Урсула плакала.

— Приезжайте в Лондон! — уже почти без акцента приглашала она. — Good?

На вокзале, в ожидании поезда, она о чём-то вдруг вспомнила и достала из сумочки пожелтевший от времени листок. Это были поэтические строки, посвящённые ей влюблённым Алексом.

На память о встрече с этой удивительной женщиной у меня остался шёлковый лепесток цветка, от которого до сих пор исходят флюиды каких-то духов. Далёкий запах романтических лет, когда немецкая девочка так опасно влюбилась в советского офицера.

Возвращение к себе

Где-то за пределами сознания пронзительно и жизнерадостно задребезжал телефон. Инстинктивно защищая сладкий дурман сна, Лиля зарылась головой под подушку, но телефон не унимался, доставал и доставал её откуда-то из бытия через пуховую толщу. На десятый или одиннадцатый звонок Лиля, не открывая глаз, нащупала трубку.

— Ну...

— Не «ну», а доброе утро!

Лорка. И чего ей неймётся в субботу, в такую рань?..

— Меня нет дома, — с трудом расплющив губы, вымучила длинную фразу.

— Дрыхнешь ещё? Я уже час вкалываю, а она ни рукой, ни ногой!

Лорка содержит небольшой «Салон красоты» и сама же работает в нём парикмахером.

— Алло! Ты меня слышишь?!

— М-м-м...

— Ну, клиника... Значит так, подруга, очухивайся и въезжай. Сегодня наши собираются в кафе «Лада» в 18 часов в честь десятилетия окончания школы.

Лиля, наконец, разлепила глаза и покосилась на себя в трельяжное зеркало. Господи, ну и видок, только в триллере показывать.

— Лорка, о чём ты говоришь?.. Какая встреча?!

— Чтоб не пойти — и думать не смей! Весь цвет класса будет. Климов, Москаленко, Скалиух... Мне Алёнка Гребенючка звонила. Сом из Мариуполя приехал. Виталька будет...

— Лорка, отвянь. Я не в форме. И вообще, мне надеть нечего.

— Ну, если тебе надеть нечего — я молчу... Лилька, тебе встряхнуться надо. Ты совсем закисло в своей норе.

Началась проработка...

— Ладно, посмотрим, — уклончиво отозвалась Лиля, лишь бы не выслушивать нотации. Все норовят жизни учить.

— Ну, так к пяти у меня.

— Угу., — Лиля с облегчением отбросила трубку и натянула на голову одеяло. Никого не видеть... Забыться, не думать ни о чём... У Лорки всё «хоккей». Преуспевающий муж, сын — вундеркинд. Сама — бизнес-леди. Сказано, не родись красивой, а родись счастливой.

Забыться не получалось. В голову непрошено лезли вредные для здоровья мысли.

Жизнь у Лили не задалась. Родители разошлись, когда она училась в девятом классе. Мама много работала, уставала, к воспитанию дочки относилась либерально.

По натуре лидер, Лиля была в гуще школьных событий, заводила и организатор самых немислимых дерзких предприятий. Признанная первая красавица школы. Ведь победила тогда в отчаянной борьбе за этот титул в шоу «Мисс Весна-92»!

Весёлая жизнь была, беззаботная. Не огорчало даже то, что к концу десятого съехала на тройки... И тут внезапный сокрушительный удар — такой, что выбивает почву из-под ног: потеря самого близкого, самого родного человека — мамы.

После похорон, которые Лиля помнила смутно, она осталась совсем одна в пустой квартире. Школу пришлось оставить. Устроилась на работу: жить на что-то надо. Чужую помощь принять не позволяло самолюбие. Тоска в душе — улыбка на лице! Всегда гордая, всегда независимая. Нашла спасение в танцах. Они стали её настоящей страстью. И вот — любовь! Казалось, встретила своего единственного, второго такого нет в целом свете. Едва дождалась восемнадцати — и замуж! Только любовь-то, ободрав бока о житейские рифы, что-то быстро пообтрепалась. А после

того, как Лиля потеряла на последнем месяце беременности, не выносив, дочку, сил, чтобы поддерживать жалкий суррогат семьи, не осталось вовсе, и они разъехались с мужем, изрядно помотав друг другу нервы.

И вот уже восемь лет (Господи, неужели восемь?!) одна. Поначалу прибивались ухажёры, но скоро отчаливали в неведомые дали. Что-то в ней угасло. Жила по привычке, «челночила», чтобы как-то удержаться на плаву, пахала за троих, вечно кого-то выручала, за кого-то хлопотала. Всё. Надоело... «Не могу и не хочу».

Лилия недооценила Лорку. Ровно в одиннадцать снова затрещал телефон.

— Лилёк! Я тут немножко передумала. Сделаем рокировку. Сейчас к тебе мой Ромчик подкатит. Прыгай в тачку — и ко мне в салон! Мы вернём тебя к жизни, будь спок!

Лилия открыла, было, рот, чтобы возразить, но в трубке запищал отбой. Обречённо поскуливая, она выползла из-под одеяла и поплелась в ванную.

Вот для чего, оказывается, нужны друзья: чтобы вытаскивать из дремучей депрессии. Когда Ромчик позвонил в дверь, Лилия чувствовала себя уже вполне сносно и встретила его улыбкой. В салоне Лорка круто взяла её в оборот: сауна, массаж, маски, фитотерапия, наконец, причёска, макияж, и уж вновь Лилия искрится молодостью и свежестью, хоть на подиум.

Лорка тоже не теряла времени и предстала перед Лилей эдакой «крошкой-вамп».

В семнадцать тридцать подруги уже садились в такси.

Вот и одноклассники, почти все. Взрослые и не очень, богатые и бедные — разные... Слезы, поцелуи, разговоры, шампанское. Четвёртое измерение перестало для них существовать.

Одиннадцать часов, двенадцать...

Самые стойкие решили продолжить общение в тесном кругу в холостяцкой квартире Витальки. И снова: «А помнишь?.. А знаешь?.. А если...»

Четыре утра. Прощальный кофе... Пора!

Лиля случайно вспоминает о самом тихом мальчишке из класса.

— А где же Костик?

— Ты что, не знаешь? — удивлённо подал голос Виталик и враз помрачнел. — Он же в аварию попал на мотоцикле. Перелом позвоночника. Вот уже несколько лет в инвалидной коляске. Говорят, что навсегда.

Лиля потрясённо молчит. А ведь и правда, не знала. Считала себя самой несчастной.

— А давайте завтра... ой, уже сегодня вечером к нему ходим, — неожиданно предлагает Лорка.

— А что? Правда!

— Нет проблем!..

В шестнадцать часов снова все в сборе. Еду, питьё, фрукты взяли с собой...

Слабая надежда на то, что Виталька «взвинтил страсти» улетучилась с первых минут встречи. Картина удручающая. Верх туловища по пояс живой, низ — чужой. Неуютно как-то, будто виноваты в чём-то перед Котькой.

Мало-помалу завязалась беседа. Накрыли стол. Опять нахлынули воспоминания.

Костя не смущался, не скрывал радости от встречи и, пожалуй, был самым разговорчивым. Шутил, разве что, чуть-чуть бесшабашнее, чем, если бы ему действительно всё было нипочём. Включили музыку, ребята пошли танцевать, а Лиля всё сидела и сидела возле Кости, заморожено слушая его мягкий голос, и взгляд её уносился, теряясь, в темнеющее пространство за окном.

— Покурим? — Вернул к действительности его вопрос.

— Давай...

— Ты всё такая же красивая. Совсем не изменилась, — затягиваясь горьким дымом, сказал вдруг Костя, и едва уловимая тоска послышалась Лиле в его голосе. — А знаешь, в одиннадцатом все наши мальчишки были в тебя влюблены. Мы даже дежурили под

твоим балконом, всматривались в окна в надежде хоть мельком увидеть тебя, — он засмеялся, — конечно, соблюдая конспирацию, чтобы ты не догадалась. Да ты только Лёшку обожала...

Лиля живо вспомнила долговязого Лёшку Проскурина. Он жил в соседнем доме и учился в «бурсе». И ничего она его не «обожала». Просто у него был мотоцикл, и носились они на этом мотоцикле, обгоняя ветер, до позднего вечера.

Однажды они с Лёшкой заскочили к ней домой перекусить. Мамы тогда уже не было, и Лиля стряпала сама, как могла. По крайней мере, пельмени из «Кулинарии», где она в то время работала, у неё всегда имелись на подхвате.

Они уже допивали чай, когда услышали треск заводимого мотоцикла.

— «Ява!» — выкрикнул Лёшка.

Лиля вслед за ним выскочила на балкон и перегнулась через перила, высматривая оставленный внизу мотоцикл. Его не было. Надо ли говорить, как Лёшка расстроился? И не только из-за мотоцикла. Он ведь отлично понимал, что без «Явы» он Лилю мало интересовал...

Лиля поморщилась.

— Лёшка... Нашёл, о ком вспоминать! Детство то было, глупость, — она затушила сигарету и подошла к окну. Прямо под ним роскошно вспенилась белая сирень. Через открытую форточку свободно струились волнующие флюиды.

Хотелось отмахнуться от прошлого, но оно не отступало. Видно, и в самом деле Лёшка тогда сходил по ней с ума. Чтобы насобирать денег на новую «Яву» и вернуть Лилино расположение, он стал по ночам снимать с чужих мотоциклов детали и продавать их. Поймали его быстро. Потом суд. Дали два года. Дурак, испортил себе биографию. Лиля, естественно, любви ему не обещала и ждать из зоны не собиралась. Через год она уже была замужем.

— А ведь мотоцикл тот злополучный я тогда укатил. Ревновал

Людмила Хлыстова

тебя жутко,.. — слышала Лиля за спиной тихий Костин голос и резко обернулась.

— Ты?! — взгляд её упал на неподвижные Костины ноги.

— И это... — она задохнулась от страшной догадки.

— Прости...

Из соседней комнаты вернулись весёлые ребята, и Виталька громко сказал:

— Давайте выпьем!...

*«Жизнь есть сумма всех ваших
выборов...»*

Альбер Камю

Свой выбор

Свой выбор

«До чего разбитые у нас тротуары! Трещины, как после землетрясения. Через подошву каждый камушек чувствуется. Раньше так не было!» — думала Вера Максимовна, с трудом переставляя отёкшие к концу рабочего дня ноги.

Воздух растворился в зное. Пыльные листья деревьев, в призрачную тень которых жалась Вера Максимовна, безжизненно поникли. Всё замерло в неподвижной духоте...

Сорок лет, изо дня в день, в грязь и гололёд, в жару и метель, мерила она знакомую тропу к заводу бодрыми шагами уверенной в себе женщины. Всё в её жизни сложилось нормально: работа, где, как ей казалось, она была на своём месте, хорошая семья, сын, которым гордилась бы любая мать. Умница, красавец, морской офицер. Живёт, жаль, далеко. Служил на Дальнем Востоке, там и остался, женился.

«Может, к концу лета приедет, — надеялась мать, — внучка Антошку привезёт: ему четыре годочка уже, а видела его только на фотографии. Обещал телеграмму отбить. Вот только муж не увидит. Уж два года как нет его, родимого, советчика и заступника моего», — горько вздыхала Вера Максимовна.

Подступала старость, неожиданно одинокая и безрадостная. Телега жизни скрипела по инерции. Силы убывали. До обидного быстро изнашивалось сердце. Когда случался очередной приступ стенокардии, её сковывал глубинный страх, что это конец...

Но отпускало, и Вера Максимовна снова цеплялась мыслями за жизнь, суетилась по хозяйству, что-то планировала, бежала, бежала по кругу...

«До чего же душно! Наверное, дождь будет. Хотя бы! Всё горит, гибнет...»

Под раскидистой шелковицей она остановилась, переводя ды-

хание, сняла соломенную шляпу, без которой теперь не выходила в жару, стала обмахиваться.

Одышка понемногу отступала, но сил по-прежнему не было. Она с завистью посмотрела вслед загорелой девушке. Та, щебеча по сотовому, легко преодолела подъём, на какой Вера Максимовна собиралась с духом.

«Надо бросать работу», — она невольно оглянулась на завод, что ещё виднелся вдали за пятиэтажками.

Всё отдала ему: свою молодость, силы, здоровье. Вся жизнь её прошла здесь. Один и тот же завод, один и тот же цех, даже её рабочее место почти не изменилось за это время, последние двадцать лет тот же стол, та же тумбочка, и чайник, кажется, тот же на ней. Только настенный календарь менялся каждый год. И как же быстро пролетели эти годики! Сорок лет! Представить только! Всю энергию оставила она там, все соки выщедил из неё завод. А что взамен получила? Несуразную пенсию да коллекцию болячек.

«Надо бросать работу... И чего за неё держаться? — продолжала плестись в её мозгу тяжкая дума. — Дождаться, что вынесут вперёд ногами?... Когда ж для себя пожить?..» Раньше они с мужем мечтали поездить, попутешествовать, когда выйдут на пенсию. Не пришлось...

Вера Максимовна глубоко вздохнула, снова прикрыла закрашенную хной седину спасительной шляпкой и понуро двинулась дальше.

Вдруг её окликнули. Она обернулась.

— О, Танечка!

— А я смотрю, Вера Максимовна, вы ли это? Как поживаете? Работаете ещё? — молодая женщина притормозила, подстраиваясь под шаг пожилой знакомой.

— Живу потихоньку, слава Богу. Вот, с работы иду. Жара добивает.

— Да, жаркое выдалось лето...

— А ты как? Куда устроилась?

— В фирму одну взяли, правда, с испытательным сроком. Но ничего, пока нравится. И зарплата не в пример нашей.

Около года назад Татьяна вместе со своей подругой и сотрудницей Веры Максимовны Светкой Рыбниковой попала под сокращение.

— Повезло!.. А Светка, подружка твоя, как же? Работает?

— Да какой там! И не пытается искать. Пока биржа труда платит — ей и так хорошо. Гуляет.

— Пьёт? — без обиняков спросила Вера Максимовна.

Татьяна замялась.

— Ну... бывает... — Но не выдержав пронизательного взгляда серых, в морщинках глаз, подтвердила, погрузнев: — Пьёт. Почти каждый день напивается. Родные не знают, что делать. Я с ней сколько раз пыталась поговорить... Всё без толку!.. Ой, моя маршрутка! Простите, Вера Максимовна, я побегу, до свидания! — Уже с подножки крикнула: — Передавайте нашим привет! — и исчезла в салоне автобуса.

— Надо же... Совсем опустилась, — пробормотала Вера Максимовна со смесью досады и сожаления, думая о Рыбниковой.

На память пришло, как лет десять назад Светка, молодая, бойкая, броской внешности, впервые появилась у них в цехе. Незадолго до того она рассталась с мужем, на руках у неё остался шестилетний сын. Беззаботная «разведёнка» привлекла внимание цеховых парней и, по слухам, была доступна, крутила шашни направо и налево.

Глухое раздражение на Светку всё возрастало, будто недовольствие дорогой, жарой и всей жизнью Вера Максимовна переключила на неё.

Припомнился неприятный эпизод, до сих пор саднящий душу.

Прошлой весной Веру Максимовну вызвал начальник цеха

Шаталов, стал интересоваться здоровьем, задавал вопросы о жите-бытье. Она сразу поняла с чего эта «забота». Раньше такой внимательностью начальник не отличался.

— Уволить собираетесь? Я что, Пётр Тимофеевич, плохо с работой справляюсь? — насупилась Вера Максимовна.

— Нет, почему же? Справляешься... Но распоряжение... Надо кого-то. А ты, Плужникова, пенсию уже заработала, — с расстановкой, подбирая слова, сказал Шаталов, видно разговор ему тоже давался непросто. Всё-таки она прослужила под его началом без малого тридцать лет.

— Что та пенсия! Что та пенсия? — загорячилась работница.
— Слезы и только! А цены — какие? А коммунальные растут. Лекарства вон одни сколько стоят!

— Да знаю я, Вера! Но вот спустили разнарядку: по одному человеку от каждого подразделения. Всё!

— Так я самая непригодная? Вы посмотрите, сколько работы на мне! Другие и половины того не тянут, хоть и молодые. Вон Рыбникова! Что ни понедельник — прогул. А потом три дня отходит: то базар, то перекуры! Она — ценный работник, да?

Шаталов поморщился, потёр ладонью лоб.

— Жалко мне её, понимаешь? На предприятии ещё держится, а так... пропадёт.

— А меня не жалко? — запальчиво выкрикнула Вера Максимовна, и в её голосе взвились тонкие нотки.

Пётр Тимофеевич остановил на ней долгий укоризненный взгляд. Наконец тяжело вздохнул.

— Жалко. Всех жалко. Ладно. Иди.

На следующий день стало известно, что Рыбникову сокращают...

Получается, Шаталов был прав.

«Сама виновата! — сердито думала Вера Максимовна о бывшей сотруднице. — Бесхарактерная! Дура! — ругнулась она, но легче не становилось. Душевные угрызения растравили покой.

Хотелось найти правдивые доводы. — Разве я могла предугадать?.. Причём я, что она спивается?.. А тогда нужно было хоть зубами держаться! Вопрос принципа! Как это: меня, специалиста, с таким стажем! Вышвырнуть за завод!? Как котёнка! Как пустышку!..»

Она приостановилась, перекладывая тяжёлую сумку в другую руку.

Всё правильно. Для предприятия она, Вера Максимовна Плужникова, была важней, её и оставили!

Внутренний голос, насмешливый, несговорчивый, возразил: «И чего добилась? Ну, протянула ещё годок. Остатки здоровья потеряла. А у Рыбниковой жизнь под откос пошла... Хотя голова у неё варила, быстро всё схватывала. Институт закончила...»

Вера Максимовна добрела до своего двора и бессильно опустилась на лавочку в тени старой липы.

— Как хорошо, — невольно выдохнула она, пристраивая усталые ноги на край песочницы.

Из-за пекла на детской площадке никого не было. В стороне под навесом мужики, беззлобно поругиваясь, стучали костяшками домино. На скамейке у подъезда сидело несколько домохозяек, коротая время, смакуя слухи.

«Живут же люди на пенсии, — глядя на них, подумала, будто убеждая себя, Максимовна. — И ничего. Живы, довольны... Вот доработаю до отпуска и рассчитаюсь. Сколько можно... На первое время я скопила. А там, глядишь, пенсию добавят, как обещают».

Смута в душе, оставленная неприятным Таниным сообщением, постепенно рассеивалась. В конце концов, Светка — самостоятельная женщина. Сын её вырос. Семья её поддерживает, не безродная. «У каждого есть свой выбор», — успокоила свою совесть Вера Максимовна.

Она почувствовала, что тяжесть в сердце прошла, в сознании появилась ясность, а в теле лёгкость...

Из подъезда выпорхнула рыжая и разбитная почтальон Маша.

— А, Максимовна! — обрадовалась она. — А я звоню в вашу квартиру, звоню... Где вы пропадаете? Телеграмму получите.

Вера Максимовна не шевелилась.

— Вы что, спите? — Маша тронула женщину за плечо и вдруг закричала пронзительно, в диком ужасе, который вызывает у человека внезапная смерть.

Фаина

Фаину в отделе не любили. Кто его знает, почему. Конструктором она была прилежным. И сама улыбчивая, отзывчивая, если о чём попросят... Но недолюбливали, и всё тут. Именно женщины. А мужчины нормально к ней относились. Просто как к сотруднице.

Попала она в «блатной» конструкторский отдел по протекции свёкра. Он, да и муж Фаины, — башковитые мужики, имели в заводе репутацию хороших специалистов.

Фаина в своё время недоучилась, окончила только техникум, и поначалу профессия конструктора давалась ей с трудом. Знания и навыки она буквально «намывала» по крохам, как золото, личным упорством.

Так что к пенсии она благополучно дошагала всеми уважаемой Фаиной Ивановной, инженером устойчивой второй категории.

Своё имя Фаине не нравилось. Представлялась просто Инной.

— Инна — совершенно другое имя, — с безапелляционностью, свойственной юности, сказала ей однажды Алка.

Фаина только хмыкнула в ответ, мол, без сопливых знаем, и при знакомстве всё равно называлась Инной. Все привыкли её так называть. Только в документах она числилась Фаиной Ивановной.

У неё — сын-старшеклассник Костик. Инна любила рассказывать, как беременной ждала именно сына, и что ребёнок выжил при родах только благодаря её самоотверженности, так как шёл ножками. Больше детей она не хотела. Тогда как у других, молодых и здоровых, баб в отделе, было по двое, а у кого и трое ребятишек. Те Инку подначивали:

— Один — что ни одного! Роди себе дочку. Девочки к матери ближе. Помощница будет. А что толку — пацан!

Инка упрямо сводила брови:

— Мне и одного хватит!

— Что это за семья? — наседали девчонки. — Твой Сева всё учится. Институт закончил — кандидатскую ему подавай!.. По командировкам мотается. Небось, у него в каждом городе любовница, у красавца такого!

Инна только отмахивалась.

— Какие там любовницы! Для него красивей меня никого нет!

Девчонок это бесило! Нашлась несравненная!

Им, только вошедшим в пору сочности, Инна казалась старухой.

— Хоть бы в зеркало на себя посмотрела! — фыркали они.

Инна была довольно рослой, смугловатой, длиннорукой и длинноногой, спортивного «покроя». Её серо-голубые глаза оттеняли дугообразные чёрные не очень широкие, но почти сросшиеся на переносице брови. Форме носа могла позавидовать любая из насмешниц. Ровный, аккуратный, будто резцом точёный.

Только губы тронули ранние морщинки, и алая помада, которой Инна пользовалась, просачивалась в трещинки на верхней губе и расходилась маленькими лучиками.

Может, Инна в молодости и была красавицей, но никто не хотел верить в это из принципа.

Кому понравится, когда при каждом удобном случае она рассказывает, как муж влюбился в неё с первого взгляда, как красиво ухаживал и до сих пор обожает!

Не у всех, однако, такие мужья. Есть и те, что поколачивают вверенную им «половинку», ни говоря уже о том, что через одного то пьянь, то волокита за чужой юбкой.

Жили они со своим Севой, и правда, дружно. То на море мах-

нут, то в горы! Зимой — на каток или, если снег подвалит, на лыжах уходили, куда глаза глядят. Даже зимней рыбалкой вместе увлекались!

Потом Инка смеялась:

— На всём побережье одни мужики и я! Да они меня уже знают, не чураются!

Несмотря на издёвки, со всеми Инна старалась быть ровной. Один только человек у неё во врагах ходил: свекровь.

Как-то она разоткровенничалась:

— Когда Сева решил на мне жениться, ему только двадцать два года исполнилось. Недавно из армии пришёл. А мне — двадцать один. Повстречались мы всего один месяц и всё: больше жить друг без дружки не можем! Сева привёл меня к себе домой, с мамой знакомить. Я ветреная была, весёлая, душой открытая. А мать встретила меня холодно. За чаем вдруг ни с того ни с сего говорит: «Сева у нас молод. Ему ещё рано о женитьбе думать, учиться надо». И как отрезала. Мы потом всё равно расписались, но свекровь до сих пор ненавижу. Ничего она от меня не дожждётся! Куска хлеба не дам. Для неё младший сын Генка — всё! Она ему и дом свой отписала. И жена его, невестка молодая, хороша. А Сева ей не такой!

— Но она же уже старая, — удивилась рассудительная Галя.
— Что там её пенсия! Неужели Сева ей не помогает?

— С какой стати? Мы сами не шикуюем. Что купит ей по дороге, когда навесить идёт, — она потом деньги отдаёт. А я вообще туда не хожу.

— Не понимаю я, как так можно? Она же тебе Костика нянчила.

— Что там она нянчила! Ну оставлю, бывало, когда Сева в командировке, а малого совсем некуда. Это редко случалось, — разгорячилась Инна и, чувствуя осуждение сотрудниц, умолкла, не отступив в своём мнении ни на шаг.

Она могла бы попытаться наладить отношения со свекровью, но гордыня застила разум.

А ведь у матери Севы жизнь не была гладкой, как яблочко. Вскоре после того, как старший сын женился, свёкор бросил жену с младшим Генкой, ещё школьником. Влюбился в молодую сотрудницу — и был таков!

Всё это происходило у молодоженов на глазах: бурный роман, скандалы, слёзы матери.

Сердечница смолоду, свекровь имела инвалидность. Предательство мужа едва не добило её.

Позже, через суд, она вытребовала у мужа пожизненное содержание. Сумма была ничтожная, но сильно уязвляла самолюбие свёкра.

Сева осуждал отца, жалел мать, ненавидел ветреную мачеху, которая оказалась немногим старше его.

Вначале Фаина с Севой жили бедно. Молодая хозяйка привыкла экономить. Может, оттуда произрастала её жадность. Помощи ни от кого ждать не приходилось.

У родителей Инны жизнь тоже «интересно» катилась. Отец пил, гулял, дебоширил. Мать изводилась, старела на глазах. Да ещё младшая сестра Катька вносила разнообразие в безрадостные будни: то подерётся в школе, то из дома убежит. Мать мучили жуткие многодневные мигрени. Кончилось тем, что она, ещё красивая сорокапятилетняя женщина, в один из таких крайних дней наложила на себя руки.

Инна тоже частенько страдала головными болями. Говорила, это у неё наследственное. Боролась она с ними стойчески: перевязет голову шарфом туго-натуго, а с работы не уходит. Каждую копейку боялась потерять.

К одежде Инна равнодушной казалась. Могла кофточку или юбку по десять лет носить. Чистое, незаметно подштопанное — и ладно! Как-то она прожгла утюгом платье из ацетатного шёлка

— несколько месяцев переживала! Девчонки и над этим за её спиной подсмеивались.

И вдруг Фаине подфартило! Посылают Сева в загранкомандировку на целый год, а она с ним едет.

Костик тогда уже в институте учился.

С ним незадолго до этого тоже история была!

Работали конструкторы в тот день на субботнике (раньше допускалось такое: территорию, прикреплённую к заводу, в рабочее время убирать). Потрудились ударно и раньше обычного по домам разбежались.

Вот приходит Инка домой, а там Костя с какой-то девчонкой в кровати кувыркается.

Для матери это был шок. Проститутка! Сама в дом явилась! И глаза бесстыжие не лопнут!

Оказалось — сокурсница сына, и у них любовь.

«Хоть из дома выгони, а женюсь!» — заявил единственный отпрыск.

Как Инна на дыбки ни становилась, а свадьбу молодым сыграть пришлось.

Жену Костик к отцу-матери жить привёл, благо, родители недавно трёхкомнатную получили. По тем законам им на троих дали бы двушку, а так как Сева — кандидат технических наук, ему кабинет положен. Вот в том кабинете и поселились молодые.

Невзлюбила Инка невестку с первого дня. И то, что муж относился к «вертихвостке» благожелательно, тоже злило её.

Хорошо, как раз эта командировка в дружественную страну подвернулась. Сева с Фаиной уехали, а Костик с Гретой (так юную жену звали) зажили в их трёхкомнатной вольготно и счастливо.

Потом командировку продлили, а когда лощёные, как европейцы, «старики» вернулись на родину, их встречали молодые с полугодовалым младенцем.

Разлука и сам факт рождения внука немного примирили Фаи-

Фаина

ну с невесткой. Радостная бабушка привезла для Илюшки целый чемодан приданого. А себе добра припёрли не считано, потому что шмотки там были дешёвые и красивые — глаз не оторвать.

Всем знакомая простушка Инка вдруг предстала в отделе такой дамой!.. Девчонки сразу языки проглотили, а может просто рты захлопнули, чтобы слюни не потекли.

Вскоре у Севы появилась «Люся», так любовно он называл свою новенькую сверкающую «Ладу», последнюю по тем временам модель. И откуда ни возьмись, взялся и гараж к ней. Тогда все в отделе увидели, как деньги творят чудеса.

Фаина одно за другим приобрела холодильник, стиралку, телевизор, какие её коллегам по карандашу и не снились. Или оттуда привезли?.. Только всю эту роскошь Инна «законсервировала» в гараже.

Странно? Не так уж и странно, если вдуматься, если представить, что семья двадцать лет ютилась в однокомнатной хрущёвке, и, наконец, получила ЖИЛЬЁ! И, не успев насладиться просторным проживанием, приняла молодожёнов, которые, как известно, ничего не умеют ценить. А потом это приятное, но всё же отлучение от долгожданных стен. И как же эту идеальную, блистающую технику внести в дом, когда ползает маленький ребёнок и уже описал весь купленный перед отъездом палас и почти новый диван. А невестка за это время успела утвердиться здесь хозяйкой и, похоже, опять беременна.

Нет уж, пусть «квартиранты» добывают себе жильё, и пока не съедут, ничего из того, что с таким трудом добыто, она не распакует! Ещё чего! Будет молодая белоручка в новой машинке стирать, а Илюшка пультом от телевизора играть! Обойдутся!

Сева возражать не стал, дал сыну втихую какую-то сумму денег, и Костик смог взять участок земли и заложить фундамент нового дома. Оказался он хватким малым. А тут закрутилась перестройка, стали отпочковываться дочерние «артели» при заводе.

Куда-то втёрся и Костик, как молодой специалист. А в отпуске подрядился обкладывать кирпичом дом (благо в стройотрядах поднаторел в этом деле) местным богатым цыганам, которые потом честно и хорошо с ним расплатились.

Можно было только подивиться, какой додельный у Севы с Фаиной вырос парень! Очень уж он хотел быстрее отделиться и жить вдали от родной мамочки, тем более, что родился второй сын Борька.

Грета стала «воевать» со свекровью чуть ли не в открытую. Не зря говорят, как аукнется, так и откликнется! Всё повторилось один в один, как с матерью Севы.

Фаина приходила на работу злая, повязывала голову шарфом и только приятельнице и соседке по столу Гале вполголоса жаловалась:

— Надумаю стирать, и она со своей постирушкой лезет. Варю борщ — и она на кухне крутится! Тарелки мои без спросу берёт, чашек сколько переколотила! Откуда у неё руки растут?! И такая жадная, представь. Сядем есть за одним столом, она, что вкуснее приготовила, поставит возле себя и Кости, а нам и не предложит. Я сначала её угощала, а теперь тоже ничего не даю.

— Ешьте порознь, — пожимает плечами Галя.

— И так стараемся. Да Илюшка такой хитрый. Только мы сядем за стол, и он тут как тут...

— Но это же ребёнок! Твой внук. Как дитю не дать, что есть вкусенького?

— Да я и так даю! Не настачивайся! Поешь никогда спокойно не даст!

Поражается Галина в душе, но что скажешь? Все мы разные. Идеальных людей нет.

«Да самка она, просто самка! — как-то грубо высказалась о Фаине Алка. — Ей никто не нужен. Ни сын, ни внуки! Один Сева её ненаглядный! Не удивлюсь, если она мужа просто ревнует к этой Гретке. Он-то на сноху не наезжает!»

И лишь перед самой пенсией Фаинкина душа успокоилась. Сын с семьёй уже жил в собственном доме. Фаина со своей драгоценной, малость устаревшей аппаратурой и с любезным Севой наслаждались покоем. Даже с невесткой она стала помягче. Внуков изредка брала к себе погостить.

Говорят, если Бог хочет наказать, отнимает у человека разум. У Фаины Бог постепенно отнимал силы.

Сначала перестали ходить ноги. Как-то быстро это произошло. Только видели её цветущей и довольной жизнью, и вдруг доходят слухи, что она по комнате передвигается с трудом. Бывшие то-варки через Севу (он ещё работал) передают ей приветы, желают, чтобы «дурака не валяла», а быстрее поправлялась. Никому не верилось, что такая крепкая Фаина серьёзно больна.

А месяца через три позвонили, поздравить её с днём рождения, а она еле языком ворочает — речь стала отниматься.

Когда понять её даже Сева не мог, она стала писать записки. Умом всё соображает, глазами своими серо-голубыми смотрит с такой беспредельной тоской, будто старая собака, которая знает, что её сейчас застрелят, а сделать ничего не может. Сева ухаживал за ней, как за ребёнком, стирал, готовил, купал, кормил, когда руки у Фаины тоже отказывались слушать. Купил ей инвалидную коляску, чтобы жена кое-как могла передвигаться по квартире.

Как-то давно Инна оскорбилась до слёз, что Сева постирал свои трусы и носки.

— Вот отнимутся у меня руки, тогда и будешь стирать! — кричала она в истерике.

Как будто накаркала...

Силы из неё вытекали по капле, и неизвестно было, насколько их хватит. Сердце у Фаины оказалось здоровым, постепенно парализовало все мышцы, а мозг работал.

Фаина ловила жизнь глазами, видела, как озоруют внуки, взирала почти с ужасом на то, что Сева утюжит её бельё и — ни помешать, ни изменить что-либо не могла. Иногда за детьми

приходила Грета, молча смотрела на безвольное тело некогда всесильной свекрови и отворачивалась.

...На похороны Фаины пришло несколько человек бывших сотрудников, которые её помнили.

Женщины с внутренним содроганием увидели серую, будто пергаментную кожу, обтягивающую острые скулы неузнаваемого лица, жёлтые костистые руки, сжимающие похоронную иконку.

Что крылось в мучительных морщинах, перечеркнувших навеки её лоб?

Успокоилась Фаина с раскаянием или с несгибаемым чувством своей правоты? Знать не дано...

Покойникам всё прощается.

Вражда

Баба Клава сквозь тюлевую занавеску всматривалась в противоположную сторону улицы, где работала в палисаднике проворная чернобровая женщина. Рядом, опершись на штакетник, стоял сын Клавдии Сергей и пытался завести с соседкой беседу.

Вишни под окном лишь слегка приукрасились гофрированными зелёными веерками и не застили обзор на «наблюдательном пункте».

— Гляди, гляди, — сказала баба Клава Ваське, побочному отпрыску дородного «сибиряка». — Опять Серёга возле Галки ошивается.

— Мы-ыр! — лениво ответил Васька, не меняя вальяжной позы на тёплом подоконнике. Это означало: «Природу не обманешь...»

Васька был слабым звеном в кованом Клавдиевом характере.

— А может, пускай?.. Авось, остепенится, — озвучила свои раздумья Клавдия, стараясь заглушить всколыхнувшийся под ложечкой холодок.

Васька заурчал, как включённый агрегат, подставляя заушь узловатым хозяйкиным пальцам, блаженно принимая привычную ласку.

...Когда Светка, жена Серёги, выгнала его, он вернулся к матери. А куда ж ещё? В отчий дом, хотя отца уже пять лет в живых не было.

Клавдия сначала закудахтала:

— Да куда ж теперь? Да как же это...

А потом угомонилась. Серёга рукастый, любую работу по дому сделает, даром, что к водочке неустойчив. «Что ей, этой

Светке, надо было? — Сердилась в душе мать. — Да и пьёт он не больше других!» Так ей казалось. Пока не стала жить бок о бок с озлобившимся, скорым на едкую грубость сыном.

А озлобиться было от чего. На заводы, куда ни ткнётся, приёма нет. В порту тоже работы не нашлось, кроме самой тяжёлой, куда Серёга из-за расхлябавшегося здоровья идти не хотел: в сорок два года он уже мучился ревматизмом.

Зато дружков-приятелей объявилось... Лезут и лезут, не отвадишь! И все беспутные, редко кто из них женат да к делу приспособлен. То в аварии разбился, то в бизнесе прогорел, то по пьяни за ворота выставили. С утра начинают гужеваться: где бы опохмелиться.

— Когда работу найдёшь? Ты бы на биржу пошёл, Серёжа, — подступала мать.

— На биржу! Заклевала! Пока гражданства не будет, ничего там не обломится! — Бесился Серёга, швыряя ложку в миску с недоеденным супом. — Готовить разучилась!.. Варишь бурду какую-то! Мяса уже две недели не нюхали!

— А ты деньги-то на мясо давал?

Сергей хлопал дверью, выходил на крыльцо курить. Докурив, скукоживался и уже с неловкой ухмылкой клянчил:

— Mam, дай червонец...

Клавдия знала, что пропьёт, поджимала губы, молчала.

— Ну, дай, говорю. С первой получки верну.

— Когда она будет, получка-то твоя? — Ворчала мать и лезла в потайное место за червонцем.

...Перед армией Серёжка заезжил жениться.

Само по себе — дурость, а когда узнали с отцом, что в невесту примечтал он себе ладненькую и дзыгавую, с будто углём нарисованными бровями Галку Козыреву, Клавдия себе решила: только через мой труп.

Мать Галкину, горделивую Полину, — на дух не переносила.

Растила та дочку одна, держалась среди «уличных» независимо. Раньше она работала в банке кассиром, да по какой-то причине ушла и устроилась кладовщицей на склад.

Галка была сверстницей Сергея, а в тот год заневестилась, расцвела. Медицинский техникум оканчивала.

Решительно, без колебаний разладила тогда Клавдия свадьбу молодым. С лихой горячностью отправила сына к двоюродной сестре на Украину. Там он выучился на судомеханика, отслужил. После ходил в дальние плавания на красивых «многоэтажных» судах.

Приедет, бывало, в отпуск. Статный, с черными кудрями, красивый. Идёт мимо дома Козыревых, поглядывает, не покажется ли Галина. Да она уж замуж выскочила, жила в другом конце города, сына родила.

Через четыре года и Серёга пару нашёл — белобрысую тоненькую Светку.

— Больно дробненькая, — сокрушалась баба Клава в кругу соседок, когда Сергей привёз жену знакомить. — Как рожать-то будет?

Ничего. Родила. Теперь уж Иришке шестнадцать лет.

...Баба Клава увидела, что сын повернул к дому, отпрянула от занавески.

Он вошёл, непривычно весёлый и, вроде, не сильно навеселе.

— Что поесть, мать?

Рослый, немного грузный уже, присел на табурет. Клавдия засуежилась, выставляя из холодильника снедь, наливая в тарелку свежий наваристый борщ.

Три недели назад Сергей устроился каменщиком на стройку к какому-то коммерсанту. Кое-что хозяин ему уже заплатил, и эта лишняя копейка сразу сказала на бюджете: баба Клава прикупила мяса, сметанки и немного ранних овощей. Благо, и куры на подворье побойчей нестись стали.

— А ты-то что? Садись, мам, со мной поешь, — великодушно

предложил Сергей, с загадочным нетерпением поглядывая на мать.

Клавдия, дивясь в душе, присела. Давно не видела сына таким. Ел с аппетитом, «постреливая» насмешливым, с хитринкой взглядом.

— Мне сегодня ещё шабашку предложили, — сказал, наконец, отодвигая пустую посуду. — Выгодное дело намечается.

— Вот и добро, сынок. Вот и добро.

Сергей достал сигареты, но выходить не спешил.

— Сейчас Галину Козыреву видел, — как бы, между прочим, бросил он.

Клавдия напряглась.

— Надо ж... Досталось ей. Только мать похоронила, а через два месяца муж погиб.

Баба Клава знала, что Полина, намаявшись перед смертью какой-то затяжной иссушающей хворью, с полгода назад преставилась. Слух донёс и то, что Галина внезапно овдовела, отчего и вернулась с сыном в родной дом. Но с Сергеем об этом разговор не заходил, а сама мать его не заводила.

— Что ж с ним стряслось, не сказывала? — просто так, из любопытства спросила Клавдия.

— Сказывала... Под поезд, что ли, попал...

— Пьяный, небось!

— Да чё, пьяный! Чуть что — пьяный, — ни с того, ни с сего рассердился Серёга и встал. — Я ж не о том!.. Галку жалко. Бьётся одна... Сын, лоботряс, говорит, не сладишь.

Клавдия угрюмо молчала.

— А! — Сергей в сердцах махнул и вышел.

Разговора не получилось. Странное чувство овладело матерью: и досада на себя, что не захотела понять переживания сына, и облегчение, смешанное со страхом сглазить наметившийся успех Сергея, и неотвязное, её собственное упрямство, и давняя обида...

Обида и жгучая неутихающая ревность, болезненная неразрешённая подозрительность.

Не смогла она тогда уличить мужа своего, теперь покойного, что Галка — его дочь. Хотя доказательства, казалось бы, налицо. Точнее, на лице у соседской дочки: те же, что у Андрея, шальные зелёные глаза с густыми щёточками ресниц, те же смоляные, почти сросшиеся на переносице, брови. То, что захаживал Андрей к одинокой Полине, Клавдия знала точно. Да он особо и не скрывал. «Поля — соседка моя, вместе росли, первая любовь...»

Когда Клаву муж привёз с фронта (там и познакомились) в родительский дом, она вскоре заметила, что как-то уж очень рьяно жалеет Андрей молодую златокудрую солдатку, что живёт напротив. От соседей она знала, что Полине, якобы, пришло в начале войны известие, что пропал её Николай без вести.

«Без вести» или не «без вести», а только зачем хвостом крутить, чужих мужиков сманивать? То Яков к ней навевывался, то Тарас однорукий, что в конце переулка жил, то Динкин муж, таксист, уж не припомнить, как звали.

Ишь ты, весёлая! Ишь ты, бедовая! Самогоночка у неё всегда есть!

Андрея Клавдия зорко блюла. У неё не побалуешь!

Да и была промеж них любовь, фронтовая, отчаянная. После всех испытаний, что выпали на их долю, после того, как смертельно раненого вытащила она мужа буквально с того света, верила Клавдия, что эта любовь их, как бандероль, сургучом запаянная, всегда будет в сохранности. Да, видно, просчиталась.

В тот год зима надоедливо затянулась. Уж март на исходе, а она всё лютует. Андрей тогда часто на работе в «литейке» пропал. Дескать, конец квартала, план горит. А тут свекровь слегла. Стонет, кричит:

— Ох, Клавка, всё нутро горит! Помру... Беги к Зыхарке. Может, она пособит.

А Зыхарка — бабка, то ли знахарка, то ли ворожея. К ней со всей округи больных везли. И жила она улицей ниже, как раз в огородах у Полины.

Клава — ноги в боты, платок пуховый на голову — выскочила на улицу.

Смеркается, морозец пробирает, позёмка метёт. Обежала по переулку на соседнюю улицу, стучит к бабке Зыхарке в окошко. Ставни закрыты, что в домишке — не видать, никто не отзывается. Клавдия дёрнула калитку — не заперто. Она — во двор, на крылечко вбежала, снова стучит, уже в дверь.

Вдруг слышит, с соседского двора смешок женский, эдакий игривый, и мужской басок:

— Да постой ты, Поля!

Клавдия обмерла: Андрей!.. Или нет?

Снова смешок.

— Ну, Поль... Поль... Дай руки погрею. Гляди, ледяные...

Точно, Андрей!

Приподнялась Клавдия на цыпочки, глядит через забор, а в Полинкином дворе два силуэта: мужской и женский. Тискаются, целуются.

Хотела Клавдия закричать, что есть мочи, завывать, может быть, но такая слабость вдруг навалилась, что вцепилась она обеими руками в перила крыльца, чтоб не упасть.

А тут дверь открылась и Зыхарка её в дом впустила. Глянула на гостью — перепугалась:

— Что, что с тобой, детка?

На Клавдии лица нет, саму трясёт не хуже, чем свекровь...

В ту ночь, до самого рассвета, вели они с Андреем невыносимо тяжёлый разговор: о жизни, из которой ушли куда-то радости, о потухшей любви, что даже детей им Бог не даёт, о паскудной этой Полине, которая всегда красивая и весёлая, и много ещё о чём, мутном и прогорклом, наслоившемся, оказывается, за последние года, как копать, на походном чугунке их бытия.

Клава плакала.

Утром Андрей собрался и, не завтракая, ушёл на работу. Она не знала, вернётся ли он к ней...

Как-то прибежал Серёга со своей стройки и — прямо в чулан. Шарит там, шарит.

— Ты чего это? — Не выдержала баба Клава.

— Надо... У Галки дверь заклинило. Попросила открыть, — он взял что-то из отцовского инструмента и убежал.

Клавдия вздохнула, почти виновато посмотрела на сидевшего у ног Ваську.

— Нравится она ему, нравится. Всегда нравилась. Что тут поделаешь?

Васька с готовностью встал и, утробно урча, подобострастно потёрся об её ногу.

Всё чаще задерживался Серёга у одинокой соседки. То калитку у Галки подправит, то грядки вскопает. Даже разбитый шифер на крыше заменил.

Пить перестал.

Матери ли не радоваться?

Да и, кажись, Галина — женщина степенная, скромная, не то, что её мать в молодости.

И свадьба та давняя не состоялась только из-за враждебности Клавдии к Полине, а не потому, что их дети — брат и сестра по отцу. Ведь не забыла она, помнила, что Сергей ей не родной...

Как раз в тот день, накануне которого произошёл у Клавдии с Андреем разлад, детский сад, где она работала поварихой, гудел, как улей.

С ребёнком из ясельной группы случилась беда: мать полу-годовалого Серёжки нашли убитой на каком-то пустыре. Отец, как таковой, не существовал вовсе, молодая женщина растила малыша одна. Никого из близких разыскать не удалось, и ребёнка просто некому было забрать из сада.

Клавдия не собиралась тогда усыновлять мальчика. Просто пожалела. Взяла на ночь домой.

Было ли то наитие свыше или её отчаянная уловка удержать мужа, только вечером, когда Андрей пришёл за вещами, чтоб перебраться к Полине, Клавдия встретила его с большеглазым да круглощёким Серёжкой на руках...

Сергей закончил ремонт старинных часов, осторожно подвёл стрелки, сверяясь со своими наручными, и повесил реликвию на прежнее место на стене.

— Ну что, хозяйка, принимай работу, — крикнул весело, даже задорно.

Галина появилась в дверях, вытирая руки о передник, заулыбалась.

— Какой ты молодец, Серёжа. Вот спасибо. Это ещё бабушкины часы. Они уж лет тридцать не шли, если не больше!

— И звонить будут, вот посмотришь! — самодовольно просяял Серёга.

— Ну, просто маг-волшебник!

Галина подошла ближе, шутливо коснулась его уже кое-где с проседью, но ещё густых кудрей. Сергей перехватил её руку, посерьёзнул.

— Галя!..

Она не дала ему сказать, потащила на кухню.

— Идём! У меня уже вареники остывают. Садись. Сейчас я тебя кормить буду... Ты такой хороший, Серёжа. Так мне помогаешь... — Она тоже присела на табурет. — Не знаю, что бы я без тебя делала.

— Помнишь... давно..., — заговорил Сергей, отводя взгляд. — Мы хотели с тобой пожениться.

Галина коротко, как-то неестественно засмеялась:

— Молодые были. Глупые... Тебе сметаны положить?

— Да сядь! Не голодный я.

Сергей не мог понять, почему Галка уводит разговор в сторону. Вот уже три месяца захаживает он к давней зазнобе, усердствует по хозяйству, всячески даёт ей понять, как она любима ему, а Галка не то, что к себе не подпускает, а даже заговаривать об этом не даёт. Вроде, вольные они оба...

— Моя бывшая мне уже развод дала, — отбросив все недомолвки, сказал он, напирая на слово «развод». — Давай сходить, Галя. Не молодые мы теперь... А душа всё одно есть. И тянется моя душа к тебе, хоть бей.

Галина нахмурилась:

— Выбрось из головы. В одну речку дважды не войдёшь.

— Ты что, из-за матери моей? Так я не салага уже. Мне её совет не нужен.

— Мать тут ни при чём. Я не хочу. Не обижайся, Серёжа. Скоро ты меня вообще видеть не будешь. Я дом продаю.

— Этот дом? Зачем? А сама?..

— Куплю квартиру для сына.

— А сама?

— Меня друг моего мужа к себе зовёт. У него год назад жена умерла... Мы много лет дружили... все вместе. Хороший человек.

— А я, значит, не хороший, — Сергей почти грубо притянул Галину к себе. — Ты нужна мне, Галка. Я тебя никому не отдам. Слышишь?! — Он распался всё сильнее, обхватив её своими ручищами, как тисками, жадно ловил ртом её губы.

Галина вырывалась, отворачивалась.

— Да пусти, же, медведь. Не могу я тебе быть женой!.. Больно же, дурак!

— Не отказывайся, Галчонок. У нас всё ладненько будет, — он задыхался от борьбы и возбуждения. — Какая ты крепенькая, гибкая, — Сергей пытался растянуть на ней блузку.

—А-а! Чёрт кудлатый, не смей! Пусти, говорю! Дай, скажу! Ты брат мне, дубина! — Ей, наконец, удалось оттолкнуть его. — Андрей Осипович и мне отец.

В соседней комнате раздался какой-то натужный звук и отремонтированные часы мерно и басовито начали отбивать шесть ударов.

— Что уставился? Понял теперь, балда?!

— Мой отец? Галя... ты бредишь?

Галина сердито хмурилась, нервно толкала пуговицу на место в петлю.

Сергей с новой настойчивостью схватил её за руку:

— Зачем врёшь?

— Не вру. Сама не знала. Мама перед смертью рассказала.

Сергей вспомнил, что пацаны когда-то трепались, вроде мать Галку нагуляла. Да это разве важно было тогда для него?

Он исподлобья посмотрел на Галину, упёрся в её открытый строгий взгляд зелёных, с чёрной оторочкой глаз. Поразительное сходство с отцом. Как он раньше не замечал?..

— Не хотела говорить... Так вот...

Новость тяжело ворочалась у Сергея в мозгу. «Не может быть... Батя... Или может?.. Значит, потому мать не хотела их свадьбы...»

Будто прочитав его мысли, Галина сказала:

— Твоя мать не знает. Не говори... Не надо ей...

Сергей потёр ладонью лицо.

— Ладно, пойду. Мне надо переварить... — Он повернулся и, с трудом сориентировавшись на дверь, вышел.

В тот же день Серёга напился до свинячьего непотребства.

И понеслось!..

Что ни день — куролесил всё безудержней. С работы наладили без разговоров.

Баба Клава не могла взять в толк, что причиной. Одна догадка была у неё: Галина отказала. Но почему? Мать втайне уже смирилась. Раз любовь эта на пользу бестолковому сыну её, что ж... Пусть сходятся. Нечто лучше бобылём и пропойцей?

Вражда

И на тебе!

На досужие Клавдиевы расспросы Серёга твердил одно:

— Отстань!

Снова подступила нужда в деньгах.

Сергей стал злее, агрессивнее прежнего. Заработков у него почти не было. А «горькая» — каждый день. Уже не просил он у матери на выпивку — требовал, угрожал.

Баба Клава не молчала. Ругалась, увещевала. Хотела даже сходить к Галине, поговорить. Да опомнилась. Упёрлось что-то в организме, не преодолеть. Вражине этой кланяться! Яблоко от яблони...

Ещё сильнее возненавидела это «поганое племя», билась со своей бедой в одиночку.

Однажды Сергей с друзьями толкались под магазином. Выпили, но мало. Денег больше не было.

Базарили о политике.

Ругали новые порядки. Спорили о старых.

Напротив затормозила маршрутка. Из неё вышла Галина с двумя тяжёлыми сумками.

Сергей на секунду растерялся. Он не видел её со дня того проклятого объяснения. То есть, враки. Мельком видел несколько раз, но не подходил. Умышленно избегал. Размежевались в нём разум и душа. Тянуло его к ней по-прежнему, и в толк не взять, отчего всё так нелепо сложилось. Откуда, из какого быля продралась, вылезла эта дурацкая тайна, туды её в качель!..

Галина бросила неодобрительный взгляд на их компанию и быстро пошла по переулку.

—Твоя, — поддал его в бок конопатый Антон. — Ишь... краля!

— Заткнись! — рыкнул на него Серёга и, презрев подковырки приятелей, двинулся за Галкой.

— Постой, сестричка! — окликнул он с насмешкой, догоняя.

— Давай помогу сумки нести.

Людмила Хлыстова

Галина остановилась.

— Опять пьёшь?

На него не подействовал её укор, на него вообще уже ничего не могло подействовать.

— Тебе-то что?

Он почти с неприязнью задержал на ней мутный взгляд, отобрал сумки, понёс.

Молчали.

У Серёги вертелось на языке язвительное: «Что ж ты, говорила, замуж выходишь?»

Вот и дом её.

— Спасибо, Серёжа.

— Да, ладно... Не за что, — Он уже повернул назад и вдруг взглянул на неё просветлённо, будто его осенило, будто вспомнил нечто очень важное:

— А что, Галчонок! Займи мне пятьдесят рублей. Что тебе стоит? По-родственному.

Смотрел нагло, вызывающе, думал, прогонит.

Но Галка открыла кошелёк и молча протянула полсотки.

Может грустное, а может презрительное, мелькнуло что-то в её кошачьих глазах, Серёга от неожиданной радости не заметил.

Он почти рысью рванул обратно к магазину.

К вечеру он притащился домой, пьяный в дрезину.

Баба Клава исподволь, с опаской наблюдала за ним.

За минувший год она до тонкостей изучила повадки сына.

По тому, как гремел тазом в сенцах, как люто матерился, как сжимал и разжимал кулаки, как стремглав выскочил на улицу Васька, чуяла: не к добру.

Началось с того, что Серёга врубил магнитофон и включил во всех комнатах свет.

— Сидишь в темноте, как кротиха! — Обозлёно крикнул на материн немой вопрос. Прошёл в её спальню, громынул дверью.

Вражда

Баба Клава не двинулась.

Она слышала, как, ругаясь, Сергей шарил в комод, выдвигал ящики шифоньера. Жалобно скрипели под ним половицы.

«Деньги ищет», — поняла Клавдия.

Вышел. Стал перед ней на нетвёрдых ногах.

— Что, заныкала уже пенсию? Только сегодня принесли, у тебя уже хрен найдёшь!

— Ложись спать.

— Дай денег.

— Не дури. Хватит тебе...

— Дай, говорю! — Сергей хрястнул кулаком по столу, за которым сидела баба Клава. Она с испугу вскочила, прынула в сторону. Но Сергей перехватил её, резко повернул к себе.

— Деньги! — орал он. — Дай — и я уйду!

— Куда? Зачем тебе деньги?

— Что ты меня прессуешь?! Старая жаба! Жизни от тебя нет! Мне нужны деньги! Слышишь ты, дура! Мне нужна женщина!! Что пялишься? Может, ты под меня ляжешь?!

На какой-то миг эти гнусные слова смяли её, оглушили. От циничной грубости нашло затмение, и она, тщедушная, недорослая, с небывалой яростью ударила сына по лицу. В злых щёлках её глаз пронзительно вскинулась обида, побелевшие губы неестественно кривились...

От неожиданности Серёга почти протрезвел.

— Ладно..., — тяжело прохрипел он. — Считай, не слышала.

Кренясь на бок, преодолел расстояние до койки и упал мордой в постель.

Клавдия отчаялась, смирила гордыню, написала письмо внучке Иришке:

«Что ж вы отца совсем забыли? Пропадает он. Ладно, меня, старуху, в могилу сведёт, так и сам сгинет. Напиши, Ирочка, папке. Может, одумается».

Ответ пришёл быстро. Писала сама Светлана.

«Я вышла замуж. У Ирочки тоже скоро свадьба. Ничем мы вам не сможем помочь. Сергей сам виноват. Так что не тревожьте дочку, она очень впечатлительная».

Вот и весь сказ. Кому вздорный неладный мужик нужен? Только для матери он неразумное, неудалое дитя. Как не гневится на него, как не сокрушается о нём, а где-то в глубине души ищет ему, неприкаянному, оправдание...

Как-то в конце октября ковыляет Клавдия домой с базара, тащит свой скудный харч в кошёлке.

Глядь, у ворот Козыревых грузовик стоит, какие-то люди пожитки носят.

Клавдия остановилась.

— Что там?.. — спрашивает у уличных ротозеев.

— Новые хозяева. Галка дом продала.

Вот так-то. Съехала, значит...

Распалась цепочка давней вражды, никогда больше не увидит Клавдия сторожкий взгляд молодой соседки, соболиных сдвинутых Андреевых бровей. Ничто не напомнит ей о воровской Полининой любви, о муках собственнических, что терзали её, даже когда ушёл Андрей навсегда, не доверив жене свою тайну. Знал-то он точно, что Галка его дочь, помогал Полине украдкой растить девчонку. Примечала всё Клавдия, но не могла принять, грешная, и простить.

Иногда наступало затишье. Сергею попадалась какая-никакая работёнка. Дня два-три он держался.

В такие моменты баба Клава старалась образумить сына.

— Гляди, как хорошо. И во дворе порядок навёл. И денюжат приработал, — радовалась она каждому рублю. — Закодируйся, Серёжа. Заживём разумно. Женщину себе найдёшь. Ты у меня такой видный парень!

Сергей расслаблялся, шмыгал носом, соглашался.

Вражда

— Пойду, мать, пойду. Сам вижу... ты уж меня прости, хама. Золотая ты у меня, мамка...

Но проходил вечер, другой и Серёга опять срывался.

Пил, стервенел, дико мучался от похмелья, снова пил, непреодолимо ввинчиваясь в воронку порочного круга.

Бывало, притащат его дружки, бесчувственного, как полено, бросят на пороге: радуйтесь!

А когда — глядишь, ползёт к воротам на четвереньках, ноги не держат.

Жутко видеть это зрелище, не приведи, Господь, кому!..

Раньше баба Клава соседней стыдилась, а потом свыклась. Ничего в душе не осталось: ни стыда, ни жалости, ни надежды. Всё перегорело. Сцепив зубы, несла свой крест.

...В начале января Сергея не стало.

В тот морозный вечер Клавдии как-то тревожно было. Нездоровилось. Давление подпирало.

Вышла со двора ставни закрыть, глянула по улице туда-сюда, вдаль, не видать Сергея. Загулял где-то. Опять на бровях приползёт.

Зябко. Не простыл бы.

Она вернулась в дом, «подшаманила» котёл, чтоб теплее в дальней спальне было. Включила телевизор, прилегла на диван и не заметила, как задремала.

Проснулась внезапно, будто кто окликнул. Глядь — половина первого ночи. А Сергея-то нет до сих пор!

Накинула платок, шубейку — и на улицу.

Тихо, будто от мороза всё оцепенело. В чёрной бездне равнодушно застыли колкие звёздочки, да прислушивается к земному безмолвию бледное, плоское ухо луны.

— Серёга! — с подспудным нарастающим страхом закричала баба Клава. — Э-эй!

Залаяла соседская собака.

Клавдия побежала в ту сторону, откуда обычно дотягивал на «автопилоте» её непутёвый сын.

Возле лавочки через три дома она увидела бесформенное тело.

Сколько он лежал здесь?!

Баба Клава бросилась к нему, заголосила, затрясла Сергея за сникшие плечи. Тот невнятно замычал в ответ.

Слава Богу, жив!

Попыталась поднять. Куда там!

Позвать! Кого? В окнах темно.

Игната. Он крепкий мужик и добрый.

— Сейчас, сынок, сейчас. Только через дорогу...

Она стучала, обезумевшая, в окна, в ворота.

— Помогите! Это я, соседка ваша, Михаловна!..

Он умер в больнице от пневмонии. Все усилия спасти были напрасны.

...На старый Новый год баба Клава на рынке неожиданно встретила Галину. Она бы её не узнала, если бы Козырева сама не затронула бывшую соседку:

— Здравствуйте, тётя Клава! С праздником вас! Как выживаете?

Оживлённая, моложавая, радостная.

— Вы что, не узнаете? Я — Галя Козырева. Как там Сергей? Привет ему...

— Сегодня девять дней..., — баба Клава не договорила, голова её затряслась, и она пошла прочь.

Скрипач

В конце декабря в музыкальном училище прошло сокращение. Новый директор Щипачёв вызвал к себе в кабинет Илью Абрамовича Зитмана и предложил старому преподавателю после рождественских каникул на работу не выходить.

— Вы долго и плодотворно поработали в нашем коллективе, Илья Абрамович, — доброжелательно сказал директор, — и вот настало время отдохнуть вам на пенсии, позаботиться о здоровье...

— Я здоров, — скромно сказал Зитман.

— Прекрасно! — одобрительно воскликнул Щипачёв. — На заслуженном отдыхе вы найдёте массу полезных дел по уму и сердцу.

Бесполезно и унижительно было говорить, что он, кроме своей скрипки, ничего не знает и не умеет. Дело было решённым. Илья Абрамович поблагодарил директора за напутствие, покорно вышел и тихо затворил массивную дверь директорского кабинета.

На улице была оттепель. Рыхлый, полужидкий, будто пожёванный, снег хлюпал под ногами. Ветер, всегда в эту пору сырой и напористый, забирался в рукава и под воротник понуро бредущему человеку. Илья Абрамович в чёрном драповом пальто, которому «лет, лет — и счёту нет», и в такой же старой пыжиковой шапке шёл медленно, не замечая непогоды, обдумывая ситуацию. Как он преподнесёт такой «новогодний подарок» своей Софье Георгиевне, скажет, что его выгнали с работы? Наночка получает второе высшее образование, а Яшу надо откупить от армии. У Наночки — Сима и Гарик, им надо хорошее питание. Как можно не работать?

Илья Абрамович разменял восьмой десяток лет. Он был невы-

сокого роста, профессиональная сутулость делала его ещё ниже. Неизменные затемнённые очки плотно сидели на его крупном горбатом носу. Несколько дряблые, хотя и чисто выбритые, щёки выдавали его возраст. Отличался Илья Абрамович длинными холёными руками с тонкими подвижными пальцами.

Вся жизнь Зитмана была связана с этим музыкальным училищем. Мать его, Миля Наумовна, тоже когда-то преподавала в этом учебном заведении. Отец сгинул в Отечественную. Когда Илюше исполнилось пять лет, умерла бабушка, и мать стала брать его с собой на работу, мальчика зачастую не с кем было оставить. Его с четырёх лет стали учить игре на фортепиано, а затем на скрипке. Окончив училище по классу «Оркестровые струнные инструменты», Илья Абрамович остался в нём преподавать.

«Нет, сейчас не скажу Софочке... Пусть пройдут праздники», — решил он.

Следующим утром Зитман собрался, как всегда, к девяти часам на работу, взял свою скрипку, принял «на добрый путь» утренний поцелуй от жены и вышел из дому. За ночь подморозило. Вчерашняя дорожная жижа превратилась в лёд. Илья Абрамович повернул за угол своего дома и остановился. Идти было некуда. Гулять по городу в такой гололёд опасно, да и холодно. На ближайшей троллейбусной остановке старик присел на лавку и задумался. Вокруг с озабоченными лицами торопились по делам люди. Ему спешить некуда. Он — отработанный материал. Неведомая раньше тоска пробралась к нему под пальто, под рубашку, в самое сердце.

Подъехал троллейбус, и прямо перед ним раскрылись двери. Два-три пассажира вышли, на их место поднялись в вагон несколько молодых людей. Сам не зная почему, может, машинально Илья Абрамович встал и тоже вошёл в троллейбус. Внутри ему уступили место, он смотрел в окно на серый город, на мелькающие магазины, на старуху с клюкой, на молодую мать с коляской

на пешеходном переходе и думал, как теперь жить, как сводить концы с концами?

В нём, посвятившем всю свою жизнь полезному, «высокому», как он считал, делу, не стало надобности, от его услуг, профессионализма, пятидесятилетнего опыта легко отмахнулись. Будто выпавший из рисунка кирпичик мозаики, он полагал, что без него нарушится вся композиция, сам смысл картины, станет ущербной сама основа. Сотни учеников прошли через его руки. Имена многих на слуху. Кто станет на его место? Кто сможет заменить его?..

Троллейбус затормозил на конечной остановке. Железнодорожный вокзал. Толпа вынесла музыканта на тротуар, он остановился в растерянности. Его толкали сбоку, сзади, все куда-то торопились. Подчиняясь безликому потоку, Илья Абрамович вышел на перрон. Тут собралось множество людей: деревенские, сдав оптовикам свой нехитрый товар и прикупив необходимых в хозяйстве мелочей, возвращались домой, другие ехали в областной центр на учёбу, работу. Объявили прибытие электрички.

Старик подумал, что ему надобно «убить день», и судьба сама сделала ему предложение.

Вместе с другими он поднялся в первый вагон и осмотрелся. Все места были заняты более проворными и молодыми. Поезд тронулся. Сквозь дымчатые очки Илья Абрамович всматривался в хмурые, сосредоточенные лица, кое-кто из пассажиров под мерное качание вагона прикрыл глаза, все скучно думали о своём, без интереса смотрели в окно. Маленький ребёнок хныкал на руках дородной женщины, наверное, бабушки.

Светлая мысль, будто зарница, блеснула в мозгу музыканта, он взволновался, трепетно, бережно, как драгоценность, вынул из футляра свою скрипку, привычно приложил к подбородку и грациозным взмахом смычка извлёк первый, тонко вибрирующий звук. Плачущий ребёнок умолк. Илья Абрамович не видел, но почувствовал, как оживился народ, как подался на ласковый певучий

зов его инструмента, задние вытягивали шеи, стараясь разглядеть неожиданного скрипача. Мелодия крепла, набирала силу, умница-скрипка то рассыпалась трелями, то выводила запредельно высокий и чистый тон, следуя доброму, знакомому всем мотиву, то замирала, то рыдала, как живая. Музыкант медленно пошёл по проходу. Все расступались перед ним, провожая восхищёнными взглядами. Не прерывая мелодию, скрипач виртуозно переходил с одного мотива на другой, то мучительно-грустный, то залихватский, словно жонглёр играл шарами.

Когда последний волшебный звук завис на какое-то мгновение в воздухе и оборвался, искренние овации заглушили ход поезда. Люди благодарили, бросали в футляр вознаграждения. Илья Абрамович поклонился, как на сцене. Он был потрясён. Куда делись скучные лица, усталые глаза? За тёмными стёклами никто не заметил его слёз, но они были, были!

Возвращаясь той же электричкой в свой город и ещё раз испытав магическую силу своих рук и чарующее действие на людей хорошей музыки, Илья Абрамович теперь знал, как направить на благо себе и людям данный Богом талант.

В привокзальном буфете Зитман купил четыре ароматных плюшки и с умиротворяющей усталостью отправился домой.

Одна ночь в поезде дальнего следования

Вагон не понравился с первой минуты. Немолодой проводник-кавказец в чёрной маске на пол-лица чересчур радушно приглашал проходить по вагону в своё купе, сыпал неуместными шуточками и обещал прийти «по первий зов».

Эмма тащила по проходу тяжёлый чемодан, рюкзак с гостинцами, что передала московская сестрица для многочисленной родни, и карманистую, как мамаша-кенгуру, распухшую от лекарств и косметики, болтающуюся на шее дамскую сумочку. Ковидный намордник от учащённого дыхания женщины прилипал к её губам.

...Женькина машина воткнулась в пробку, которая сожрала больше часа, потом еле нашли, где припарковаться, и к Казанскому вокзалу бежали по закоулкам и переходам, как суслики от пожара. Чуть не опоздали к отправлению поезда...

Купе оказалось в самом конце вагона. Молодая особа в позе криветки лежала на верхней полке с телефоном и наушниками и никак не отреагировала на Эммино «здрате». Больше в купе никого не было, что скупой порадовало новую пассажирку. Она распахала вещи и уселась смотреть в окно, как медленно поплыл перрон и на нём подпрыгивающая сестра Женька посылает ей через марлевую маску прощальные воздушные поцелуи.

Весёлый проводник сразу пошёл по вагону предлагать «чай, кофе и другие колониальные товары».

— Покупайте лотерейные билеты в пользу детей с тяжёлыми заболеваниями! — кричал он в другой раз, идя по проходу.

За окном быстро темнело. Эмма закрыла дверь купе и стала стелить себе постель. Девушка на верхней полке ни словом, ни взглядом не давала о себе знать. «Сказано — нулевые... — неприязненно подумала Эмма. — Нуль и есть».

Она легла и открыла книжку, но вагон трясло и подбрасывало на

стыках так, что буквы, казалось, выпрыгивали из страниц. Дверь открыл проводник, который уже выставил свой шнобель из-под маски, и сказал:

— Сладости покушать не жилаете? Купите пожлуйста!

Девочка-креветка очнулась, достала кошелёк и взяла у него «Сникерс».

Эмма закрыла книгу, вытащила смартфон. СМС домой получилось, как шифровка: из-за непростой скачки вагона пальцы не попадали на буквы.

Никогда не приходилось ей путешествовать на таком бешеном поезде.

«Или рельсы ребристые или колёса шестигранные», — пробурчала Эмма, не надеясь на ответ.

Тут снова открылась дверь, и на входе возникла внушительная фигура женщины в форме.

— Начальник поезда, — представилась она. — Меряем температуру. — Направленный на пассажирку пистолет-градусник слабо пискнул.

— Всё в порядке! Есть вопросы, пожелания?

— Хотелось бы узнать, почему вагон скачет, как дикий мустанг? — недовольно поинтересовалась Эмма, которой начало казаться, что эта поездка для неё хорошо не кончится.

— А, это вы первые за локомотивом идёте! — простодушно объяснила начальница. — Потому и трясёт!

«Странно... раньше было наоборот», — подумала Эмма, но спорить не стала: в этом году всё как-то не так, как раньше. Люди дёрганые, и вагоны дёрганные». Она вспомнила, как вчера они ни из-за чего «поцапались» с Женькой, надо же, перед самым её отъездом.

— Как ты можешь жить в такой дыре?! — сказала сестра, наблюдая как Эмма в предвкушении возвращения домой собирает в поездку чемодан.

Одна ночь в поезде дальнего следования

— А что хорошего в Москве? — парировала старшая. — Настроили «частоколов», за ними неба нормального не видать.

— Так то в спальных районах! А в центре— какие проспекты, архитектура! А у вас запустение, грязь, разруха!

— Если б нам давали столько денег, сколько вкачивают в Москву, у нас бы тоже были бордюрики и архитектура! — в запальчивости возразила Эмма.

— Что ты кипятышься? Признай, что заброшенный бесперспективный город! Молодёжь оттуда рвёт когти. Смотри, чего я достигла за восемь лет: квартира, машина, загранпоездки! А твоего Юрку что ждёт? Женился, детей наклепал и сидит в дерьме...

— Он работает. Просто зарплаты у нас в разы меньше, чем у москвичей!

— Да он разве стремится к чему-нибудь?! Пиво, телек и диван. Диплом его — коту под хвост! Сидят на твоей шее. Тут, знаешь, как пацаны пашут? Чтоб это всё было, — Женька выразительно обвела руками стильную обстановку квартиры, — знаешь, как я рвалась на британский флаг... Три специальности дополнительно получила. На сон вообще времени нет.

— И чего хорошего? — обиженно бросила Эмма, с трудом стягивая молнию на чемодане. — У нас море, зелень, парки — всё в цветах! Акации в мае благоухают! А рынки — чего только нет! И цены не то, что у вас. Между прочим, это и твой родной город!

— И вспоминать не хочу! Если б наши предки не сидели на попе ровно, а переехали молодыми в столицу, то и мне бы так тяжело не было, и дочка моя, может, в Сорбонне бы училась.

— Э-эх, Женька! Родителей хоть не трожь! Они всё, что могли, для нас сделали... Совесть ты просвистела тут!

Женька вспыхнула, выскочила на балкон, и Эмма видела, как она нервно чиркает зажигалкой, прикуривая сигарету...

Поезд мчался, выкладывался, как в последний раз. За окном

мелькали неизвестные, невзрачные посёлки и городишки, плохо освещённые, с разбитыми дорогами, неприкаянные, с безликими прохожими.

«Одна Москва жирует!» — шевельнулась снова в душе едкая обида.

Попутчица по-прежнему пялилась в телефон, изредка тыкая в него ухоженными ноготочками.

Эмма поднялась, сходила в конец вагона за кипятком, поставила чашку на столик на тот случай, если ночью захочется пить. Полежала, думая о доме, о словах Женьки, в которых много и правды, о том, если бы у города были бы мудрые, хозяйственные управители, а не временщики, случайно прорвавшиеся во власть, и не хапуги, то их городок, с его богатой историей и уникальными постройками 19-го века, можно было бы превратить в конфетку.

Спала Эмма беспокойно, всё время ловила чашку с водой, которая ездила по столику, понуждаемая хаотичными движениями экзальтированного вагона. В полусне слышала возню вновь прибывшего пассажира. Плотный мужчина, стараясь не шуметь, улёгся на нижнюю полку напротив и почти сразу уснул.

Проснулась Эмма от жажды. В купе было душно и темно: кто-то задёрнул окно плотной шторой. Сонная, стала шарить по столу, отыскивая свою чашку, и чуть не вскрикнула, наткнувшись на чью-то руку с волосатыми пальцами. Присмотревшись, она различила спящего мужчину, который придерживал на столе её чашку, и его толстые пальцы покоились в воде, внутри посуды. Видно чашка своими танцами достала и его. Эмма вскочила, настойчиво освободила чашку и побежала в туалет, чтобы тщательно вымыть её в горячей воде от прикосновений неизвестного и странного гражданина, Бог весть с какими вирусами. Выходя из купе, она чуть не упала через тяжёлые ботсы, 45-ого, не меньше, размера.

— Ещё и сапоги бросил в проходе! — ругнулась она в адрес беспардонного попутчика.

Но вернувшись, Эмма увидела какого-то здоровенного парня, посапывающего на верхней полке над ней.

Одна ночь в поезде дальнего следования

«Вот чьи сапоги! — догадалась она и подумала раздражённо: — Набежали ночью какие-то мужики! — проверила свои вещи; на часах телефона было половина пятого утра, и сон больше не пришёл.

Злая, она поднялась раньше всех в купе, судомилась, включила у себя над головой свет, пила кофе и от нечего делать смотрела в ещё тёмное окно. Все спали, хотя на их месте она бы люто ненавидела беспокойную тётку, которой неймётся.

В конце концов, она пошла умываться и чистить зубы, а когда вернулась, парня на верхней полке не было (был ли он вообще?), а странный пассажир, так взбесивший её ночью, сидел на своем месте и что-то читал в смартфоне.

Это был бритый толстяк лет шестидесяти, совершенно не понравившийся Эмме. Она села напротив и открыла свою книгу. Поезд, видно, устал от неуёмной скачки, шёл ровнее, и можно было читать. Ехали молча. Было понятно, что девушка и толстяк следуют до конечной остановки, как и Эмма.

За окном уже мелькали знакомые посёлки, снег средней полосы сменился южной распутицей. Грязные машины, серые дома, сонные лица.

— Безрадостная картина! — не выдержала Эмма.

— Почему? — встрепенулся мужчина. — Мне нравится. Летом зелено. Приглядываю себе в этом городе домик.

— Вас будут встречать?

— Да, товарищ.

— А вы из Москвы?

— Нет, из Норильска...

— О! — протянула удивлённо Эмма.

Состав начал тормозить на предпоследней остановке, у главного вокзала. Она живо заинтересовалась этим мужчиной, хотела ещё что-то расспросить, но он вдруг увидел кого-то в окне, засуетился:

— Борис! Он тут меня встречает! — спешно подхватил свой багаж, — успею ли? — поезд уже остановился.

— Стоянка три минуты, — растеряно сказала Эмма.

— До свидания! — он улыбнулся, махнул ей на прощанье и побежал к выходу.

— Счастливо! — с запозданием отозвалась Эмма.

«Из Норильска, — уважительно подумала она. — Может, надо было мне с ним быть поприветливее?..»

В каком-то оцепенении Эмма посидела несколько минут, как бы со стороны посмотрев на себя, представив своё однообразное, ничем не примечательное существование, вспомнила, как окончив институт, она хотела податься на север, где, рассказывали, баснословные заработки и настоящая жизнь, но вышла замуж, успокоилась и удовлетворилась размеренной провинциальной судьбой обычной тётки.

Поезд приближался к конечной станции. Она собрала вещи и потащила чемодан к выходу. Её встречал сын Юрий, освобождая от тяжестей, и радостно налетела, обнимая, восьмилетняя внучка Машенька.

«Долг заключается в том, чтобы часто делать то, что вам не хочется, и не делать того, что хочется».

Т. Кемпис

«Хочу» и «надо»

«Хочу» и «надо»

Александра торопилась. Маршрутка вынырнула из-за поворота и пронеслась в недостижимой видимости, когда нет возможности её остановить, хоть свистить. Придётся теперь бежать два длиннющих квартала до детсада, так как следующая маршрутка будет минут через двадцать. Как нарочно, какая-то неопознанная строительная организация поставила огромный видонепроницаемый забор и, как водится, перекрыла, хоть и не первоклассный, но всё же тротуар, из-за чего предстоит кросс метров пятьсот по «пересечённой» местности. Когда бы Александре сбросить годков двадцать, то она бы проскакала эти полкилометра и не заметила бы, а так... крыла в душе нерадивых строителей и всех, кто повыше.

Как-то постепенно в жизни Александры все «хочу» вытеснялись жёстким «надо». Сказать кому — не поверят: на пенсии свободной минутки нет!

Раньше на садовом участке работали «все гуртом», теперь они с дедом вдвоём вкалывают, раньше за многочисленными могилками родственников ухаживали мама с тётушкой. Теперь тётушка умерла, светлая ей память, а мама слегла... Надо убирать, стирать, делать ремонты, бежать на собрания жильцов, забирать внука из школы, везти внучку на танцы, следить, чтоб дед не забывал пить лекарство, переглаживать нескончаемую кучу белья, штопать, в «пожарном» темпе мастерить поделку на выставку в детсад, печь пироги, читать на ночь сказку... Когда «что-то пошло не так»?

Где вожаемое время на театр, путешествия, творчество?

Вот сейчас надо забрать Алиску после тихого часа и ехать с ней через весь город в называемый ею по старинке Дворец Куль-

«Хочу» и «надо»

туры, а теперь ДДТ — ужас какой! — Дом детского творчества. Танцевальная группа внучки участвует в концерте.

Наконец замаячил чахлый скверик, который когда-то поддерживали в порядке шефы из ближнего предприятия, а теперь забыли о нём, да и существует ли само предприятие?

Вот и Алискин детсад.

Александра перевела дух, достала мобильник, чтобы «свериться со временем», и, прикинув, что они успевают, усмиряя одышку, поднялась на второй этаж в «старшую» группу. Детей только подняли, и они, кто сонный, кто с растрёпанными косичками, а кто нацеленный на шалости, как будто и не спал, рассаживались по своим местам за низкими квадратными столиками — полдник. Нянечка разносила традиционный фруктовый кисель и раскладывала по тарелкам пирожки. Глазёнки Алиски стреляли по сторонам, увидела бабушку — залучились.

«Пусть уж внучка подкрепится, а то ужинать не скоро придётся», — подумала Александра, опускаясь на приземистую скамейку в раздевалке.

— Вы за Алисочкой? — услышала она негромкий голос и оглянулась. В углу на детском стульчике сидела женщина лет пятидесяти, наверное, чья-то бабушка, которую Александра не заметила, второпях пройдя раздевалку.

— Здравствуйте, — с запозданием поздоровалась она, немного озадаченная тем, что незнакомка знает имя её внучки.

Женщина была какая-то блеклая: пегие с проседью стриженные пряди, заурядная одежда, минимум косметики. Немудрено, что Александра не могла вспомнить, чья она бабушка.

— В этой группе такие хорошие детки, особенно девочки — как с картинки! — снова заговорила незнакомка. — Вы сегодня раньше за своей пришли.

— У нас выступление. Танцами Алиса занимается, — ответила Александра, всё более удивляясь такой осведомлённости.

— Ой, это так хорошо, когда девочки танцуют! Ваша Алисоч-

ка — стройная, пластичная, весёлая — просто прелесть! Я так детей люблю, все такие интересные, все разные... Я часто здесь бываю, наблюдаю.

— А вы чья бабушка? — из вежливости спросила Александра, начиная волноваться, что полдник затягивается.

— У меня нет внуков, — как-то по-особенному сказала женщина. — Соседка попросила забрать сынишку... Кирюшу. Сама в парикмахерскую побежала. У них сегодня торжество... Я часто Кирюшу к себе забираю. (Сейчас у молодых, какая жизнь? Работают с утра до ночи). Муж не возражает. Он тоже детишек любит — золотой человек.

Александра поднялась, заглянула в столовую. Внучка ела «со вкусом», как делала всё, за что принималась.

— Вы даже не представляете, как хорошо, что у вас есть такая внучка! — сказала за спиной новая знакомая. — А мои дочери не хотят иметь детей!

— Как? Почему?

— Старшая разъезжает по заграницам, живёт в своё удовольствие. Муж, да и она, зарабатывают хорошо, а о детях и думать не хотят.

— Сколько же ей лет?

— Тридцать два.

— Ну, это немного. Ещё родит.

— Да нет же! Вообще детей не хочет. И муж такой же. «Разве в этой стране можно детей растить?!» — говорят. Я ей: «Ну, мы же вас растили, тепло своё отдавали. Что же вы теперь лишаете нас радости внуков иметь! Сейчас с отцом мы ещё в силе, а когда ты нагуляешься, может, и не будем... Так она знаете что сказала?

— Что?

— Ты, говорит, мама, на меня всё время давишь. Давай общаться только по праздникам!

— Ну и ну!.. А младшая что ж? Не замужем ещё?

— Была замужем, развелась... Детей нет. — Женщина встала, помахала кому-то через стеклянную дверь в столовую. Лицо её преобразилось от радостной улыбки и снова потухло: — Теперь сожительствует с одним. Дети её вообще раздражают. Я, бывает, приглашу какого-нибудь мальчишечку в дом. Мне с ними интересно. Все такие фантазёры... А дочка сердится:

— Зачем ты их водишь?! — кричит.

— Вы мне внуков не подарили, вот и вожу...

— У тебя вон Тишка есть! (Это кот) Хватит с тебя и него!..

— А у меня уже пятеро внуков, — зачем-то сказала Александра, а про себя подумала: хорошо взять ребёнка на часок-другой. А когда от них ни днём, ни ночью покоя нет — счастья особого не ощущаешь.

Женщина будто подслушала её мысли.

— Вы даже сами не представляете, какая вы счастливая!..

В этот момент выбежала из группы Алиска, обвила тёплыми ручонками шею, чмокнула в щеку:

— Я сейчас, бабулечка! Рюкзачок только возьму, — и умчалась с глаз, а Александра перехватила завистливый взгляд ничейной бабушки и подумала, что та тысячу раз права, что никакая свобода не стоит даже мимолётной ласки маленького любящего сердечка.

История одной поездки

1. Уродни

Когда муж объявил Лёле, что они поедут на его родину в Краснодарский край, она обрадовалась.

Немного озадачило, что это Жорик так резко засобирился? Лёля давно ему говорила, что надо бы сестёр проведать, дескать, больше десяти лет родню не видели! Но «раскачать» мужа не удавалось. А тут вдруг такая «нетерпячка»: завтра и поедем! Оказалось всё просто. Георгий сам «раскололся»:

— Лэль! Гришка нашёлся! Позвонил, что он на недельку в родные края подался, и есть повод встретиться.

Григорий — Жоркин друг детства. Теперь он — важная птица, живёт в Москве, бизнесмен!

Сын Димка изъявил желание тоже поехать:

— Мне уже за четвертак перевалило, а я на родине отца ни разу не был.

Выехали ни свет ни заря. Трасса широкая, гладкая. Песня, а не дорога!

Отец Димке руль уступил: молодые ездят дерзко, часто дорожные ситуации требуют мгновенной реакции, а Жорик прыть подрастерял, а наглости не научился. В том, что не «ас», он ни за что не признается, конечно.

— Новой камерой хочу поснимать, — придумал отговорку.

Лёле спокойно не сиделось. Её восхищали и раздольные поля, и ещё зелёные, не запестревшие лесопосадки, и высокое небо ранней осени. Всё наполняло ощущением лёгкости и простора, радостью нового путешествия.

— Смотрите! Восход, какой малиновый!.. — любовалась она, выглядывая с заднего сидения через плечо мужа.

История одной поездки

Жорик наводил камеру, снимал знакомый с детства пейзаж, неприметную в камышах речушку, кобчика в вышине, встречные вывески — рекламы и указатели.

Домчались часа за три. Перед селом, где жили сёстры, отец сказал Димке:

— Ну-ка давай, теперь я! Пусть все видят, кто вожак! — самодовольно подмигнул он своей «команде», пересаживаясь снова за руль.

— Ой! Кто это к нам приехал! — запричитала Маруся, увидев гостей через низкий забор.

— Встречай, сестра! Семейство своё привёз! — принимая погрузневшую Марусю в объятия, объявил Жорик. — Вот сынище — Дмитрий.

— Ой! Вылитый отец! Лёля! — повернулась она к невестке. — Скоко ж не виделись!.. А Паша мой на элеватор поехал... Ой! Та проходите в дом! Щас я ему позвоню. — Маруся хлопотала, радостная, раскрасневшаяся. — Вовка, давай, живо! На мопед — и к тётке Татьяне, — дала она распоряжение сыну. — Скажи, шо у нас гости дорогие, а хто — не кажи! Нехай приходят!

В доме у Маруси, новом, ещё недостроенном, было прибрано, как в городе, проведён газ и вода. Жорик и Лёля ходили, точно на экскурсии, расхваливали.

— Мы шо ж... — смуцалась от удовольствия Маруся. — Мы, как люди... Кухню вот кафелем будем облаживать.

Забежал кто-то из соседей. Погломонили, поахали, какой взрослый красавец сын. И закутилось! Вынесли во двор стол. Женщины стали накрывать к обеду.

Пока всё готовилось, Жорик с Димой решили проведать бабушку Скворчиху. Она жила наискосок от Маруси и приходилась матери Георгия крёстной. Бабе Фросе было под девяносто. Сухоньякая, подвижная, она ещё выглядела бодро, но плохо слышала. Избёнка у неё была всё та же: маленькая, низенькая. Димка не рассчитал, когда входил, стукнулся макушкой о притолоку. В трёх крохотных

комнатках было сумрачно от множества цветов в горшках на подоконниках подслеповатых окон.

— Бабушка Фрося! Что ж вы одна живёте? — громко спросил Жорик чуть ли не в ухо старушке, присаживаясь на предложенный табурет. — А где же сын Николай? — Жорик помнил «дядьку Мыколу», который всего лишь на двенадцать лет старше его самого.

— Мыкола? Та вин же на Вкрайне живэ!

— И что, к вам не приезжает?

— Ни, чё ж! Був в позапрошлом годе.

— Не звал к себе?

— Мыкола? Ни, я ныкуды ни поеду! Тут помырать буду, дэ мать с батькою захованы!

Пока отец разговаривал с бабкой, Димка украдкой осматривался. Старенький телевизор с маленьким экраном, допотопная тумбочка, потёртый выцветший диван, какой в городе без сожаления выбросили бы. Через дверь в другую комнатушку видна узкая кровать с двумя подушками, самодельный коврик на полу. Такой нищеты парень не видел нигде.

— А як там, Люба, крэсниця моя? Ни хворае?

— На мышцы жалуется, а так ничего!..

— В больнице лыжала?

— Не! Ноги, — крикнул Жорик, похлопывая себя по икрам. — Ноги болят!

— А!.. Хлопец у тэбэ гарный! — повернулась Скворчиха к Димке. — Шо ж, сыночки, чим же вас погудоваты? У мэне тильки чай та сухарыки.

— Бабушка Фрося! Не надо беспокоиться! Нас у Маруси ждут. Я только привет от мамки передать зашёл, — и гости, как по команде, встали.

Когда они вышли со двора, Георгий достал пятьсот рублей:

— Сгоняй, Дима в «Магнит», там, у церковки, видел? Купи всего и занеси бабушке Фросе... Ну там... колбасы, молока, яиц, чего ещё? Ну, сам определись, — махнул он, отводя глаза.

История одной поездки

Идя к Марусе, Жорик думал: «Как же так?.. хаты напротив... родня. У тех — чего только нет: индюки, поросята, корова... А баба Скворчиха ... сухарики...»

Праздничный обед был почти готов. Шурин Павел облапил Жорика ручищами:

— Ну, здоров, здоров! Наконец приехал! Уважил! — он потащил гостя к столу, налил самогону в стаканы. — Ну, давай! Пока бабоньки хлопочут... За встречу!

Из дома вышла Лёля с подносом нарезанного хлеба.

— Вы уже прикладываетесь? А Димка где?

— Щас будет, — буркнул Георгий. Он, ещё хмурый от увиденного у Скворчихи, не хотел говорить жене о своём великодушном поступке: начнёт пилить. Мол, у нас полтыщи тоже не лишние!

Подошла Маруся в нарядном платье и фартуке. За ней младшая сестра Таня с дочкой Олечкой.

— Танюшка! — поднялся брат ей навстречу. — Здравствуй, родная! — он сердечно расцеловал младшенькую. По ней он, действительно, скучал, хоть и перезванивались часто по телефону. — А это кто? Никак Ольга! Невеста! Сколько ж тебе?

— Четырнадцать! — зарделась девчонка.

— А где ж твой Юрий, Танюшка?

— Спит после смены! — с напускным безразличием отмахнулась Таня.

— Садимся, садимся! — громко объявила Маруся, перехватывая Жорика и усаживая рядом с собой. — Какая там смена! — ехидно шепнула она брату. — В запое он. Другу неделю вже...

Жорик покосился на Таню. Та, наверное, услышала, опустила ресницы.

Вернулся Димка, подмигнул отцу, мол, поручение выполнено.

— Знакомься, Дмитрий! — за столом оживились, стали пожимать парню руку, многие видели его в первый раз.

Георгий думал о том, как мало он знает о сёстрах, какие они разные. Вот и Таня скрывала свою беду, а он не догадывался.

А Маруська стала хвастливая и недобрая. Нет, не жадная, вон какой стол выкатила! А именно недобрая... Над Танюшкой даже злорадствует...

Павел подливал самогону, самовлюблённо говорил о своём фермерстве, о выгоде заниматься подсолнухом, а семечки гнать за рубеж.

— Лёля! Ну кажи: як там у городе? — допытывались женщины. — Продукты як у нас чи дороже? А шо про пенсии кажуть? Повысят к декабрю?

Димка сидел рядом с Олей, но разговор у них, похоже, не ладился.

Татьяна тоже больше помалкивала, видно, испортил ей настроение язвительный язычок сестры, да и городской жены Жорика она стеснялась.

Когда гулянье пошло вширь, как «море разливанное», и размлевшие от питья и еды сородичи затянули любимую и на Кубани «По Дону гуляет казак молодой», позвонил Гришка.

— Я приехал! Жду на нашем месте через полчаса, помнишь, за школьной спортплощадкой?

— Конечно!

Жорик и рад был уйти. Что-то утомила его обстановка. Отвык он от шумной Маруси, от напористого самоуверенного шурина.

Лёля и Димка не заставили себя подгонять.

— Ну ось! — разочарованно протянула Маруся, увидев, что гости встали. — Даже ночевать не останетесь?

— Нет, Маруся! Нас Гришка ждёт. Тоже издалека приехал... В кои-то веки встретиться...

Георгий подошёл к Тане.

— Танюшка, Оля школу закончит, привози к нам. Пусть поступает в городе учиться.

— Спасибо, Жорик! Посмотрим... — она прижалась к колючей щеке брата. — Приезжай почаще.

История одной поездки

— Теперь вы к нам!

Окружила родня, стали целоваться на прощание, обещали звонить друг другу. Маруся совала гостинцы в сумку Лёли.

В машину все трое сели с облегчением.

2. Короткий путь

Хорошо сидели. В Мишкином доме было уютно и богато. На селе завгар — не последний человек.

Жорику даже не верилось, что Мишки два года уже нет. Умер от ерундовой болячки — грыжи. Подумаешь, грыжа! Даже у младенцев бывает. А вот случилось ущемление, и такого человека! не смогли спасти. Здоровый красивый мужик, не старый ещё!

На кладбище, куда первым делом Григорий повёз друга и его семью, большой гранитный памятник Михаилу стоит. На фотографии — широкое лицо, слегка сощуренные глаза и полуулыбка хитроватая. Жорик его по одной этой улыбке среди многих узнал бы...

Вдова Люся потчевала мужниных школьных друзей от души. Уж она-то наслышана о «подвигах» этой закадычной троицы: Жорика, Гриши и Мишки. Григорий, после того, как в Москве зацепился и бизнес свой открыл, не зазнался. В родное село на Кубани наезжал часто, хотя мать с отцом давно умерли, а больше родичей нет. Останавливался у Мишки, ходили на рыбалку, встречались с одноклассниками. А Жорик с женой Лёлей и сыном Дмитрием оказался на поминках случайно.

— Да, — грустно глядя на стопку, — бормотал Жорик. — Я и не знал, что Мишки нет уже! Приехал к сеструхе в гости... И вот оно... на!

— Чаше надо на малую родину наведываться, — укорил Григорий.

— Да-а. Лет десять сюда не мог выбраться. Всё некогда... Ну за Миху! Пусть ему земля... пухом! — он залпом опрокинул стопку.

— Отвыкаем от корней, отвыкаем, — Гриша с удовольствием закусывал балыком. — Только здесь, в деревне чувствуются родственные связи. Русский уклад жизни. Столица оторвалась от своих основ... Всем правит чистоган. Мишка — правильный парень был. Он не рванул в мегаполис, на месте делал бизнес, укреплял село.

— Много работал, вот и надорвался.., — вставила Люба.

Лёля с сочувствием смотрела на неё. Представить, как женщине в таком возрасте остаться одной, самой справляться с большим хозяйством — было сложно.

Димка не пил, ему за руль. Родители планировали сняться с «утречка», а Димка хотел уговорить их ехать в ночь. Дома жена занудилась. Раз пять уже звонила. Дочка температурит.

«Чего ещё тут делать? — размышлял он. — С роднёй повидались. Все новости порассказали. Ну... приедем часа в два ночи. Посплю чуток — и на работу. Зачем день терять?..»

Но батю потянуло на воспоминания.

— А помнишь, Гришка, как на бахчу залезли? А дед Степан из ружья саданул!

— Ага! Ты ещё «фургон» потерял, потом нагорело. А ты в курсе, что Дуська Фролова сидит?

— За что?

— Сожителя прирезала...

— Ого!

— Тут что было... — протянула Люся, закатывая глаза.

Димка взглядом «семафорил» матери, что пора закругляться.

Лёля стала собираться:

— Нам пора, друзья! Путь далёкий. Жора!

— Да оставайтесь у нас! Дом большой, всем места хватит, — великодушно предложила хозяйка.

Но Лёля уже подталкивала в бок пьяненького Жору.

— Поехали! Дима волнуется. Внучка Сонечка прихворнула, — пояснила она Люсе. — Что до утра тянуть?

История одной поездки

— Да, да! — соглашался Жорик, поднимая на «посошок».

Началась суматоха расставания. Все вышли в прихожую, каждый говорил своё.

— Мам, поддержи, я шнурки завяжу, — сказал Дима.

Лёля взяла у него сумочку с документами.

Гриша и Жорик обнимались на прощание.

— Давай в будущем году снова встретимся. Приезжай!

— Давай! Только так: дня на три-четыре. Порыбачим. Банкет организуем...

— А пиджак? — спохватилась Лёля. — Чуть без пиджака не уехала!

... Наконец они в машине.

Жорик доволен, под впечатлением встречи, что-то напевает под нос.

— Димка, а видел у Гришки какая тачка?

— Видел. НисСан.

— Круто. Поднялся кореш. Только с семьёй не повезло.

Выехали из центра села. Тут освещение было похуже. Жорик подсказывал, куда ехать.

— Дальше будет почта, поворот налево, а потом прямо. — Они уже выехали на окраину, как он вдруг вспомнил:

— А вот здесь можно скосить крюк. Полчаса сэкономим. Дорога грунтовка, но ничего. Я прошлый раз тут ехал.

— Прошлый раз — это десять лет назад? — ухмыльнулся Димка, но на грунтовку свернул.

Сначала ехали сносно. Было видно, что дорогой пользуются редко, но колея просматривалась.

— Да не, нормально, — заверил Жорик. — Это просёлочная. Здесь срежем и выскочим прямо на трассу. Вон там МТФ будет.

Темень стояла непроницаемая. Только перед колёсами свет от фар. Дороги уже почти не было видно. По бокам густо вышались деревья, корявый кустарник. Машина то спускалась в овражек, то выкарабкивалась с креном, едва не опрокидываясь.

«Хорошо, что Димка за рулём, — подумала Лёля. — А то б уже давно перевернулись».

— Где же твоё МТФ? — спросила она с беспокойством оглядываясь.

Вдруг справа за посадкой показались какие-то силуэты. На небольшой заросшей бурьяном поляне стояло несколько иномарок с приглушёнными фарами. Свет от проезжающей машины выхватил группу мужчин, резко повернувшихся в их сторону.

Белый жигулёнок «путешественников» деловито проследовал мимо, будто тут обычная шоссе́нная дорога.

— Что у них, сходняк какой-то? — удивился Жорик. — Первый час ночи.

— Ото они ошизели, — хмыкнул Димка. — Небось, подумали, менты.

— Господи! — перекрестилась Лёля. — А вдруг палить бы вздумали... Ну ты завёз... Сусанин! — сердито напустилась она на мужа.

— Вон дом какой-то! — остановил их перепалку сын.

Вдалеке, действительно, что-то светилось, будто двухэтажный дом. Но «дом» как-то странно и зловеще надвигался на них и стоял прямо поперёк дороги.

Димка едва успел вырулить, и все с удивлением узнали огромный комбайн. Наверное, комбайнёр тоже был немало озадачен неожиданной легковушкой и слегка отвернул в сторону.

— Может зерно куда-то «налево» ссыпает, — предположил Жорик, переживая, чтоб машина не кувыркнулась в кювет.

— Сплошной криминал какой-то, — холодея от страха, проворкотала жена.

— Не бзди, Лёля, прорвёмся! — бодро отозвался глава семейства.

Машину снова окутала тьма. Унылое поле, какое-то время светлеющее справа, кончилось. Со всех сторон, казалось, надвигается лес, всё более непролазный. Не верилось, что они

находятся в степной полосе, где дремучих лесов вообще не должно быть.

Лёля почувствовала, что начало болеть сердце, и откинулась на спинку сидения. Так, полулёжа, она видела в окно только небо и бледный диск луны.

«Буду лучше смотреть на луну, — решила женщина. — Такая дорога не для моих нервов. Случись чего, тут и не скоро найдут...»

Они уже ехали по бездорожью, непонятно куда. Димка, пригнувшись к рулю, всматривался вперёд. Теперь он понял, что такое «ни зги...». Отец ёрзал, осознав, что «дал маху» с этой «короткой» дорогой. Но возвращаться было уже далеко и небезопасно.

— Ты там живая? — спросил он долго молчащую жену.

— Мы точно заблудились, — обречённо отозвалась она. — Так мы до Кавказа доедем. Нас всех боевики возьмут в заложники.

— Гляньте, вдалеке вышка с огоньками, — сказал вдруг Димка.

И впрямь, далеко в небе светилась красная точка.

— Наверное, это какая-то воинская часть, — предположила Лёля. — Вот мы вляпаемся.

— Да перестань каркать! — рассердился Жорик. Бравурное его настроение давно улетучилось.

Лес понемногу стал редеть, и, вроде бы, опять наметилась грунтовка.

— Мы правильно едем! — стараясь быть как можно убедительней, воскликнул Жорик. — За деревьями поле, и там что-то белеется, видите?

Все повернулись в направлении, куда указывал отец. В самом деле, на приличном отдалении от них виднелись белесые стены какого-то ни то склада, ни то барака.

— Хоть бы спросить у кого.., — тоскливо проговорил Дмитрий.

Но помещение выглядело нежилым, и в такую позднюю ночь никого не было видно.

Однако, яркая точка огня маячила в небе и внушала надежду. Все примолкли и старались не упустить её из вида.

«Раз там есть столб, может за пригорком откроется хуторок», — лелеял мысль каждый.

Но за бугром снова открылось чёрное неоглядное поле.

— По времени должна бы уже показаться трасса, — подумал вслух Жорик. — Может, мы едем параллельно ей?..

И тут как бы марево чуть светлее чёрного неба забрезжило на горизонте.

— Вот! Вот! Она! — закричал Жорик. — Я же говорил!

Машина поехала веселей. Под колёсами уверенно лоснился твёрдый грунт. Вскоре, под углом к траектории, по которой продвигались белые «Жигули», на краю земли будто раскинулись золотые мониста. Это далеко впереди светились огни бегущих по трассе автомобилей.

Переживших треволнения мужчин охватило нервное оживление. Они что-то стали громко обсуждать, делать предположения, чтобы окончательно сориентироваться на местности. Лёля снова откинулась навзничь и прикрыла глаза влажными ресницами.

Появилась определённая уверенность, они уже выбирались на трассу, и Димка поддал газу. Всем хотелось быстрее домой.

Дорога была щедро освещена: приближались в большому городу. Показался дорожный патруль. Дмитрий нехотя сбросил скорость. Вооружённые военные останавливали некоторые машины.

— Ну что? Будешь тормозить? — нетерпеливо, как будто даже с вызовом, спросил вполголоса Димка, глядя через стекло на офицера.

Но белые «Жигули» не задержали, и до самого дома они ехали без приключений. Уставшие, счастливые, стали выгружаться.

Димка вылез из кабины, с наслаждением потянулся, разминаясь.

— Три часа! — сказал он.

История одной поездки

— Ну, мы же ехали по короткой дороге! — засмеялся Жорик. Сын и жена оценили юмор.

Ещё смеясь, Димка спросил:

— Мам, а где моя сумочка с документами?

Мать растерянно осмотрелась. Мужчины принялись шарить в машине.

— Не ищите, — упавшим голосом сказала Лёля. — Я её положила на скамеечку в прихожей у Любы, когда пиджак надевала. Свою сумку взяла и вот... фотокамеру...

— Ты что?! — сорвался державшийся всё это время сын. — Я же тебе в руки дал! Там паспорт, ключи, водительское удостоверение, права...

Жорик уже набирал Гришин номер телефона.

— Прости, друг, что так поздно... Да, доехали. Нормально... Только, пожалуйста, посмотри, в прихожей лежит черная мужская сумка... На скамеечке? Лежит! Это Дмитрий забыл!.. Завтра? Ну, вот и повод!

Жорик отключил связь, сделал театральную паузу и, покровительственно глядя на своих, объявил:

— Завтра Гришка сам пожалует к нам! И сумку привезёт! Готовься, жена, встречать гостя! — и вдруг расхохотался: — Четыре поста проехали, две административных границы! Без документов! И ни разу не остановили!

Сонная тишина многоэтажного дома вздрогнула от дружного послестрессового хохота.

А спустя неделю, когда поздно вечером возвращались на машине с дачи, Лёля вдруг увидела впереди красный огонёк, который не давал им отчаяться ночью в непроглядной глуши злополучной кубанской дороги. Он также призывно маячил на горизонте.

— Ха! Смотри, Жорик! Наш красный фонарь! Да это просто отражение на стекле от панели! — она прикрыла рукой яркую кнопку на приборах и «маяк» исчез.

— И, правда!

Они засмеялись.

— Но он же всеял в нас надежду!

Хорошо!

А, правда, люди у нас стали жить лучше. В каждой семье по две машины. Приедешь чуть позже обычного во двор своей родной девятиэтажки— негде припарковаться! Раньше что? Даже несчастный «Запорожец» на ночь под вольным небом не оставляли, берегли. А сейчас — сколько машин ночует во дворе! Да каких! Любо-дорого рассмотреть.

А утром, когда вся эта красота проснётся и ринется на городские дороги, к слову сказать, хорошо подлатанные и местами заасфальтированные, тут не зевай, если ты пешеход. Хотя, в общем, и здесь дела обстоят прилично: переходов наделали, зебр нарисовали. Правда, ребята на красивых машинах — лихие, им на ограничитель скорости — плюнуть и растереть, так что неко времени зазевавшихся пешеходов и указатель не спасёт. Вот хорошо ещё придумали: в некоторых местах лежачих полицейских примостили — для очень уж крутых автолюбителей. Так что иди и не бойся!

Вообще, сейчас всё лучше стало. Когда это было видано, чтоб с утра по телевизору рассказывали, какой продукт хороший, а в который гадость подмешена и разные там Е-вредные добавки! Или то, что на замороженной рыбе больше льда, чем сама рыба весит. Или кожаные куртки, которые вам втюхивают, совсем не той фирмы, что на этикеточке написано. То есть ясно дают понять простым гражданам: хочешь — бери, а не хочешь — как хочешь!

Даже рассказывают, куда пойти пожаловаться! Только ты, уважаемый читатель, лучше туда не ходи, если дорожишь своими кровными нервами.

Интересно живём, грех обижаться. Все знают, что в ЖКХ жуль-

Хорошо

ничают, а ничего сделать нельзя. И платят послушные граждане и за себя, и «за того парня», и за якобы горячую воду, и за газ для общественных нужд, и за воздух вокруг теплотрасс...

А пенсии считают вообще, как Бог на душу положит! Потому что в расчётах сами начислители давно запутались. Им хотя бы найти, куда пенсионный фонд испарился...

Может любезный читатель в этом месте плюнет и сердито отвернётся, решив, что это какая-то зловредная и злопахательная статейка, форменное искажение всей нашей прекрасной действительности. Ведь, что ни говори, а полки от товаров прогибаются, в каждом доме полная чаша всякой всячины, и даже для кошечек и собачек придумали изысканную еду и парикмахерские салоны.

Но пусть он не спешит расстраиваться и отворачиваться. Автор напротив подчёркивает, что сейчас стало значительно лучше, чем в далёком и плохо организованном прошлом. А всё это безобразие он описывает просто так, «для разбега» перед историей, правдивой и оптимистичной, которая как раз и подтвердит, что всё в нашем мире изменилось в лучшую сторону.

Эта история, может, и не для всех интересная и малопоучительная, а в силу неискущённости автора не содержит колоритных описаний и «душераздвающих» страстей, но всё же на определённые мысли склоняет терпеливого читателя.

Итак, в некотором небольшом городишке, в жактовском секторе, в одном доме, построенном ещё в начале прошлого века, жили-проживали несколько семей разнородных по составу, по возрасту и по основному виду деятельности.

Тут надо сделать небольшое отступление и пояснить молодым людям, которые, возможно, отродясь не слыхивали, что это за таинственный и древний «жактовский сектор» и как его воспринимать.

А воспринимать, как отошедшее в историю, но окончательно не забытое явление, когда в молодые годы советской власти бывшие барские дома дробились на отдельные, поначалу дармовые,

квартиры, и в них вселялись семьи бедняков, военнослужащих и оставшаяся от старого режима прислуга. После нескольких указов сверху, которые скучно перечислять, такая форма собственности преобразовалась в жилищно-арендные кооперативные товарищества, а дома стали прозываться жактовскими.

Это были милые добротные квартирки, с отдельными входами, с централизованным отоплением, с водопроводом и часто с небольшим участком земли рядышком. И только туалет был общий на общем же дворе, который, надо сказать, содержался силами жильцов в приятном и уютном порядке. Все хозяева знали друг о друге всё или почти всё и мирно сосуществовали из поколения в поколение.

Чтобы не погрешить против истины, можно припомнить, что время от времени кое-кто из соседей схлёстывался между собой из-за каких-то пустяков. Как, например, глуховатая бабка Степановна из четвёртой квартиры чуть было не написала заявление в милицию на Никитку Коробова. Она всем жаловалась, что сосед остро её не любит и придумывает ей какие-нибудь козни. Никитка, конечно, стучал ей в стенку и кричал, чтоб она приглушила телевизор, иначе он не может воспользоваться своим правом по Конституции получить покой после ночной смены. Но достоверно и то, что никаких злобных замыслов Коробов не имел против глухой соседки. Однако Степановна, когда вдруг увидела на своей крыше кирпич, сразу решила, что это — мстительное дело скандального Никитки. Не было кирпича — и вдруг есть! Значит, кто-то его туда забросил. Из-за этого треснул один лист шифера прямо у зонтика от дождя над входом. Бабка ругалась на чём свет стоит и грозилась, что такое хулиганство так просто соседу с рук не сойдёт. Так бы, может, и случилось, если б не пришёл племянник Степановны и, вникнув в суть конфликта, смеялся до колик в животе. Оказывается, это он, ликвидируя течь у тётки на потолке, положил на крышу кусок шифера, с отколотым углом, а чтобы лист не снесло ветром, придавил его кирпичом. Потом все рассказывали этот случай, как местный анекдот.

А вообще соседи жили в доброжелательстве и миролюбии. Всем двором провожали подросших сыновей в армию, устраивали счастливые свадьбы, а кто помрёт — дружно хоронили.

В нашем описательстве будем делать упор на две семьи, которые жили через стенку, и выходы у них были на одно крыльцо. В первой из квартир удобно расположился токарь Алексей Поликарпович Дубинин с женой Зинаидой Марковной и двумя дочерьми, в другой — интеллигентная немолодая Зоя Климовна Чацкая со своим малолетним сынком Константином. Время, к которому относится начало повествования, было, что ни на есть, самое застойное — конец семидесятых.

Зоя Климовна работала преподавателем географии и учила ребятшек в городской школе. Она была невысокого роста, на голове носила немодную «гульку» и одевалась в строгие серые или синие платья.

На окошках у неё висели тонкие тюлевые занавески, и со двора виднелись на подоконниках герань с красными бутончиками и другие занятные цветы. В большей из двух комнат у Чацких в углу стояло полированное пианино немецкой фирмы «Ed.Seiler», купленное ещё до войны самой Зоечке, рядом — телевизор «Рекорд». Посредине зала — круглый стол, покрытый бархатной скатертью с бахромой. Вокруг стола в чётком порядке размещались четыре венских стула. У противоположной от пианино стены солидно возвышался диван, обтянутый коричневым дерматином и со слегка продавленным сидением посредине. А у окна сверкал парадной посудой быкастый буфет.

В спальне главное место занимала никелированная кровать с горкой подушек под ажурной накидкой. Там же стояли двухтумбовый письменный стол, на котором Зоя Климовна писала свои школьные планы, рядом этажерка с книгами, а в углу у двери большой шифоньер. На нём висело зеркало, которое местами потемнело от времени. На столе блестел циферблатом круглый будильник, он громко «чеканил» свой ход. Вся обстановка, кроме телевизора, казалась перетянутой из сталинских времён.

У соседей через стенку было всё проще и современной. Гарнитур тёмной полировки, софа, два мягких кресла, торшер и палас. У девчонок в комнате тоже симпатично и по моде.

Дубинина работала на швейной фабрике и была активисткой от профсоюза. Она любила декольтированные платья и ежегодно делала химическую завивку.

В доме Зинаида Марковна тоже всем заправляла. Это она организовывала отмечание праздников, сборы на детские новогодние подарки и помощь на похороны. Однажды ей пришлось взять на себя снаряжение в последний путь скончавшегося от инфаркта мужа Зои Климовны — инженера Василия Фёдоровича Чацкого, так как соседка была совершенно подавлена и недееспособна. Костику тогда исполнилось всего десять лет.

Зиночка старалась, как могла, поддержать Зою Климовну в её неожиданной беде, и, хотя была на пятнадцать лет моложе соседки, женщины потом примерно сдружились и оживлённо общались по хозяйственным и житейским вопросам.

Костик рос вундеркиндом, как и положено сыну пожилых образованных родителей. Он играючи осваивал иностранные языки, талантливо музицировал, и все знакомые хором пророчили ему блистательное будущее.

В семье Дубининых тоже подрастали прелестные дочурки, и Зинаида Марковна даже держала в уме тайную мысль, что, может быть, когда-то Костик женится на её младшей Таточке, и приятно фантазировала по этому поводу.

Но жизнь сказала: «Держи карман шире!» Вскоре Алексею Поликарповичу дали квартиру в новом спальном районе, и семья Дубининых с радостью переехала и «расширилась», так как новое жильё было несколько больше прежнего и содержало все положенные удобства.

Сначала подружки часто перезванивались и даже обменивались визитами.

А Таточка... Ох, Таточка! На втором курсе медицинского тех-

Хорошо

никума она спуталась с сыном рыночной торговки, «запаслась» к зиме ребёнком, и её в срочном порядке пришлось отдать замуж. Костик же окончил очень, как оказалось, нужный институт и уехал работать за границу.

А в стране новые хозяева жизни всё что-то перекраивали и перестраивали, чем и до сих пор не устают заниматься.

Зинаиду Марковну смыло первой же волной сокращений и, чтоб не пойти прямым курсом на дно, она устроилась в частную хлебопекарню помощником пекаря. Приходилось вставать в четыре утра, таскать тяжёлые кастрюли с опарой, но это ещё ничего. Другим было гораздо хуже. Например, дочке Таточке: без работы, без пособия, с маленьким Тимурчиком на руках, впору идти на панель, если б не мать с отцом.

— А как же муж, торговкин сын? — спросит досужий читатель.

Да подался куда-то в поисках лучшей доли и сбежал насовсем. А чиновники, чтоб алименты с него стребовать, не могли найти его или только делали вид, что искали...

Время такое наступило, неразборчивое. Где уж там старых соседей вспоминать, когда б самим выбраться...

Эх, дорогой читатель, как ни начинаешь петь «за здравие», а неизменно «на упокой» сбиваешься! Но это всё невзначай да ненароком. А так, конечно, жизнь неуклонно, хоть и хромая на обе ноги, карабкалась в гору и всем на удивление, наконец, устаканилась и снова стала для серёдки общества заманчивой и привлекательной.

Вот и героини нашей истории, тягучей, как тянучка, спустя двадцать лет всё-таки встретились и ещё при таких потрясающих обстоятельствах!

Как-то зацепила Зинаиду Марковну соблазнительная реклама. Будто бы открылся новый супермаркет и скидки там небывалые!

Собралась она и поехала. А район-то как раз вблизи её старенького жакта.

Тут-то Зинаида Марковна и вспомнила о давней подруге: «Как там Зоя Климовна? Ей, поди, уж девяносто! Жива ли?»

«Зайду, проведаю, — не выдержала она. — Может, кого из старых соседей встречу. Новости узнаю. Про Константина расспрошу. Женился ли?»

Купила гостинцев в новом магазине и по колдобинам, бывшим когда-то асфальтированным тротуаром, добрела до знакомого дома. Перекошенная калитка, как и сорок лет назад, закрывалась на крючок изнутри. Зинаида Марковна дотянулась рукой до запора, откинула крючок и вошла.

Кряхтя и охая, (сама уж не молодка) еле взобралась на давно некрашеное крыльцо, звякнула в дверь. Выглянул молодой человек. Незваная гостья с пристрастием оглядела его: не внук ли Климовны?

— Чацкие? — удивился парень. — Должно быть, на карете уехали.

— На какой карете! — обиделась Марковна. Она мечтала попить у бывшей соседки чайку, «покалякать» о том о сём. Во двор вышла немолодая женщина с тазом выстиранного белья. Через двор, как и полвека назад, тянулась бельевая верёвка.

— Галя! Ты? — узнала вдруг Марковна и, торопясь, спустилась по ступенькам.

— Зинаида Марковна! Какими судьбами?!

— Да вот, к подруге зашла, — погрустнела гостья. — А она, видно...

— Жива! Жива Климовна! Только... сынок её в богадельню сдал. А квартиру продал.

— Что? Костя... Не может быть!

Галя вздохнула.

— Вот так в жизни бывает... Как она ждала его! Как просила не уезжать...

Да что ж мы стоим! Пойдём ко мне. Я вот сейчас только бельё развешу...

Когда они прошли в её маленькую комнатку, Галя сказала:

Хорошо

— Я теперь одна. У Толи другая семья...

Дубинина покачала головой. Честно сказать, она почти не помнила этого Толю. Её беспокоила судьба Зои Чацкой.

Когда хозяйка разлила по чашкам чай, Марковна, подкладывая в тарелку прикупленные в супермаркете ватрушки, снова спросила о Климовне, как же так вышло, что родному сыну не нужна стала? Уж она его любила... уж как тряслась за ним... Вот тебе и Костик — мамин хвостик!

—То-то и оно! Костя же в Австралии живёт. Семья у него там. Говорят, он хотел мать туда взять. А она — ни в какую! Вот он её в Дом престарелых и определил. Одна-то она жить не могла. Ей уход нужен.

Зинаида Марковна вспомнила казённый дом на окраине города, обшарпанный и захолустный, где доживали свой век одинокие, больные старики и старухи, и ужаснулась. Кто не боялся там кончить?..

Будто читая её мысли, Галя встрепенулась:

—Да там сейчас хорошо! Палаты — что барские апартаменты! Чисто, уютно. Кормят, как на убой! Развлекают! Медперсонал внимательный, специально обученный. Бабки и деды там такие активные!.. Женятся даже!

—Да ну!

—Точно! Давай в воскресенье в гости к Климовне сходим. Может, и мы себе дедков присмотрим! — засмеялась Галя, и всё её сдобное тело заплясало как ягодное желе на центрифуге.

Вот, и в самом деле, есть от чего радоваться! Пусть будут спокойны и счастливы наши сыновья на милой чужбине! Всё у нас хорошо. А будет ещё лучше!

Моя старенькая мама

Моя старенькая мама чувствует приближение конца. Об этом говорят её глаза: грустные, виноватые, всепрощающие и как-то застенчиво любящие.

Иногда скажет:

— Всю ночь не спала, ноги выкручивало. Наверное, немного мне осталось...

Я не хочу слышать о её смерти, гоню эти мысли, ругаю её:

— Мам, не надо думать о плохом! Зачем притягивать негатив?

Она всё порывается показать мне, что она приготовила «на смерть», где что лежит, но я отмахиваюсь, мне всё время некогда, я вечно куда-то лечу. Забегу на полчаса, принесу маме что-то поесть, что-нибудь вкусенькое...

Два слова о том, о сём — и надо бежать за внучкой в садик или на литобъединение или ещё куда...

Я прощаюсь, на бегу ободряю, целую. Она смотрит кротко, в светлых глазах благодарность (за что, Боже мой!) и недосказанность. Шепчет:

— Спасибо... Спасибо... Возьми деньги. Что ты всё время тратишься на меня? У меня хорошая пенсия...

Старается сунуть бумажку в сумку или в карман, я отказываюсь, сержусь, стараюсь скорее сбежать.

На старческие глаза набегают слёзы:

— Доченька... Ты одна моя надежда...

Мне неловко. Я не люблю этих разговоров. Я прижимаю к себе её седую голову. Мне жаль, мне так страшно, что она уходит, что она стала такая маленькая, худенькая, согнутая.

Я знаю, что она горюет, что ушла красота, стесняется, что

Моя старенькая мама

плохо выглядит. Я убеждаю её, что она ещё молодец, что в этом возрасте, кто дожил, — совсем развалины. А она ещё ковыряется в огороде, и «себя обслуживает» и даже иногда сама лазит в погреб... Хотя я запрещаю это делать.

Мне ужасно стыдно, что она, старенькая, на вид тщедушная, поднимает тяжёлую ляду и лезет по крутым перекладинам лестницы в подвал за картошкой или ещё за чем-то. Я устраиваю ей «разгон», с содроганием представляя, что вдруг она сорвётся, и отказываюсь понять, ну почему, почему она не попросит молодых?

Но мама такая деликатная, не хочет никого обременять:

«Пока могу сама, зачем я буду кого-то беспокоить?..»

Совість жалит меня, я заклинаю себя, что в следующий раз сама полезу и всё достану, и приду помогу, уберу, постираю, поговорю, буду делать, как надо. Но бегут дни, всё остаётся по-прежнему. Я притаскиваю банки с едой, бегло расспрашиваю, как дела, выслушиваю обрывочные жалобы, предлагаю съездить к врачу, заранее зная, что она ни за что не согласится, и бегу дальше, и вижу, вижу перед собой её жалобный тоскливый взгляд, напитанный любовью.

Бедная мама! У тебя плохая, бестолковая, нечуткая дочь.

Я веду себя так, будто нам ещё жить и жить, и ещё впереди много хорошего.

Всё получается главнее, нужнее, чем неторопливый доверительный разговор с мамой... Ты ждёшь её, этой беседы, этой минуты внимания, ты пытаешься мне сказать о своей жизни, что-то почти забытое, очень важное. Ты пересказываешь в который раз, как тебя, пятнадцатилетнюю девчонку, с другими такими же, немцы гнали в Германию, пешком до Мариуполя, голодных, измождённых, с растёртыми до крови ногами. Что было дальше? Память мутится, всплывают жалкие обрывки, как ехали в теплушках, как хотелось пить, как трудно работали на каких-то станках, а потом на хозяина.

Мама, мама! Что я знаю о твоей жизни? Разве нам было досуг, вот так сидеть друг против дружки и говорить, говорить... Всё дела. У тебя, у меня.

Когда ты преподавала в школе, я видела тебя только за проверкой тетрадей, пишущей какие-то планы, иногда на кухне. У меня были свои интересы, что знала ты о них? Главное, чтобы прилично училась.

Семья, дети, внуки.

Как ослабела, распуталась та самая, сокровенная, родственная, самая крепкая связка, которая должна удерживать мать и дочь в едином поле нежности и понимания, любви и терпимости?

А со своей дочерью у меня тоже нет того взаимного притяжения, той струны, которую чуть тронешь, и отзовется общей болью или общей радостью, ласковым словом, бережливым участием?

Кажется, дороже нет никого. И в самом деле, никого дороже.

Но это там, в глубине сердца.

А жизнь устанавливает свои границы, навязывает уклад строгий, рациональный. Поневоле выстраиваешь приоритеты, рвешься между долгом и желанием.

Но приходит время переосмысливать свой путь и переворачивается всё с ног на голову. И всё, что было побочным, мимолётным или даже помехой к большой цели, оказывается вдруг теми семенами счастья, из которых выросли или нет замечательные плоды, и это зависело только от тебя.

*«Как в капле воды отражается
солнце, так в детях отражается
нравственная чистота матери и
отца»*

В. Сухомлинский

Дитя природы

Дитя природы

В домике на соседнем садовом участке поселилась довольно молодая семья. Выкупить этот участок у них не было денег, и они взяли дом вместе с садом в аренду.

Отец семейства — Витёк, смуглявый и молчаливый, был в постоянном подпитии, так что и не понятно, где он работал и работал ли вообще. Жена его — Катерина горбатилась в городе на рынке и редко бывала дома. Очень худая и долговязая, она ходила неслышно, как тень, почти никогда не здоровалась и не заговаривала.

Первый год зимовали трудно. Витёк рыскал везде в поисках дров, чтобы поддерживать в постройке, не рассчитанной на долгие морозы, сносную температуру, тащил во двор всё деревянное, выпрашивал по соседям спиленные деревья. Благо, сады старые, и этого добра хватало.

Потом пообвыкли, стали пробовать разводить уток, кролей, гусей.

Младшая их дочка, четырёхлетняя Юлька прибежала к нам, неумытая, непричёсанная, как только «засекала» наш приезд. За ней смешно подпрыгивал рыжий пушистый щенок.

— Фух! Наконец-то приехала! — кричала она. — Будет хоть с кем поговорить!

— У нас первым делом здороваются, — пытался воспитывать её мой муж Иван.

Она игнорировала его замечание и увязывалась за мной.

— Что делаешь? — каждый раз спрашивала она.

— Поливаешь? Молодец, — поощряла Юлька мои действия.

— А где Алёнка?

— Дома.

— В следующий раз привези!

Алёнка — наша внучка. Она всего на полгода младше Юльки, но разница между ними разительная. Алёнка — беленькая, голубоглазая, спокойная, ласковая. Юлька — кареглазая, темно-волосая, кудрявая, бедовая и настырная.

Когда они копаются в нашей песочнице, у соседской девочки оказывается лучшее место и лучшие игрушки. Юлька командует, во что играть, первой бросает игру и подбивает Алёнку на «догонялки». Тут уж прощай мои клумбы и грядки!..

— Мы с тобой хорошо работаем, да, бабушка Лида? Я вот гусяткам травы нарву, — бросается она щипать газонную травку.

«Гусьтки» — уже хорошо подросшие гуси, которые живут за загородкой, прилегающей к нашему сетчатому забору. Обычно они важной «делегацией» встречают наш приезд, гордо вскинув шеи, и оживлённо «обсуждая» наше появление. Уже третий год соседи разводят своих солидных птиц. Видно, это главная статья их доходов.

Но нам гуси причиняют немало хлопот. Как только Иван не укреплял забор, частенько, подъезжая к своему участку, мы обнаруживаем одного-двух «лазутчиков», пасущихся на нашем огороде. Каким образом они, довольно большие, пролезают под сетку — неведомо. С криком, гамом мы с трудом изгоняем заполошно мечущихся птиц с нашей территории, и тогда из дома выбегают Лена, старшая сестра Юльки, и забирает нарушителей.

Каждый вечер гусей выпускают на аллею погулять, пощипать траву вдоль дорожки.

Как-то смотрим, один, что попроворнее, — раз, к нам под ворота нырнул и — к винограду.

Я на него:

— Куда?! А ну давай отсюда!

А сама гусей с детства боюсь. Давным-давно меня, пятилетнюю, гусак погонял.

Иван распахнул ворота, машет, подгоняет к выходу пришель-

ца. Не тут-то было! Птица — ко мне. У меня в руках пустое ведро оказалось, я им замахиваюсь на гуся, тот — бежать. Я его ведром к сетке заборной прижала, а взять боюсь. Гусь блажит, истинно потерпевший. Иван ворота придерживает, кричит:

— Давай его сюда!

Ага! Давай!

И тут Юлька выскакивает опретью из своего двора, нагишом, на бегу поясняет:

— Я потому голая, что купаться собралась. Сейчас я его!..

Хватает гуся за крылья и тащит впереди себя домой. Тот гогочет, вырывается, но малая крепко держит, только возле своей калитки выпустила:

— Иди уже!

А гусь и рад, ринулся со страху в загородку, натерпелся бе-долага!..

И собратья его, всполошённые: «Га-га-га! Возмутительно! Никакой демократии!..»

...Юлька газон наш прореживает, зелень через забор бросает своим ненасытным «лапчатым», а сама приговаривает:

— Поработаем и будем обедать. Я жрать хочу!

— Ты хотела сказать «кушать», — поправляю я.

Девчушка — ни да, ни нет. Смотрит удивлённо: почему у них так говорят, а у нас это неправильно.

... Юлька, при той нужде, в которой прозябала семья, могла бы и не появиться на свет. Старшей Леночке уже было десять лет. Но пообещало государство выплачивать материнский капитал за второго ребёнка, и сорокалетняя, задёрганная жизнью Катерина, родила Юльку. Может, рассчитывала с помощью «дармовых» денег выкупить у хозяев домишко?

Как-то так случилось, что Катерина не попала мне на глаза беременной. И вдруг — во дворе у них пелёнки висят!

Когда я впервые увидела полугодовалую девчушку на руках у отца, я прямо умилилась — такой славный, красивенький это был ребёнок. Белолицая, с круглыми розовыми щёчками, с

тёмно-каштановыми кудряшками — ангел, а не человеческий детёныш.

Через год Юлька, загорелая, голопузая, уже бегала по участку босиком. В обязанности Леночки входило присматривать за сестрёнкой, но делала это нянька без охоты, и шустрая Юлька лазила по всем закуткам двора, в котором порядка в принципе не бывало. Мать, чаще всего, на работе, Витёк — то спал с перепую, то где-то шатался.

Я ужасалась, когда видела, как малышка, босая, забиралась на кучу мусора, среди которого попадалось и битое стекло, и заглядывала к нам через сетку.

— Слезь! — в панике кричала я. — Порезешь ножки!

Но она в недоумении смотрела и не отходила, ждала, когда я протяну ей через забор что-нибудь вкусненькое.

Долгое время почти не говорила. На нас поглядывала с опаской и любопытством. Спросишь что-нибудь — молчит.

Теперь-то она болтает безумолку, всё знает, всех поучает и, если приходится, отчаянно спорит с соседями. У неё доступ на все близлежащие сады, хозяев она знает по именам, подгадывает свой «визит» к обеду или к чаю и в накладе никогда не остаётся...

Когда начинаю накрывать на стол, Юлька бдительно следит за моими движениями. Глазки рыжие, плутоватые, как тараканчики.

— Для меня тарелку взяла? — придирчиво спрашивает она, когда разогретая еда благоухает на столе.

Я внутренне поражаюсь её хваткости: такая не пропадёт! Она уже с ложкой за столом.

— Надо тебе учиться считать, — говорю я. Накладываю в тарелку мужу, потом ей — мясо, овощи, жареное яйцо.

Гостья принимается обстоятельно есть, пускается в рассуждения:

— У нас ничего нет. Еды нет никакой. Папке на бутылку хватает, а на мороженое ребёнку — нет.

Я молчу. Наверное, Юлька повторяет слова матери. Вчера вече-

ром у соседей был скандал. Витёк матерился, Катерина кричала, что у неё нет денег.

— Вкусно приготовила, — хвалит Юлька и вылезает из-за стола.

— Спасибо, — подсказывает ей Иван, но она уже несётся к соседям напротив: там подъехали на машине Ольга и Вадик.

— Бабушка Оля! — радостно кричит Юлька.

— Здравствуй, моя хорошая! — обнимает её соседка и увлекает к себе на дачу.

Через полчаса маленькая бестия с рёвом бежит жаловаться.

— Дед водой со шланга ноги мне облил.

— Вадим? Пошутил, что ли?

— Нет. Нарочно. Он плохой.

— Вода холодная? Ты обиделась? — сочувственно спрашиваю я.

Она, насупленная, кивает.

— Ну, иди, поиграй в песочнице, — я достаю игрушки внучек.

Юлька копается в песке. Сделает «пасочку» и лопаткой рассечёт. Бурчит под нос:

— Скажу папке — он его убьёт!

Ого! Заявочка... Или мне послышалось?

— Юля! — кричит с крыльца Лена. — Иди домой!

Малая не откликается.

— Пусть она в песке поиграет! — говорю я старшей. — Или она тебе нужна?

Леночка машет рукой, дескать, кому она там нужна! — и скрывается в доме. Ей уже четырнадцать. Она сильно вытянулась, начала формироваться. У неё свои интересы. По мобильнику всё время звонит какому-то Славику.

Юльке быстро надоедает возиться в песке. Ребёнок нуждается в общении.

Вспомнив, что Ольга объясняла ей, что ко взрослым надо обращаться на «вы», спрашивает:

— А ваш дед что будет делать?

Дитя природы

Иван несёт длинную лестницу в конец сада.

— Какой дед? — как будто не понимаю я.

— Ну, твой дед!..

— Дедушка Ваня?

Юлька Ивана побаивается.

— Да, Ваня.

— Это ты у него сама спроси.

Юлька молчит, потом, ни с того, ни с сего выдаёт:

— Мама тебя не любит.

— Почему?

Юлька соображает, что сболтнула лишнее, уводит разговор в сторону:

— А тебя Алёнка любит?

— Любит. И я её люблю.

— А меня мама любит. Кого ж ей ещё любить? — вздыхает она. — Меня и любит.

Я думаю о нечаянных словах Юльки. С чего она сделала вывод, что Катерина меня не любит? А с чего ей меня любить?

У меня всё есть: семья, муж — непьющий, дети взрослые, самостоятельные, престижная работа, свой дом.

Машинально перехожу к малине. Зимой она подмёрзла, долго болела, и вот начала отходить, появились первые ягоды.

«Хорошо, — прикидываю я. — С горсточку наберётся, порадуя Алёнку».

Юлька замечает ягоды.

— Хочу малины! Можно?

— А у вас своей что же, нету?

— Нет, — мотает головой.

— Ну, бери, — вздыхаю, — кушай!

В самом деле, Алёнке в следующий раз привезу...

Вот и вечер. Готовимся уезжать домой. Я собрала остатки еды, спрашиваю у Юльки:

— У вас же есть щенок? Вот ему...

— Шарик? Его папка убил. Был пьяный и убил, чтоб не таял. Он всех бьёт: и меня, и маму, и Лену. У Лены с шеи цепочку сорвал и выбросил.

Заметив ужас в моих глазах, успокаивает:

— Да ничего! Лена уже новую цепочку себе купила.

Я отворачиваюсь и вижу: мимо нашего сада идёт Катерина, голову склонила, как пристыженная, тащит тяжеленные сумки для гусей. А спина — ровная, будто доска, в мою сторону не смотрит.

Я говорю тихо:

— Глянь, кто...

Юлька оборачивается.

— Mamочка! Моя мамочка приехала! — и мчится за ней, не разбирая дороги.

Я задумчиво смотрю ей вслед. Ей только четыре, а она уже личность. Бесстрашная, хитрая, напористая, уверенная в себе. Она набирается ума в среде, где слабые и вежливые не выживают. Этот ребёнок интуитивно чувствует, что цепляться за жизнь надо уметь самому, не рассчитывая на чью-то поддержку.

Пройдёт несколько лет, и она в любом коллективе даст сто очков вперёд изнеженным благовоспитанным городским детям.

Юла

Эта была необыкновенно красивая юла.

Если нажимать витой серебристый стержень с хрустальным искрящимся шариком-ручкой сверху, юла сначала медленно, потом быстрее начинала вращаться и всё ярче светиться изнутри. Маленькие белые в яблоках лошадки под прозрачным куполом разгонялись по кругу, огибая изумрудную ёлочку в центре, и крохотные колокольчики принимались дилинькать свою сказочную, очень нежную мелодию.

Шурочка ложилась на пол и рассматривала завораживающий игрушечный цирк, величиной не больше арбуза, любовалась лакированными весёлыми лошадками, огоньками на пушистой ёлочке, красочным ковриком на «арене».

Когда у Шурочки родился братик Славик, её душа целый день кружилась и звенела колокольчиками, будто её любимая юла. А ночью она долго не могла уснуть, всё представляла, какой братик маленький, хорошенький, и как она будет его нянчить.

На следующий день они с папой Серёжей пошли проведать маму и Славика в больнице. Мама, осторожно поднимая братика, показывала его из окошка на первом этаже и лучилась от счастья. Может, это солнышко играло в её глазах, может, белая косынка была ей к лицу, но Шурочка навсегда запомнила такую радостную улыбающуюся маму. И папа Серёжа кричал ей какие-то смешные слова и вёл себя как мальчишка.

Славик был малюсенький, сморщенный, красный, совсем не такой, как приснился ночью.

Дома с папой Серёжей они устроили уголок для Славика: достали и привели в порядок кроватку, в которой раньше спала Шурочка, положили новый в ярких мячиках матрасик, перемы-

ли погремушки и резиновые уточки, погладили пелёнки, распашонки. Рядом с кроваткой поставили столик с присыпками, бутылочками и градусником.

Особенно старалась шестилетняя Шурочка.

— Надо, чтобы Славику у нас понравилось, — рассуждала она, подражая маминой манере говорить.

В день, когда маму с братиком выписывали из больницы, все были очень возбуждены, суетились, громко разговаривали: и папа Серёжа, и бабушка Тома, и сама Шурочка. Для мамы приготовили красивый букет роз, а для Славика огромный пакет с «приданым» — так сказала бабушка Тома. Шурочке стало интересно, что так называется, и она заглянула в пакет, когда взрослые вышли из комнаты. В пакете были просто пелёнки, чепчики и распашонки, которые гладили они с папой Серёжей, и ещё голубое атласное одеяльце с белыми кружевами.

Тут вернулась бабушка Тома и напустилась на Шурочку:

— Ты чего туда полезла?! Всё перевероришила! Это для маленького.

Девочка насупилась:

— И ничего я не ворошила, только заглянула разок...

— Шура! Ты ещё не в куртке! Такси приехало! — влетел в комнату папа Серёжа. — Одевайся.

Он одним махом застегнул ей молнию на курточке, подхватил пакет с вещами новорожденного:

— Живо в машину!

Бабушка Тома взяла цветы, и все вместе вышли из дома.

Раньше у Шурочки был просто папа. Только она его почти не помнит. Он ушёл от них, когда ей было три года.

Пока не было папы Серёжи, они с мамой жили плохо. Когда Шурочка просила киндер-сюрприз или игрушку, мама всегда говорила:

— Нет денег, — а она не понимала, почему мама говорит «нет

денег», если в кошельке у неё лежит несколько цветных бумажек, которые люди называют деньгами.

Когда не было папы Серёжи, они ели всё невкусное: кашу без мяса или макароны. Мама часто сердилась и плакала. Несколько раз приезжал папа. Шурочка забиралась к нему на колени, и он давал ей кулёк конфет. Она помнит его немного колючие щёки и большие ладони с красивым кольцом на одном пальце.

С мамой они о чём-то спорили. Однажды мама сказала:

— Ты так редко приходишь, что дочка стала забывать тебя.

— И правильно. Пусть отвыкает, — спокойно ответил отец. — Выйдешь замуж — её другой воспитывать будет. А мы с Мариной скоро совсем уедем.

Тогда Шурочка ничего не поняла. Почему папа уезжает и не хочет взять их с мамой?

Под Новый год папа пришёл к ним последний раз и подарил юлу, а маме дал денег.

А потом появился дядя Серёжа, и ей сказали, чтобы она звала его папой.

Шурочке было уже пять лет, и она сама хотела, чтоб у мамы завёлся муж. Мамин друг был весёлый, покупал бублики и шоколадки, и она согласилась называть его «папа Серёжа», чтобы не путать с первым папой.

Славик рос медленно. Сначала Шурочке очень хотелось с ним поиграть. Но братик то спал, то кричал, то «кормился от мамы».

Зато на прогулку всегда выходили вместе, и ей, как старшей сестре, разрешалось катать коляску сколько угодно. Братик засыпал на воздухе почти сразу. Мама садилась в тени на лавочку с соседкой тётей Соней и вязала для Славика ползунки или шапочку, а Шурочке надо было возить коляску взад-вперёд по дорожке.

Самое интересное, когда его купали в ванночке. Мама завора-

чивала Славика в тонкую пелёнку и опускала в тёплую водичку. Малыш так смешно замирал, будто к чему-то прислушивался, ротик округлялся в колечко, а глазки становились большими и удивлёнными, вроде он хотел спросить: «Ой! Что это такое?» Мама и папа Серёжа переглядывались и по-доброму посмеивались.

— Серёжа, держи, держи ему головку, чтоб вода в ушки не попала! — беспокоилась мама. Шурочке тоже хотелось помогать маме купать Славика. Она зачерпнула в ладошку воды и плеснула на маленького. Брызги нечаянно полетели ему в личико. Славик поморщился, но не заплакал, а Шурочка испугалась, что её сейчас отругают.

— Шура, — папа Серёжа строго обернулся. — Выйди из ванной. Тут и без тебя тесно.

Она пошла в детскую и завела свою подружку — юлу. Размеренно бежали лошадки по кругу, тонко и жалобно пели колокольчики, и загадочный свет внутри купола манил её куда-то так, что щемило в груди.

«Хорошо бы стать маленькой, как Дюймовочка, — думала Шурочка, — и покататься вот на этой, с голубой гривой, или на коньке с золотым седлом...»

Днём малыш спал очень чутко, и старшая сестра первое время не могла привыкнуть, что нельзя прыгать и громко говорить, нельзя включать мультики, а выходить из комнаты надо так осторожно, чтобы не заскрипела дверь.

Вот и теперь... Славик спал. Шурочка рисовала синичку на ветке, а хвостик у птички никак не получался. «Художница» потянулась за резинкой, задела ножницы, и они со звоном упали на пол.

Малыш вздрогнул и зашёлся криком, сестра испугалась не меньше его, и, чтобы он замолчал, стала трясти над ним погремушкой. Прибежала мама, схватила братика на руки, и в сердцах повернулась к дочке:

— Ну что ты за растяпа? Тебя просишь, просишь не шуметь!.. Или ты назло делаешь?

Шурочке хотелось лечь и заснуть, чтоб никогда не проснуться. Она прилегла на диван лицом вниз и стала смотреть на палас. На нём был интересный загадочный орнамент. Тёмно-зелёные завитки закручивались в красивый узор, а светло-жёлтые спирали вились рядом, подчёркивая и оттеняя зелёный рисунок. Шурочка стала следить глазами за светлыми полосками, будто пробиралась по лабиринту, но везде натыкалась на зелёный тупик, и она задремала.

Проснувшись от громкого разговора и суеты. Это мама собирала Славика на прогулку.

— Поднимайся, Шурочка. Идём на улицу. Переодень платье, возьми вот это голубое.

Возле магазина они неожиданно встретили давнюю мамину подругу тётю Ларису и её дочку Дашу.

— Привет! — обрадовалась Даша. — Поздравляю тебя с братиком!

Даше уже двенадцать лет. Раньше, ещё до папы Серёжи, тётя Лариса с дочкой часто приходили к ним в гости, и эта девочка очень нравилась Шурочке, потому что была ласковая и умная.

— Какое у тебя красивое платье, к твоим голубым глазам.

Шурочка сама его очень любила. Оно было такое воздушное и нарядное, а если покружиться, юбка надувалась фонариком. Его сшила мама, когда Славика ещё не было.

Шурочка хотела сказать, что у неё новый папа, но постеснялась. Она вдруг услышала приглушённый разговор мамы с подругой.

— Ну как? — спросила тётя Лариса, как-то по-особенному поводя бровями.

— В общем... ничего. Пока держится. Сына обожает.

— А с Шурчонком?

— С ней хорошо. Всё нормально.

— Скоро в школу пойдёшь? — ободряюще обратилась тётя Лариса к Шурочке, заметив, что та внимательно смотрит на мать.

Шурочка кивнула и опустила голову. Она могла бы рассказать, что папа Серёжа купил ей ранец и красивенький пенал, и всё-всё, что нужно для школы, но почему-то не хотелось.

Славик подрастал, и с ним интереснее стало играть. Он уже садился в кроватке, тряс погремушкой, лопотал без умолку: тя-тя-тя, де-дя-дя!

Однажды Шурочка проснулась ночью от того, что все не спали. Горела лампа, свет которой из-под наклонённого абажура слепил глаза. Славик на руках у папы Серёжи капризничал: то хныкал, то начинал громко плакать. Мама готовила лекарство.

— Свет!.. — захныкала Шурочка.

— Отвернись к стенке и спи, — резко сказала мама. — Славик заболел.

— А что с ним? — девочка приподнялась на локте.

— Ничего... Зубки лезут. Температура подскочила. — Она растирала спинку малыша каким-то раствором, а он визжал.

— Что ты ему делаешь? — Шурочка никогда не слышала, чтоб Славик так кричал.

— Тебе сказано: спи, — вмешался папа Серёжа, помогая маме завернуть ребёнка в простынку. Та прижала малыша к себе и стала ходить с ним по комнате, что-то приговаривая ему на ухо. Голос у неё был тревожный и жалобный, будто плохо было ей, а не Славику.

— Славунька, маленький... Солнышко моё...

Шурочке было жалко маму и братика, нестерпимо щипало глаза, и она часто моргала, уткнувшись лбом в подушку. Дышать мешал жар в горле. «Лучше бы я сейчас была маленькой и заболела. Мама бы носила меня на руках и жалела, — думала она. — Славика все любят...»

— Мам... А я... не солнышко? — тихо подала она голос.

— Конечно, и ты солнышко, — мама подошла и положила ладонь Шурочке на голову. — Но ему плохо сейчас, понимаешь? Он маленький, беззащитный. Ему больно.

Было сладостно приятно от слов мамы, от её мимоходной ласки и горько оттого, что она всё равно думает не о ней, а о своём «Славуньке».

«Подумаешь... растут зубы, — размышляла Шурочка. — Когда у меня шатался зуб, мне тоже было больно... Но тогда мама отругала меня, «чтобы не ныла». А Славик уже большой. Скоро девять месяцев».

...На день рождения Шурочке подарили настоящий двухколёсный велосипед. Такого красивого, фиолетового, с никелированными рулём и колёсами, с разными блестящими «штучками» велосипеда не было ни у кого из соседских детей!

Несколько дней подряд по вечерам папа Серёжа водил Шурочку на спортивную площадку, учил её кататься и держать равновесие. Сначала он бегал за велосипедом, поддерживая Шурочку за седло и кричал:

— Смелей! Держи руль! Быстрей педали...

А она и не боялась, потому что поверила: папа Серёжа сильный и не даст ей упасть.

На третий день она ездил уже уверенно, легко делала поворот, садилась на велосипед и прыгивала с него сама, без помощи.

Как-то раз папа Серёжа сказал:

— Ты покатайся, а я в ларёк за сигаретами. Тут рядом.

— Ага! — на ходу откликнулась Шурочка, заходя на новый круг.

Издалека за ней наблюдали мальчишки лет одиннадцати. У двоих из них были скейтборды, а двое стояли просто так, смотрели, как катается девчонка. Им, наверное, тоже хотелось иметь такой велосипед.

А Шурочка перед ними ещё хвастливей крутила педали и

выехала на немного наклонную дорожку. Велосипед разогнался так, что от встречного ветра перехватывало дыхание. Вдруг по той же дорожке пустился за ней мальчишка на скейте. Другие стали кричать:

— Давай, давай! Подсекай её!

Шурочка уже и рада была затормозить, да почему-то не получалось.

— О-ой! — она поняла, что сейчас они столкнутся, сильно зажмурилась и грохнулась на асфальт.

Слёзы боли, обиды брызнули из глаз, а страх за то, что велосипед, такой сверкающий, великолепный велосипед, испорчен, заставил зареветь её во весь голос.

— А ну стой! — услышала она вдруг крик папы Серёжи, увидела, что мальчишки бросились кто куда, но он догнал её обидчика, схватил за шиворот. — Смотри, ещё раз полезешь к ней — ноги повывёртываю!..

Домой шли молча, папа Серёжа вёл «за рога» пострадавший велосипед. Шурочка семенила рядом, боль притихла, а сердечко сжималось от боязливой уважения к папе Серёже, от чувства виноватости и в то же время тайного злорадства, что «плохой мальчишка» получил по заслугам.

С этого дня Шурочка всё чаще говорила вместо «папа Серёжа» просто «папа», особенно, если слышали другие дети: пусть думают, что это её родной отец.

Когда мама уходила куда-нибудь надолго, она просила «посидеть» со Славиком бабушку Тому.

Баба Тома — мать папы Серёжи. У неё короткая шея, а серьги почти до плеч. Когда она говорила, то противно выворачивала нижнюю губу. Со Славиком она была добренькая и сюсюкала с ним.

— У-ти—буси... Коза, коза рогатая, — пырляла она малыша в живот и, когда он хкекал, смеялась и тискала его.

Шурочка недолго любила бабу Тому, потому что она всё время ябедничала.

«Шура непослушная... своенравная», — говорила она маме. Или ещё: «Она хитрая. Ты её вырастила эгоисткой».

Если Славик хныкал, «Короткая шея» заводила ему юлу. Тот прислушивался к серебряным колокольчикам, улыбался и тянул к игрушке ручки. Шурочке было немного обидно, что баба Тома берёт её юлу без спросу, но для братика не жалко.

В этот раз мама ушла в парикмахерскую. Шурочка старалась не попадаться на глаза бабе Томе. Зачем её трогать? Пусть себе укачивает Славика. А он и не думает спать. Мама совсем не так поёт ему колыбельную...

Шурочка взяла альбом с фотографиями, на которых она была маленькой.

Она любила рассматривать эти снимки, потому что в них и папа, и мама, и Шурочка были семьёй.

Захотелось есть... Шурочка положила альбом на место, чтобы мама не сердилась, что она снова брала его, и прошла на кухню. В холодильнике не было ни йогурта, ни шоколадного сырка. Только яйца в лотке.

Она захлопнула дверцу и отошла к окну. Во дворе кот Барсик охотился за воробьями.

Очень есть хочется.

Шурочка подумала, что нет ничего проще, чем поджарить яичницу. Она сто раз видела, как это делает мама. У неё даже слюнки потекли, когда представила, какой она приготовит омлет!

Сковороду — на конфорку... Так. Электроплитка включается легко. Просто повернуть ручку. Теперь надо налить масла. Тоже ничего трудного. Шурочка часто помогала маме на кухне и знала, что где хранится. Яйца она осторожно, хотя и не совсем ловко, разбила в мисочку, плеснула в них молока из пакета и начала взбивать весёлкой.

Так... Что же ещё? Соль или сахар? У мамы всегда такой вкусный омлет. Наверное... сахар.

Шурочка потянула с полки пакет с сахаром, тот лопнул и мелкие белые кристаллики рассыпались по всему полу.

«Теперь точно попадёт!.. – пронеслось у неё в голове. В панике Шурочка схватила веник и стала сметать сахар в совок. – Если быстро убрать, может, не заметят», – в надежде подумала она.

Но тут с криком вбежала баба Тома.

— Откуда чад? Ты что здесь творишь?

Только теперь Шурочка увидела, что масло на сковороде дымит, как костёр с сырыми листьями, а в кухне сизо от тумана.

Баба Тома быстро выключила плиту и раскрыла окно настежь. Потом она стала задавать вопросы: где у Шурочки мозги, и чем она думает? «Короткая шея» так кричала, что проснулся Славик. Она ещё не всё сказала, как пришла подстриженная мама. На её лице замер испуг, потому что слова бабы Тома были слышны даже на улице.

— Что случилось?! — когда мама волновалась, её глаза увеличивались на два или три размера.

— Пусть сама расскажет, что натворила, — взвизгнула «Короткая шея», а губа у неё оттопырилась, как у обезьяны.

— Я хотела сделать омлет, — еле слышно сказала Шурочка.

— Она испортила весь сахар. Её надо как следует наказать!

— Ладно, разберёмся, — хмуро проговорила мама и побежала к Славику, потому что он уже закатывался в крике.

Позже, когда Шурочка сидела в детской комнате и горестно смотрела на неподвижную юлу, мама на кухне громко спорила с бабой Томой.

«Странно, — думала девочка, — я же правда нашкодила, а мама защищает меня... Почему она защищает?»

Шурочка невесело взялась за хрустальный шарик юлы и плавно нажала. Белые лошадки с готовностью тронулись с места. Они будто говорили: «Не переживай! Мы рады тебе! Видишь, как стараемся для тебя!» Уже не было дивного свечения внутри, но колокольчики грустно выводили свою мелодию.

Потом пришёл с работы папа Серёжа. Он был чем-то расстроен и не стал выслушивать жалобы матери и объяснения жены.

Он отвёл Шурочку в сторону и строго сказал:

— Ты понимаешь, что мог бы случиться пожар? И вы бы все сгорели! Что молчишь? Ты виновата?

Она кивнула.

— Не слышу.

— Да.

— Набедокурила— умеи ответить. Стань в угол, лицом к стене. Там сегодня твоё место.

Шурочка с ужасом посмотрела на папу Серёжу. Ещё никто ни разу не ставил её в угол.

— Быстро!

У него было такое лицо, что ослушаться нельзя. Шурочка, дрожа, уткнулась лицом в угол. Такой обиды, такого стыда она не испытывала никогда в жизни. Она ждала, что мама защитит её, ведь доказывала она бабе Томе, что за это наказывать нельзя. Но спиной она чувствовала, что мама отступилась от неё.

Все забыли о ней. Она стояла онемевшая, омертвевшая. Даже слёзы застыли в глазах и не вытекали. Шурочка слышала, как мама рассказывала Славике сказку про Курочку-Рябу. Никто не вспомнил, что она так и не поужинала. Никто не любил её.

Только поздно вечером, когда папа Серёжа уснул, мама выпустила её из угла и посадила на кухне пить молоко.

— Почему же ты молчала, Шура? Надо было попросить прощения.

Шурочка перестала запихивать в рот коржик и посмотрела на мать исподлюбья.

— За что? Я же нечаянно.

Первое сентября был пасмурный день. Ничем особенным он Шурочке не запомнился. Мама взяла с собой Славика, потому что его не с кем было оставить. Он не хотел сидеть в коляске,

просился на землю. Мама пробегала за ним всю торжественную часть и не увидела, как поздравляли первоклассников. Потом детей строем повели в классы. Школа была старая, и пахло в ней старым. Шурочку посадили с незнакомым мальчиком. В первый же день он отнял у неё точилку для карандашей.

С учёбой не заладилось. И хотя Шурочка уже умела читать и немного считать, успехи были посредственные. В тетрадках на каждой странице было написано красной ручкой: «Пиши аккуратно!» «Не спеши!» «Старайся!» А разве она не старалась? Вообще, учительница Алла Антоновна любила писать в дневнике разные письма для родителей. «Жевала на уроке», — было написано в понедельник. «Смотрела в окно на математике», — во вторник. «Опоздала с перемены», — красовалось в четверг. А в пятницу Алла Антоновна написала с тремя восклицательными знаками: «Принесла на урок ящерицу!!!»

А куда же ей её нести? Она встретила это изумрудное чудо по дороге в школу. Просто Шурочка думала, что ящерка не сможет выбраться из ранца, но шустрячка перебежала прямо с парты на учительский стол. Наверное, Алла Антоновна испугалась до смерти, потому что вскочила и закричала так, будто на неё сейчас приземлится самолёт.

За каждую надпись дома устраивали ученице «проработку».

Мама быстро научилась кричать на Шурочку каждый день. А Славика она совсем не ругала. Даже когда он в школьной тетради всю страницу каракулями исписал, ему — ничего, а ученице — подзатыльник: не бросай! Да ещё мама заставила всё переписывать.

Шурочка писала и думала: «А может Славик один у мамы родной? А меня в «Доме ребёнка» взяли? Разве можно кричать такие слова, если любишь? Всё «Славик, Славунька»! А он вредней и вредней становится. Чуть что — на пол падает, орёт, ногами стучит. И всегда своего добивается».

Нет, не то, чтобы Шурочка перестала братика любить, а просто неправильно и обидно, когда один за другого вечно виноватый.

Юла

Папа Серёжа тоже любил одного Славика и всё ему разрешал. А с Шурочкой разговаривал только, когда надо было поругать.

...В начале мая вдруг приехал папа. Настоящий, о котором Шурочка почти не вспоминала. Он взял её у мамы, и они целый день гуляли в парке, катались на всех каруселях. А потом пошли в детское кафе, и ели такие сладости, каких Шурочка никогда не пробовала. Папа теперь жил в Звенигороде со своей новой женой Мариной, и у него всё было хорошо. Только детей не было, и он сказал маме, наверное, не будет. Поэтому он подумал про Шурочку и приехал. И ещё будет приезжать.

Она потом долго вспоминала этот день с папой.

Скоро будут летние каникулы. Это самые большие каникулы для детей, чтобы они отдыхали от школы.

Мама пошла мыть чей-то подъезд. Она часто мыла чужие подъезды, чтобы у них в семье было больше денег. Шурочка разучивала стихотворение, что им задала Алла Антоновна. Ещё надо было присматривать за братиком, потому что папа Серёжа задерживался на работе. Славик играл в соседней комнате. Стихотворение никак не заучивалось.

*«Травка зеленеет,
Солнышко блестит.
Ласточка с весною
В сени к нам летит...»*

Шурочка вспомнила, что в школе с ней за партой сидел мальчик Сеня. Он её все время толкал под локоть, и у неё в тетрадке получались закорючки.

*«... ласточка с весною
В сени к нам летит».*

Славик чем-то стучал по полу.

*«С нею солнце краше
И весна милей...
Проще-бечь... Прощебечь с дороги...»*

Шурочка посмотрела в окно. Там с криком носились стрижи. Она задумалась. «Интересно, а чем отличаются ласточки от стрижей?»

Славик перестал стучать и притих. Если он затаился, значит, делает шкоду.

Шурочка потихоньку заглянула в детскую.

Славка сидел на полу, пред ним лежала расколотая на две части юла, и он, сопя, выдирал из «арены» белых лошадок.

У Шурочки потемнело в глазах.

— Ты что делаешь! — закричала она, не помня себя. Она упала на колени, вырвала у Славки из рук остатки игрушки и, рыдая, стала прилаживать прозрачный купол. Но согнутый серебряный стержень не входил в гнездо, а стеклянный колпак висел скособочено.

Горе Шурочки было таким большим, что не вмещалось в ней. Славка сначала заорал, лишившись забавы, но испугался слёз сестры и застыл с открытым ртом.

— Ты... ты, — она, задыхаясь, сжала кулачки. Что бы только она не сделала с ним сейчас, с этим тупым капризным бараном! — Ты будешь стоять вот здесь, в углу! — она потащила тяжеленного, упирающегося и визжащего Славку к простенку за кроватью. — Попробуй только выйти! Я тебе такого всыплю!

Но карапуз с истошным воплем вырывался.

— Не-ет! — сцепив зубы, шипела Шурочка. — Ты будешь стоять! — она схватила свой поясок от школьной формы и стала привязывать братишку к спинке кровати.

В запальчивости и от Славкиного ора она не услышала, как хлопнула входная дверь, и за спиной у неё появился папа Серёжа.

Он рывком развернул Шурочку и, схватив её за горло, потрянул так, что у неё клацнули зубы. В ярости он не мог выговорить не слова.

От неожиданности, от ужаса, что у неё сейчас кончится воздух, Шурочка сдавленно закричала.

— Как... ты... посмела... поднять на него руку?! — с трудом справляясь с собой, зарокотал над ней отчим. От него пахло вином. Он оттолкнул Шурочку от себя и взял на руки дрожащего Славку.

Еле добралась Шурочка до чулана и затихла там. Мир рухнул в её сознании. Она слышала, как вернулась мама, а отчим пошёл в ванную и включил душ. Начинаясь любимый мамин сериал, и на целый час она приклеится к телевизору.

Шурочка неслышно пробралась в детскую, нашла свои деньги, которые она «наколядовала» в Рождество по соседям и тихо вышла из дома.

На улице было тепло и пусто. Люди разошлись по домам, ужинали, смотрели телевизор.

Вокзал был недалеко. Шурочка направилась к нему пешком. Она берегла деньги для билета на поезд до красивого города Звенигород. Наверное, там радостная счастливая жизнь, светят яркие огни и звенят серебряные колокольчики, как в её необыкновенной юле. Там живёт её родной папа. Жилин Геннадий Иванович.

Запоздалое письмо

Резким порывом ветра распахнуло форточку. Сырой, не по сезону холодный поток воздуха по-хозяйски прошёлся по комнате, подкрался сзади к склонившейся над письменным столом хрупкой женщине, обнял за плечи. Она поёжилась, запахивая на груди наброшенный шерстяной платок. Было начало осени, ещё не топили.

— Аня, что-то сквозняком потянуло, — послышался из соседней комнаты недовольный голос мужа.

Анна отложила тетрадь с планом урока на завтра, встала, подошла к окну, протянула руку закрыть форточку и застыла. Опять та же картина. Лена и Наташа гуляли во дворе с Машенькой. Все трое худенькие, неопрятные, в каких-то обносках. Старшие вели малышку за ручки, и та едва ковыляла по тронутой слякотью дорожке в своих прохудившихся ботиночках.

Сердце заняло от жалости и безнадежности.

— Лена! — крикнула Анна в открытую форточку. — Веди девочек к нам!

Семилетняя Лена с радостью потянула младших сестрёнок в подъезд.

Анна встретила гостей в прихожей, помогла снять ветхие пальтишки, разуться.

— Ну-ка, марш в ванную мыть руки и — на кухню! — нарочито бодрым голосом скомандовала она.

Лена потупилась.

— Папа не разрешает нам у вас кушать, — нерешительно сказала она.

— Вот ещё... Вы и не кушаете вовсе. Я просто угощаю.

А пятилетняя Наташа уже тащила в ванную безропотную Машеньку.

За кухонным столом Анна с болью наблюдала, как старшенькие торопливо загалкивают в рот пирожки с рисом и печенкой, которые напекла она на скорую руку сегодня утром.

— Молоком, молоком запивайте, — Анна подвинула поближе чашки.

Машеньку она кормила отдельно, усадив на колени: из-за «заячьей» губы малютки процесс питания был затруднён.

Это невесомое создание с таким явным уродством на лице была её родная племянница, дочка младшего брата Мити.

Четыре года назад Анна с мужем и сыном Володей перебрались в эту двухкомнатную квартиру в новой пятиэтажке. Митя помогал им обустраиваться и частенько забегал к ним.

Когда он заприметил эту беспутную вертихвостку Лариску из соседнего подъезда, чем она его, в общем, серьёзного и сдержанного парня, взяла — уму непостижимо!

Хотя, что уж там... Понятно, чем. Красотой своей бесстыдной да доступностью. Красивая она, бестия! Той смачной бабьей притягательностью, мимо которой равнодушно не пройдет ни мужик, ни женщина.

Вот и Митя не прошёл. Пополнил и без того немалый рой разномастных поклонников, добивавшихся, каждый по-своему, Ларискиной благосклонности.

Даром, что на шесть лет старше его. И двое детей неизвестно от кого. Наташа тогда только ходить училась. А самому Мите двадцать один всего. Месяца два как из армии пришёл. Да, видно, подоспел как раз для бабьей ласки.

Забрала его любовь не на шутку. И как только Анна с мужем его не отговаривали! Ведь тогда уже тащился за Лариской хвост порочной славы падкой на соблазны женщины и никчемной матери. Говорили, что из-за неё отец Леночки повесился. А другого своего сожителя, от которого Наташку прижила, будто бы Лариска на тюремные нары спровадила.

— Митя, одумайся, — заклинала Анна. — Ты так молод.

Встретится тебе ещё достойная девушка, поверь. С этой шалавой тебе жизни не будет!

Куда там! У Мити неожиданно обнаружился такой неуступчивый нрав, что Анна отчаялась что-либо изменить.

Да, по совести сказать, и Лариска в ту пору присмирела и, вроде бы, ответила на чувства Мити, а, может, ухватилась за него, как за спасительную соломинку. И зажили они поначалу ладно, расписались, честь по чести. Машенька родилась. Да не на счастье, видать, появилась она на белый свет, а на лихую долюшку, безрадостную. Заячья ли губа тому виной, или жизнь неудалая, беспросветная ее родителей, но не познала Машенька ни материнской нежности, ни отцовской заботы.

Не сравнялось малышке и полгода, как забурилась снова Лариска, пустилась в разгул с отчаянной циничностью, будто вызов бросила, будто выставила на публичный позор, поругание несостоятельную Митину любовь.

Ополоумел брат, озлился, стал попивать. А ведь какой умница был! Мастер-краснодеревщик. Не руки — золото. Сам извёлся, Лариску замордовал. А та, вся в синяках, а блудит пуще прежнего. Неделями, бывало, где-то пропадала. Дети голодные, неухоженные.

Сколько раз Анна их к себе забирала, хотя и сами достатка не видели: муж — инвалид, сын — подросток. На её учительскую зарплату здорово не разживёшься. А невинных крох жалко — хоть белугой вой!

Выкупает их, накормит, обстирает. Тут Лариска заявляется, чаще всего в подпитии. Наорёт на них, домой загонит. Анне гадостей наговорит.

— Брось ты её, Митя, — увещевала брата Анна. — Ты же видишь, не будет толку... Бери Машеньку и уходи. Ей операцию делать надо. Упустите девчонку-то!..

А тот, хоть зубами скрипит, а не отступается. Точно приворожённый.

— Не лезь... — говорит. — Сами разберёмся.

Как же! Доразбирались уже. Пьют теперь оба беспробудно. А дети никому не нужны. Анна тяжело вздохнула, спуская с колен насытившуюся Машеньку.

— Ну, идите теперь телевизор посмотрите, — предложила девочкам. — Только не шумите, дядя Коля отдыхает.

— Нет, тётя Аня. Мы пойдём. А то папка хватится нас — заругает.

Анна знала, что это правда, и не удерживала племянниц. Отношения с братом были натянутыми. Может и неосознанно, но, должно быть, стыдились Митя и его жена, что не могут прокормить и обиходить собственных детей и срывали на девочках свою злость за то, что им лучше у тетки, чем в родном доме.

За пьянство Митю уволили с работы. А Лариска никогда толком и не работала. Окрутила их нужда крайняя, беспредельная. Другой раз и куска хлеба у них было не отыскать. Но что железно — на выпивку деньги они как-то находили. Жили на детские пособия да перебивались случайными Митиными заработками.

Чтобы не выселили их из квартиры, Анне не раз приходилось оплачивать им коммунальные.

Николай протестовал:

— Не делай этого. Так они вовсе тебе на шею сядут. Женился, взял на себя ответственность — пусть и тянет. У нас своих проблем выше крыши.

Что тут скажешь? Прав муж.

Да ведь и они не чужие! Как можно закрыть глаза на то, что родной тебе человек катится в пропасть? Как можно отмахнуться от голодных, больных, брошенных детей?

Анна металась в поисках выхода и не видела его.

Наташа к тому времени стала ходить в первый класс. Как дети из малообеспеченной семьи, они с Леной хоть в школе бесплатные обеды получали. А трёхлетняя Машенька и вовсе оказалась на самовыживании.

Как-то в конце зимы донесли Анне соседи, что «родственнички» опять в запой ударились, неделю на улице носа не кажут.

Пошла проведать. Дверь не заперта. Старших дочек нет — видно в школе. Сами спят вповалку, пьяные в хлам.

Грязь, кавардак. Заглянула в кухню. Немытой посуды — Вавилон! Машенька по заскорузлomu полу ползает, где-то корку засохшую нашла, грызть пытается. В штанишки уже не один раз обмаралась.

Схватила её Анна, в ванную отнесла, моет, слёзы с носа каплют — не удержать.

Вещицек чистых не нашла. В полотенце несвежее завернула, сверху — в драненькое одеяльце и домой к себе принесла. Родители безмозглые и ухом не повели. Дней через пять только кинулись. Когда Анна Машеньку отмыла, откормила, платица да колготки купила. Прибежала Лариска и с порога кричать-обвинять:

— Ты у меня ребёнка украла! Ты ещё за это ответишь!

Выхватила у Анны из рук Машеньку, та аж зашлась в крике. Тут уж Анна не сдержалась, выплеснула всё, что на душе накопило. В самый разгар скандала Митя появился. Забрал своих и ушёл, хлопнув дверью.

С Анной — истерика. Еле Николай с Володей успокоили, каплями отпоили.

Анна старше Мити на семнадцать лет. После Анны у их матери долго не было детей, думали и не будет больше. И вот, когда уже и не ждали, почти в сорок пять лет, забеременела она Митей.

Мальчик родился слабый, болезненный, но такой хорошенький, такой смышлённый, что не любить его было невозможно. Все баловали его без меры.

В буфете педучилища, в котором Анна тогда училась, каждый день она покупала что-нибудь вкусненькое, но сама не ела, несла братишке. Митя рос тихим, непритязательным.

Но случилась беда. Когда Митеньке исполнилось четыре года, неожиданно умерла мама. Отец по роду службы постоянно был

в разъездах, и забота о воспитании брата легла на Анины плечи. А вскоре отец нашёл женщину в другом городе и уехал к ней. Последняя его любовь на склоне лет вспыхнула в сердце с такой силой, что затмила всю предыдущую жизнь, и оставил он своих детей без помощи и поддержки.

Анна была для Мити и сестрой, и мамой, и воспитательницей, и учительницей. Ее усилиями их маленькая семья стала такой цельной и крепкой, что не могло быть речи не только о разногласиях между братом и сестрой, а даже о недопонимании. Из-за боязни обделить Митю своим вниманием и любовью Анна и замуж вышла уже после тридцати.

Когда у брата обнаружили склонности к рисованию и художественной резьбе по дереву, Анна с энтузиазмом поощряла его увлечение, добилась, чтобы он поступил в художественное училище, была инициатором и вдохновителем его первых выставок.

Парня заметили. Появились дипломы за призовые места, многообещающие предложения.

А потом... Армия и эта, так некстати захватившая его, разрушительная любовь.

Прошло два года. Сказать, что жизнь стала ещё труднее — ничего не сказать. Страну корёжила перестройка.

Машенька в свои пять лет разговаривала очень плохо; все шипящие и прочие звуки сливались у неё в какой-то неразборчивый гнусавый клёкот. Мало кто понимал этот лепет. Дети сторонились её. Взрослые смотрели на неё с состраданием и плохо скрываемым суеверным страхом: не дай Бог такого!

Девочку давно пора было прооперировать. Анна знала, что такие операции сейчас делают так искусно, что шрам почти не заметен. При этом значительно улучшается дикция. А если упорно заниматься с ребёнком, можно всё исправить. Но на операцию нужны деньги, и ехать надо в краевой центр. Разве до этого было Машенькиным родителям, не выползающим из похмельной одури?

...В тот вечер Анна читала Машеньке сказки, и малышка, прижавшись к её плечу, внимательно слушала. Мите подвернулась «шабашка» где-то в посёлке за городом. Лариска уже четвёртый день домой не появлялась, и Анна в очередной раз взяла девочку к себе. Читала она почти машинально, то и дело, уносясь мыслями далеко от героини сказки — хлопотливой умелицы уточки — хромоножки, которая, когда надо, превращалась в умную и работающую девушку.

В какой-то момент Анна смолкла и тяжело задумалась. Машенька терпеливо ждала, посматривая на неё, потом повернула ладошками к себе тёткино лицо и, с беспокойством заглядывая ей в глаза, спросила:

— Ты устала?

Анна отрицательно покачала головой и, привлекая девочку к себе, неожиданно проговорила, едва сдерживая нахлынувшую нежность:

— Машенька, а ты хотела бы остаться у нас навсегда?

Малышка вскочила, не веря своим ушам, и залепетала горячо и торопливо:

— А так можно, тётя Аня, можно? Я очень хочу! Тёточка Анечка, разрешите мне у вас жить! — и заплакала, повиснув на шее Анны.

Испуганная, та уже и не рада была, что затронула эту тему. Далеко не скоро удалось ей успокоить разволнованную девочку.

Позже, когда они улеглись спать, Машенька всё не засыпала и мечтательно бормотала, как хорошо они будут жить, и как она будет слушаться свою родненькую тётю Аню, а от мамки и папки уедут куда-нибудь далеко-далеко, чтоб они не нашли. И она, Машенька, будет помогать своей тёточке Анечке и научиться всё-всё делать, как «Крошечка-Хаврошечка».

Во сне Машенька то плакала, то смеялась. Анна, у которой давно зрело решение взять над племянницей опеку, мучи-

тельно соображала, как уговорить на этот шаг мужа и сына, а, главное, убедить брата? Как защитить ребёнка от непредсказуемой психопатки-матери?

Забылась она только под утро с твёрдым решением стоять на своём до конца.

— Мама, ты скажи, зачем тебе это надо? — кричал Володька. Ему было пятнадцать — самый пик юношеского максимализма. — Ты хочешь получить лишнюю головную боль?

Анна молчала.

— Её надо лечить. У тебя есть много денег?

— Я возьму ещё учеников...

— А как ты выдержишь нападки её «закалдыренных» предков?

— Володя!..

— А документы? Ты думаешь, их сделать так просто? Да *эти*, — он ткнул энергичным жестом в сторону Митиной квартиры, — тебя засудят!

— Правда, Аня, ты подумай, — вмешался в разговор муж. — Ведь надо вырастить. Дать образование. А мы не молоды. И не очень здоровы...

— Коля, я подумала. Ну, постарайтесь меня понять! Ребенок погибает. Разве вы этого не видите? Ну, что тут можно обсуждать?!

...И началась многомесячная изнуряющая тяжба, борьба за ребёнка. Анна настырно ходила по инстанциям, доказывая умным чиновникам прописную истину, что родители-алкоголики не способны воспитывать детей. Собирала миллион справок о своём семейном положении и здоровье, о заработке и жилищных условиях. Она обошла почти всех соседей, умоляя подписать её заявление.

Бюрократическая телега нехотя и со скрипом стронулась с места, но все же она двигалась!

Машеньке уже было шесть лет, когда, наконец, бумажная волокита завершилась, к великому облегчению всей семьи.

В краевой детской клинике, куда первым делом привезла Анна Машеньку, немолодой доктор сказал ей:

—Что же вы так затянули, мамочка? Время упущено. Мы, конечно, сделаем девочке операцию, но полного успеха не гарантируем. Жаль, очень жаль, — добавил он, задумчиво смотря сквозь Машеньку. — Будущая девушка, все-таки...

И Анна платила, и просила, и снова платила...

Вернулась она домой совсем с другой Машенькой. Хирурги-косметологи постарались.

Но самое трудное было впереди: упорные ежедневные занятия с логопедом, кропотливая работа над дикцией. Через год Машеньке предстояло идти в школу.

На семейном совете решили, что настал момент перебраться на другое место жительства, дабы оградить себя от притязаний неблагополучных родителей Машеньки.

Володя уехал поступать в институт в южный город, и Анна, оперативно продав имущество, с мужем и Машенькой, подалась за сыном.

На недюжинные деньги купили жактовское жильё с частичными удобствами и клочком земли.

Жили дружно. Анна устроилась воспитательницей в дом ребёнка. Володя тянул в институте на повышенную стипендию. Машеньку отдали в первый класс. Отец, по мере сил, хлопотал по хозяйству. Жизнь вошла в спокойное русло. Обзаводились новыми знакомствами, друзьями.

Машенька давно называла Анну мамой, да и Анна осознавала её доченькой, родной кровинушкой.

Росла она послушной девочкой, доброй и отзывчивой. Дефект ее речи уже не резал слух, как раньше, хотя Машенька, повзрослев, стеснялась этого недостатка. Сверстники относились к ней по-доброму, но близких друзей не было, что немного огорчало Анну.

Оставшиеся в родном городе приятели семьи изредка писали им о Мите. Похоже, он взялся за ум, организовал небольшую мастерскую. Деревянные полочки, рамы для зеркал и картин, кухонные наборы, сделанные его руками, были оригинальны и необыкновенно красивы. Разбирали все моментально. Благо, леса в тех местах предостаточно.

Лариска стала прихварывать, бросила пить, да и куролесила поменьше. Леночка вышла замуж и уехала. Наташа училась в техникуме.

Анна несколько раз писала Мите, но ответа не получила. Видно, глубоко проела горечь обид его душу.

В этот день у Машеньки был первый выпускной экзамен, девятый класс, математика. И хотя семейно решили, что Машенька пойдёт в десятый, её волнение передалось всем домочадцам.

Анна утром торопилась на рынок за цветами. Проходя мимо своего почтового ящика, заметила в нём белый конверт. Глянула на обратный адрес и обомлела: от Мити. Но предназначалось письмо лично Машеньке. Болезненно затрепетало сердце, но Анна нашла в себе силы положить письмо обратно в почтовый ящик.

Машинально бредя на рынок, Анна с тревогой прикидывала, о чем мог написать Митя дочери. Может, что случилось...

«Володя уже должен был выйти на работу в институт. У него сегодня первая пара, — думала Анна. Значит, обнаружил письмо и отдал Машеньке. Господи, что ж там?..»

Анна сама не могла понять, чего она так испугалась. Бережно прижимая к себе купленный букет, она шла, не видя дороги, то и дело спотыкаясь. Ноги не несли. Добравшись до подъезда, перевела дыхание.

Надо взять себя в руки. Машенька не должна заметить её смятение.

Письма в почтовом ящике не было. Вот и всё...

Что «всё»? Анна не знала. Но почему так вспотели руки, отчего так колотится сердце?..

Открыв дверь, Анна сразу прошла на кухню. Потянувшись за вазоном на верхнюю полку, спиной почувствовала, что вошла Машенька.

— Мама...

Анна, не оборачиваясь, наливала из крана воду в вазон. Напряжение сковало всё её существо.

— Мне... папа письмо написал...

— Отлично! — расправляя в вазоне белые розы, Анна пыталась придать голосу непринуждённость. — Что пишет?

— Да так... — голос Машеньки дрогнул. Анна, наконец, взглянула на нее. В глазах дочери стояли слёзы. — К себе зовёт...

Почувствовав отвратительную слабость в ногах, Анна медленно опустилась на стул.

Молчала.

— Мамочка! — Машенька бросилась к ней, обвила руками. — Я не хочу туда.

Анна прижала дочь к себе. Тоненькая фигурка сотрясалась от рыданий.

Переждав волну эмоций, Анна слегка отстранила Машеньку.

— Доченька, не торопись с ответом. Сейчас не время. Ты забыла, какой сегодня день? Надо успокоиться...

Анна достала валерьянку, накапала себе и Машеньке.

— Выпей вот. Помни только об экзамене. А решение не надо принимать сгоряча. После хорошенько подумаешь. Никто тебя не заставит уехать. Я тоже не хочу, чтобы ты уезжала. Но... ты, Машенька, взвесь всё, как следует... Отец он тебе родной, что ни говори. Ну, всё... всё. Иди, умойся.

Преодолев потрясение и приведя себя в порядок, уже уходя, Машенька протянула Анне конверт:

— Прочти, мам, когда время будет.

«Здравствуй, дочка! — писал Митя. — Во первых строках своего письма сообщаю, что мы живем хорошо. Я работаю и

зарабатываю немало. На жизнь хватает. Мама, правда, недавно выписалась из больницы. Ей сделали операцию — удалили желчный пузырь. Прихватило ее сильно, но теперь уже ничего. Чувствует себя нормально.

Маша, ты уже большая, надеюсь, поймёшь меня.

Я должен попросить у тебя прощения, за то, что мы не смогли вырастить тебя в родном доме, что приходится жить тебе вдали от семьи. Мы с мамой сильно виноваты перед тобой и теперь очень раскаиваемся. Я много думал и решил, что всё ещё можно изменить. Прошу тебя, Маша, приезжай к нам, домой, и всё будет хорошо. Ты ещё узнаешь настоящую родительскую любовь. Сестры тебя помнят и ждут встречи.

Дочка, я обещаю тебе не пить больше. Ты будешь учиться в техникуме, как Наташа. Приезжай обязательно. Я вышлю тебе денег на дорогу. Напиши нам. До свидания. Твой отец Дмитрий».

Руки с письмом безвольно опустились на колени. Сложные чувства охватили Анну.

С одной стороны, радость за Митю, что жизнь его наладилась, и гордость за него, что смог он всё-таки, сумел вырваться из алкогольного плена, гордость, сродни собственному удовлетворению, что не зря, всё же, вкладывала она в Митю душу свою, что сформировался-таки в его характере тот жизненный стержень, который помогает выстоять, не сломаться под ударами судьбы. И в этой радости прощала Анна и заблудшую Ларискину душу, жалея её, больную и покорную, и Митино упорное эгоистичное игнорирование в письме её, Анны.

С другой стороны, больно кольнул неприкрытый намёк на то, что Анина семья Машеньке не родная, что живёт Митина дочка, не зная «настоящей родительской любви».

Разве Анна любит Машеньку меньше, чем рождённого ею Володьку? Хоть когда-нибудь подчёркивала она различие между ними?

Выходит, не оттаял брат от обиды. Неужели, до конца дней будет лелеять он в своём сердце слепую враждебность?

Но, перехлёстывая все чувства, Анну сковывал, постепенно внедряясь в ее сознание, опустошающий страх, отчаянная боязнь потерять навсегда Машеньку, к которой приросла она всей душой. Удерживать её возле себя Анна не могла, не чувствовала за собой такого морального права. А разлуку, перенесёт ли она разлуку?!

...Весь день у Анны всё валилось из рук.

Николай, узнав причину душевного расстройтва жены, пытался ободрить и урезонить её.

— Маша уже почти взрослая. Всё равно ты не сможешь на всю жизнь привязать её к себе. Надо дать ей возможность определиться самой. Смирись, Аня.

Анна и сама понимала, что тут она бессильна. Оставалось ждать.

Машенька задерживалась. Уже вечерело, а ее всё ещё не было из школы. Нестряслось ли чего?..

Новое беспокойство вытеснило переживания, вызванные письмом.

«Уж не натворит ли Машенька глупостей от перевозбуждения? Вдруг она и на экзамен не пошла?»

Холодея от нехороших предчувствий, Анна стала лихорадочно собираться. Она решила идти в школу, к одноклассникам, не зная ещё куда — искать дочку.

Путь пролегал через сквер. В сгущающихся сумерках Анна заметила одинокий силуэт на лавочке.

— Машенька!

Девушка вздрогнула. Это была она, её малышка, заплаканная, подавленная, отчаявшаяся.

— Мамочка! — Она порывисто встала Анне навстречу, схватила протянутые к ней руки. — Я всё решила. Я никуда не поеду. Ты у меня одна, единственная, родная мама!

Содержание:

Предисловие Л. Н. Малюковой	5
Любить никогда не поздно	
Любить никогда не поздно	8
Мост над пропастью	16
Ошибка длиной в жизнь	52
Урсула	55
Возвращение к себе	59
Свой выбор	
Свой выбор	66
Фаина	72
Вражда	81
Скрипач	97
Одна ночь в поезде дальнего следования	101
«Хочу» и «надо»	
«Хочу» и «надо»	108
История одной поездки	112
Хорошо!	124
Моя старенькая мама	132
	171

Дитя природы

Дитя природы

136

Юла

143

Запоздалое письмо

158

Хлыстова Людмила Александровна
«ПРО ЖИЗНЬ И ПРО ЛЮБОВЬ...»

Сборник рассказов

В авторской редакции
Корректор *Г. Махова*
Верстка и оформление *В. Анистратова*
Обложка *И. Сиренко*
Директор издательства *А. Береговой*

Издательство Литературного фонда
России «Донской писатель»
344000, Ростов-на-Дону,
пр. Шолохова д. 1 оф. 2
тел. 8-918-599-67-51
e-mail: donpisatel@yandex.ru

При участии ХМТПП «Орфей»

Подписано в печать 06.08.2021 г.
Формат 148 x 210 1/8 Объем 11 у.п.л. 176 стр.
Обложка «Лён» 4+1 Склейка «Биндер». Тираж 300 экз.
Гарнитура Times New Roman

**Ростовские региональные отделения
Литературного фонда России
Союза писателей России**

Издательство «Донской писатель»

Всем авторам, а также юридическим лицам:

- издание книг, буклетов, журналов любых форматов, объёмов и оформления
- дизайн обложек;
- редактирование и корректура текстов;
- консультации известных донских прозаиков и поэтов;
- рецензирование рукописей;
- иные полиграфические услуги;

Высокое качество издательских и полиграфических работ – низкие цены – точные сроки.

Издательство «Донской писатель» с апреля 2015 года начало выпуск малоформатных и низкобюджетных (по минимальным ценам) книг из серии «Библиотечка журнала «ДОН_новый» (формат А-6, тираж 200 экз. стоимость в пределах 6500 рублей).

С условиями нашего с Вами сотрудничества Вы можете познакомиться в по телефонам: 8-918-599-67-51;8-916-591-10-75
e-mail: donpisatel@yandex.ru

Для заметок

Для заметок
